

**СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ,
О СЫНЕ ЕГО СЛАВНОМ И МОГУЧЕМ БОГАТЫРЕ
КНЯЗЕ ГВИДОНЕ САЛТАНОВИЧЕ
И О ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНЕ ЛЕБЕДИ**

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
«Кабы я была царица, —
Говорит одна девица, —
То на весь крещеный мир
Приготовила б я пир».
«Кабы я была царица, —
Говорит ее сестрица, —
То на весь бы мир одна
Наткала я полотна».

«Кабы я была царица, —
Третья молвила сестрица, —
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря».
Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрыпела,
И в светлицу входит царь,
Стороны той государь.
Во всё время разговора
Он стоял позадь забора;
Речь последней по всему
Полюбилася ему.
«Здравствуй, красная девица, —
Говорит он, — будь царица
И роди богатыря
Мне к исходу сентября.
Вы ж, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы,
Поезжайте вслед за мной,
Вслед за мной и за сестрой:
Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха».
В сени вышел царь-отец.
Все пустились во дворец.
Царь недолго собирался:
В тот же вечер обвенчался.
Царь Салтан за пир честной
Сел с царицей молодой;
А потом честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодых
И оставили одних.
В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха,
И завидуют оне
Государевой жене.
А царица молодая,
Дела вдаль не отлагая,
С первой ночи понесла.
В те поры война была.
Царь Салтан, с женой простясь,
На добра-коня садясь,
Ей наказывал себя

Побережь, его любя.
Между тем, как он далёко
Бьется долго и жестоко,
Наступает срок родин;
Сына бог им дал в аршин,
И царица над ребенком
Как орлица над орленком;
Шлет с письмом она гонца,
Чтоб обрадовать отца.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотят,
Перенять гонца велят;
Сами шлют гонца другого
Вот с чем от слова до слова:
«Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку».
Как услышал царь-отец,
Что донес ему гонец,
В гневе начал он чудесить
И гонца хотел повесить;
Но, смягчившись на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:
«Ждать царева возвращенья
Для законного решенья».
Едет с грамотой гонец,
И приехал наконец.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Обобратить его велят;
Допьяна гонца поят
И в суму его пустую
Суют грамоту другую —
И привез гонец хмельной
В тот же день приказ такой:
«Царь велит своим боярам,
Времени не трать даром,
И царицу и приплод
Тайно бросить в бездну вод».
Делать нечего: бояре,
Потужив о государе

И царице молодой,
В спальню к ней пришли толпой.
Объявили царску волю —
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслух указ,
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатали
И пустили в Окиян —
Так велел-де царь Салтан.
В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.
Словно горькая вдовица,
Плачет, бьется в ней царица;
И растет ребенок там
Не по дням, а по часам.
День прошел, царица вопит...
А дитя волну торопит:
«Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь,
Топишь берег ты земли,
Подымаешь корабли —
Не губи ты нашу душу:
Выплесни ты нас на сушу!»
И послушалась волна:
Тут же на берег она
Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.
Мать с младенцем спасена;
Землю чувствует она.
Но из бочки кто их вынет?
Бог неужто их покинет?
Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» — молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.
Мать и сын теперь на воле;

Видят холм в широком поле,
Море синее кругом,
Дуб зеленый над холмом.
Сын подумал: добрый ужин
Был бы нам, однако, нужен.
Ломит он у дуба сук
И в тугой сгибает лук,
Со креста снурок шелковый
Натянул на лук дубовый,
Тонку тросточку сломил,
Стрелкой легкой заострил
И пошел на край долины
У моря искать дичины.
К морю лишь подходит он,
Вот и слышит будто стон...
Видно на море не тихо;
Смотрит — видит дело лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршун носится над ней;
Та бедняжка так и плещет,
Воду вокруг мутит и хлещет...
Тот уж когти распустил,
Клёв кровавый наострил...
Но как раз стрела запела,
В шею коршуна задела —
Коршун в море кровь пролил,
Лук царевич опустил;
Смотрит: коршун в море тонет
И не птичьим криком стонет,
Лебедь около плывет,
Злого коршуна клюет,
Гибель близкую торопит,
Бьет крылом и в море топит —
И царевичу потом
Молвит русским языком:
«Ты, царевич, мой спаситель,
Мой могучий избавитель,
Не тужи, что за меня
Есть не будешь ты три дня,
Что стрела пропала в море;
Это горе — всё не горе.
Отплачу тебе добром,
Сослужу тебе потом:

Ты не лебедь ведь избавил,
Девицу в живых оставил;
Ты не коршуна убил,
Чародея подстрелил.
Век тебя я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись».
Улетела лебедь-птица,
А царевич и царица,
Целый день проведши так,
Лечь решились на тощак.
Вот открыл царевич очи;
Отрясая грезы ночи
И дивясь, перед собой
Видит город он большой,
Стены с частыми зубцами,
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей
И святых монастырей.
Он скорей царицу будит;
Та как ахнет!.. «То ли будет? —
Говорит он, — вижу я:
Лебедь тешится моя».
Мать и сын идут ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон:
К ним народ навстречу валит,
Хор церковный бога хвалит;
В колымагах золотых
Пышный двор встречает их;
Все их громко величают
И царевича венчают
Княжей шапкой, и главой
Возглашают над собой;
И среди своей столицы,
С разрешения царицы,
В тот же день стал княжить он
И нарекся: князь Гвидон.
Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах

На раздутых парусах.
Корабельщики дивятся,
На кораблике толпятся,
На знакомом острове
Чудо видят наяву:
Город новый златоглавый,
Пристань с крепкою заставой;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их он кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...»
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
От меня ему поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
С берега душой печальной
Провожает бег их дальный;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь печально отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает,
Одолела молодца:
Видеть я б хотел отца».
Лебедь князю: «Вот в чем горе!
Ну, послушай: хочешь в море

Полететь за кораблем?
Будь же, князь, ты комаром».
И крылами замахала,
Воду с шумом расплескала
И обрызгала его
С головы до ног всего.
Тут он в точку уменьшился,
Комаром оборотился,
Полетел и запищал,
Судно на море догнал,
Потихоньку опустил
На корабль — и в щель забился.
Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице;
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят
И в глаза ему глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой;
Он лежал пустой равниной;

Рос на нем дубок единый;
А теперь стоит на нем
Новый город со дворцом,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами,
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду;
Молвит он: «Коль жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
«Уж диковинка, ну право, —
Подмигнув другим лукаво,
Повариха говорит, —
Город у моря стоит!
Знайте, вот что не безделка:
Ель в лесу, под елью белка,
Белка песенки поет
И орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Вот что чудом-то зовут».
Чуду царь Салтан дивится,
А комар-то злится, злится—
И впился комар как раз
Тетке прямо в правый глаз.
Повариха побледнела,
Обмерла и окривела.
Слуги, сватья и сестра
С криком ловят комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!..» А он в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.
Снова князь у моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.

«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!

Что ж ты тих, как день ненастный?

Опечалился чему?» —

Говорит она ему.

Князь Гвидон ей отвечает:

«Грусть-тоска меня съедает;

Чудо чудное завестъ

Мне б хотелось. Где-то есть

Ель в лесу, под елью белка;

Диво, право, не безделка —

Белка песенки поет,

Да орешки всё грызет,

А орешки не простые,

Всё скорлупки золотые,

Ядра — чистый изумруд;

Но, быть может, люди врут».

Князю лебедь отвечает:

«Свет о белке правду бает;

Это чудо знаю я;

Полно, князь, душа моя,

Не печалься; рада службу

Оказать тебе я в дружбу».

С ободренною душой

Князь пошел себе домой;

Лишь ступил на двор широкий —

Что ж? под елкою высокой,

Видит, белочка при всех

Золотой грызет орех,

Изумрудец вынимает,

А скорлупку собирает,

Кучки равные кладет

И с присвисточкой поет

При честном при всем народе:

Во саду ли, в огороде.

Изумился князь Гвидон.

«Ну, спасибо, — молвил он, —

Ай да лебедь — дай ей боже,

Что и мне, веселье то же».

Князь для белочки потом

Выстроил хрустальный дом,

Караул к нему приставил

И притом дьяка заставил

Строгий счет орехам вести.

Князю прибыль, белке честь.
Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого:
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы конями,
Всё донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок—
И лежит нам путь далек:
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...»
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидон
Шлет царю-де свой поклон».
Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь — а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Молит князь: душа-де просит,
Так и тянет и уносит...
Вот опять она его
Вмиг обрызгала всего:
В муху князь оборотился,
Полетел и опустился
Между моря и небес
На корабль — и в щель залез.
Ветер весело шумит,
Судно весело бежит

Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана—
И желанная страна
Вот уж издали видна;
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с Бабарихой
Да с кривою поварихой
Около царя сидят,
Злыми жабами глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо,
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами да садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живет ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поет,
Да орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной—
И приставлен дьяк приказный
Строгий счет орехам весть;

Отдает ей войско честь;
Из скорлупок льют монету,
Да пускают в ход по свету;
Девки сыплют изумруд
В кладовые, да под спуд;
Все в том острове богаты,
Изоб нет, везде палаты;
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
«Если только жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
Усмехнувшись исподтиха,
Говорит царю ткачиха:
«Что тут дивного? ну, вот!
Белка камушки грызет,
Мечет золото и в груды
Загребает изумруды;
Этим нас не удивишь,
Правду ль, нет ли говоришь.
В свете есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Это диво, так уж диво,
Можно молвить справедливо!»
Гости умные молчат,
Спорить с нею не хотят.
Диву царь Салтан дивится,
А Гвидон-то злится, злится...

Зажужжал он и как раз
Тетке сел на левый глаз,
И ткачиха побледнела:
«Ай!» и тут же окривела;
Все кричат: «Лови, лови,
Да дави ее, дави...
Вот ужо! постой немножко,
Погоди...» А князь в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море прилетел.
Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает—
Диво б дивное хотел
Перенести я в мой удел».
«А какое ж это диво?»
— Где-то вздуется бурливо
Окиян, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Князю лебедь отвечает:
«Вот что, князь, тебя смущает?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морские
Мне ведь братья все родные.
Не печалься же, ступай,
В гости братцев поджидай».
Князь пошел, забывши горе,

Сел на башню, и на море
Стал глядеть он; море вдруг
Всколыхалось вокруг,
Расплескалось в шумном беге
И оставило на бреге
Тридцать три богатыря;
В чешуе, как жар горя,
Идут витязи четами,
И, блистая сединою,
Дядька впереди идет
И ко граду их ведет.
С башни князь Гвидон сбегает,
Дорогих гостей встречает;
Второпях народ бежит;
Дядька князю говорит:
«Лебедь нас к тебе послала
И наказом наказала
Славный город твой хранить
И дозором обходить.
Мы отныне ежедневно
Вместе будем непременно
У высоких стен твоих
Выходить из вод морских,
Так увидимся мы вскоре,
А теперь пора нам в море;
Тяжек воздух нам земли».
Все потом домой ушли.
Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете?
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;

Торговали мы булатом,
Чистым серебром и златом,
И теперь нам вышел срок;
А лежит нам путь далек,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану.
Да скажите ж: князь Гвидон
Шлет-де свой царю поклон».
Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь, а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Князь опять: душа-де просит...
Так и тянет и уносит...
И опять она его
Вмиг обрызгала всего.
Тут он очень уменьшился,
Шмелем князь оборотился,
Полетел и зажужжал;
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корму — и в щель забился.
Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит, весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят—

Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
Каждый день идет там диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге—
И останутся на бреге
Тридцать три богатыря,
В чешуе златой горя,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор;
Старый дядька Черномор
С ними из моря выходит
И попарно их выводит,
Чтобы остров тот хранить
И дозором обходить —
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А сидит там князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
«Коли жив я только буду,
Чудный остров навещу
И у князя погощу».
Повариха и ткачиха
Ни гугу — но Бабариха
Усмехнувшись говорит:
«Кто нас этим удивит?
Люди из моря выходят
И себе дозором бродят!

Правду ль бают, или лгут,
Дива я не вижу тут.
В свете есть такие ль дива?
Вот идет молва правдива:
За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвести:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выплывает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Молвить можно справедливо,
Это диво, так уж диво».
Гости умные молчат:
Спорить с бабой не хотят.
Чуду царь Салтан дивится —
А царевич хоть и злится,
Но жалеет он очей
Старой бабушки своей:
Он над ней жужжит, кружится —
Прямо на нос к ней садится,
Нос ужалил богатырь:
На носу вскочил волдырь.
И опять пошла тревога:
«Помогите, ради бога!
Караул! лови, лови,
Да дави его, дави...
Вот ужо! пожди немножко,
Погоди!..» А шмель в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.
Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:

«Грусть-тоска меня съедает:
Люди женятся; гляжу,
Неженат лишь я хожу».
— А кого же на примете
Ты имеешь? — «Да на свете,
Говорят, царевна есть,
Что не можно глаз отвести.
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает—
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит.
Только, полно, правда ль это?»
Князь со страхом ждет ответа.
Лебедь белая молчит
И, подумав, говорит:
«Да! такая есть девица.
Но жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнешь,
Да за пояс не заткнешь.
Услужу тебе советом —
Слушай: обо всем об этом
Пораздумай ты путем,
Не раскаяться б потом».
Князь пред нею стал божиться,
Что пора ему жениться,
Что об этом обо всем
Передумал он путем;
Что готов душою страстной
За царвною прекрасной
Он пешком идти отсель
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тут, вздохнув глубоко,
Молвила: «Зачем далёко?
Знай, близка судьба твоя,
Ведь царевна эта — я».
Тут она, взмахнув крылами,
Полетела над волнами
И на берег с высоты
Опустилася в кусты,

Встрепенулась, отряхнулась
И царевной обернулась:
Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Князь царевну обнимает,
К белой груди прижимает
И ведет ее скорей
К милой матушки своей.
Князь ей в ноги, умоляя:
«Государыня-родная!
Выбрал я жену себе,
Дочь послушную тебе,
Просим оба разрешенья,
Твоего благословенья:
Ты детей благослови
Жить в совете и любви».
Над главою их покорной
Мать с иконой чудотворной
Слезы льет и говорит:
«Бог вас, дети, наградит».
Князь не долго собирался,
На царевне обвенчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.
Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости,
Он их кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:

«Мы объехали весь свет,
Торговали мы не даром
Неуказанным товаром;
А лежит нам путь далек:
Восвояси на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному дарю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:
К нам он в гости обещался,
А доселе не собрался—
Шлю ему я свой поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
Дома на сей раз остался
И с женою не расстался.
Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна
К царству славного Салтана,
И знакомая страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости.
Гости видят: во дворце
Царь сидит в своем венце,
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят,
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:

Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами;
Ель растёт перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка в нём живет ручная,
Да чудесница какая!
Белка песенки поет
Да орешки всё грызет;
А орешки не простые,
Скорлупы-то золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Белку холят, берегут.
Там ещё другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор—
С ними дядька Черномор.
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А у князя женка есть,
Что не можно глаз отвести:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает;
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
Князь Гвидон тот город правит,
Всяк его усердно славит;
Он прислал тебе поклон,
Да тебе пеняет он:
К нам-де в гости обещался,
А доселе не собрался».
Тут уж царь не утерпел,
Снарядить он флот велел.
А ткачиха с поварихой,

С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.
Но Салтан им не внимает
И как раз их унимает:
«Что я? царь или дитя? —
Говорит он не шутя: —
Нынче ж еду!» — Тут он топнул,
Вышел вон и дверью хлопнул.
Под окном Гвидон сидит,
Молча на море глядит:
Не шумит оно, не хлещет,
Лишь едва, едва трепещет,
И в лазоревой дали
Показались корабли:
По равнинам Окияна
Едет флот царя Салтана.
Князь Гвидон тогда вскочил,
Громогласно возопил:
«Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Едет батюшка сюда».
Флот уж к острову подходит.
Князь Гвидон трубу наводит:
Царь на палубе стоит
И в трубу на них глядит;
С ним ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются оне
Незнакомой стороне.
Разом пушки запалили;
В колокольных зазвонили;
К морю сам идет Гвидон;
Там царя встречает он
С поварихой и ткачихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
В город он повел царя,
Ничего не говоря.
Все теперь идут в палаты:
У ворот блистают латы,
И стоят в глазах царя
Тридцать три богатыря,

Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Царь ступил на двор широкой:
Там под елкою высокой
Белка песенку поет,
Золотой орех грызет,
Изумрудец вынимает
И в мешечек опускает;
И засеян двор большой
Золотою скорлупой.
Гости дале — торопливо
Смотрят — что ж? княгиня — диво:
Под косой луна блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава,
И свекровь свою ведет.
Царь глядит — и узнает...
В нем разыграло ретивое!
«Что я вижу? что такое?
Как!» — и дух в нем занялся...
Царь слезами залился,
Обнимает он царицу,
И сынка, и молодицу,
И садятся все за стол;
И веселый пир пошел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Разбежались по углам;
Их нашли насилу там.
Тут во всем они признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустил всех трех домой.
День прошел — царя Салтана
Уложили спать вполпьяна.
Я там был; мед, пиво пил —
И усы лишь обмочил.

Карло Коллоди

Приключения Пиноккио. История деревянной куклы

1. Как мастер Вишня нашёл полено, которое умело плакать и смеяться, как ребёнок

– Давным-давно в некотором царстве – государстве жил да был...

– Король! – сразу крикнут мои маленькие читатели...

– Нет, ребята, кабы дело было так, не было бы драк! Вы ошиблись! Когда-то жил да был просто кусок дровяшки....

Это было не роскошное дерево, а простое сосновое полено, из тех, которые зимой бросают в печи и камины, чтобы разжечь огонь и обогреть комнаты.

Не знаю уж, какими путями, но в один прекрасный день этот кусок дерева оказался в мастерской старого столяра. Старика звали мастер Антонио, но весь свет именовал его «мастер Вишня», так как кончик его носа был подобен спелой вишне – вечно блестящий и сизо красный.

Мастер Вишня страшно обрадовался, обнаружив полено, и, весело потирая руки, пробормотал:

– Этот кусок дерева попался мне довольно кстати. Смастерю-ка я из него ножку для стола.

Сказано – сделано. Не мешкая, он взял острый топор, чтобы очистить кору и придать дереву форму ножки. Но не успел он занести топор, как рука его так и повисла в воздухе – из полена послышался тонкий, умоляющий голосок:

– Не бейте меня!

Можете себе представить, какое сделалось лицо у доброго старого мастера Вишни.

Изумлённый в высшей степени, он начал водить глазами по мастерской, чтобы узнать, откуда взялся этот голосок. Но в комнате никого не было. Он заглянул под верстак – никого. Посмотрел в шкаф, который обычно держал закрытым, – никого. Сунул голову в корзину с опилками и стружками – никого. Наконец открыл ставню и поглядел на улицу – тоже никого. Может быть...

– Я все понял, – захихикал он и почесал под париком. – Голосок мне просто померещился. Значит, снова за работу!

И он опять взялся за топор и нанёс превосходнейший удар по деревяшке.

– Ой, ты мне сделал больно! – завопил знакомый голосок.

Для мастера Вишни это было уже слишком. Глаза у него от страха полезли на лоб, рот раскрылся, язык свесился до подбородка, так что старик стал похож на одну из тех удивительных статуй, какими в старину украшали фонтаны.

Снова обретя дар речи, он начал рассуждать вслух, хотя ещё заикался от страха:

– Кто же всё-таки крикнул «ой»? Здесь ведь нет ни одной живой души. Может ли быть, чтобы кусок дерева плакал и вопил, как ребёнок? Нет, никогда не поверю! Это же самое обыкновенное полено, как две капли воды похожее на все другие поленья. Если бросить его в огонь, можно прекрасно сварить на нём добрый горшок бобов. А если... кто-нибудь влез в полено, а? Что ж, тем хуже для него. Сейчас я ему покажу!

С этими словами он схватил несчастное полено обеими руками и начал безжалостно бить его об стену мастерской.

Затем он прислушался – не раздастся ли снова стон или вопль. Он ждал две минуты – ни звука; он ждал пять минут – ни звука; десять минут – ни звука.

– Я понял, – сказал он наконец, сконфуженно ухмыльнулся и взъерошил свой парик. Голосок, крикнувший «ой», мне действительно только померещился. Значит, снова за работу!

А так как его испуг ещё не совсем прошёл, он, дабы не потерять бодрости духа, начал негромко напевать, как делал это обычно.

Отложив топор в сторону, он взял рубанок, чтобы гладко обстругать полено. Но только он начал водить рубанком взад вперёд по дереву, как снова услышал тот же голосок, который, захлёбываясь от смеха, выговаривал:

– Ах, перестань, пожалуйста! Ты щекочешь меня по всему телу!

На этот раз мастер Вишня свалился как громом поражённый. Когда он позже пришёл в себя, то увидел, что все ещё валяется на полу.

Лицо у него было перекошено, а сизо красный кончик носа теперь от страха стал темно синим.

2. Мастер Вишня дарит кусок дерева своему другу Джеппетто, который хочет вырезать из него чудеснейшего деревянного человечка, способного плясать и фехтовать, а также кувыркаться в воздухе

В это мгновение раздался стук в дверь.

– Войдите, – с трудом выговорил столяр, но встать на ноги не смог.

В мастерскую вошёл старый, но ещё бодрый человек, по имени Джеппетто. Дети из соседних домов, желая подразнить его, придумали ему прозвище Кукурузная лепёшка – его жёлтый парик выглядел точнёхонько, как кукурузная лепёшка.

Джеппетто был очень вспыльчивый старичок. Горе тому, кто назовёт его Кукурузной лепёшкой! Он сразу приходил в такое бешенство, что никакая сила не могла его укротить.

– Добрый день, мастер Антонио, – сказал Джеппетто. – Что вы поделяваете на полу?

– Преподаю муравьям таблицу умножения.

– В добрый час!

– Что привело вас ко мне, дядюшка Джеппетто?

– Ноги!.. Знайте, мастер Антонио: я пришёл сюда, чтобы просить вас об одном одолжении.

– С превеликим удовольствием, – ответил столяр и приподнялся с пола.

– Сегодня утром мне пришла в голову одна идея.

– Слушаю вас.

– Я подумал, что неплохо было бы вырезать такого отменного деревянного человечка. Но это должен быть удивительный деревянный человечек: способный плясать, фехтовать и кувыркаться в воздухе. С этим деревянным человечком я пошёл бы по белу свету и зарабатывал бы себе на кусок хлеба и стаканчик винца. Что вы на это скажете?

– Браво, Кукурузная лепёшка! – воскликнул тот самый голосок, который доносился неведь откуда.

Когда дядюшка Джеппетто услышал, что его обозвали Кукурузной лепёшкой, он от гнева побагровел, как перец, и яростно закричал на столяра:

– Как вы смеете меня оскорблять?

– Кто вас оскорбляет?

– Вы сказали мне «Кукурузная лепёшка»!

– Это не я сказал.

– Так кто же, я сам? Я заявляю, что это сказали вы!

– Нет!

– Да!

– Нет!

– Да!

Они горячились все больше, затем от слов перешли к делу, схватились, стали кусаться и царапаться.

Когда бой окончился, жёлтый парик Джеппетто был в руках мастера Антонио, а седой парик столяра – в зубах у Джеппетто.

– Отдай мне мой парик! – закричал мастер Антонио.

– А ты отдай мне мой, и мы заключим мир.

После того как старички обменялись париками, они пожали друг другу руки и поклялись быть добрыми друзьями на всю жизнь.

– Итак, дядюшка Джеппетто, – сказал столяр в знак примирения, – какую услугу я могу вам оказать?

- Не дадите ли вы мне дерева, чтобы я мог сделать деревянного человечка?

Мастер Антонио поспешно и не без удовольствия бросился к верстаку и достал тот самый кусок дерева, который нагнал на него такого страху. Но, когда он передавал полено своему, другу, оно сильно рванулось, выскользнуло у него из рук и свалилось прямо на тощие ноги бедного Джеппетто.

- Ох! Как вежливо вы преподносите людям свои подарки, мастер Антонио! Вы меня, кажется, сделали калекой на всю жизнь.

- Клянусь вам, это не я!

- Значит, я?

- Виновато это дерево.

- Это я и сам знаю, но ведь вы уронили мне его на ноги.

- Я не ронял!

- Обманщик!

- Джеппетто, не оскорбляйте меня, иначе я назову вас Кукурузной лепёшкой!

- Осел!

- Кукурузная лепёшка!

- Корова!

- Кукурузная лепёшка!

- Глупая обезьяна!

- Кукурузная лепёшка!

Когда Джеппетто в третий раз услышал, что его обозвали Кукурузной лепёшкой, он потерял последние крохи разума, бросился на столяра, и оба начали снова тузить друг друга.

После потасовки нос мастера Антонио имел на две царапины больше, а куртка его друга – на две пуговицы меньше.

Когда они таким образом свели свои счёты, оба опять пожали друг другу руки и поклялись быть добрыми друзьями на всю жизнь.

Затем Джеппетто взял шальное полено под мышку и, прихрамывая, отправился домой.

3. Джеппетто, вернувшись домой, сразу же начинает вырезать деревянного человечка и даёт ему имя Пиноккио. Первые шаги деревянного человечка

Все жилище Джеппетто состояло из маленькой подвальной каморки; её единственное окно выходило под лестницу. Обстановка не могла быть скромнее: шатающийся стул, прохудившаяся кровать и старый колченогий стол. У стены виднелся крохотный камин, в котором горел огонь. Но огонь был нарисованный, висевший над ним котелок – тоже нарисованный; он весело кипел и выпускал целое облако пара, и все было в точности как настоящее.

Как только Джеппетто пришёл домой, он без промедления взял свой инструмент и начал вырезать деревянного человечка.

«Какое имя я дам ему? – задумался Джеппетто. – Назову-ка его Пиноккио. Это имя принесёт ему счастье. Когда то я знал целую семью Пиноккио: отца звали Пиноккио, мать – Пиноккия, детей – Пинокки, и все чувствовали себя отлично. Самый богатый из них кормился подаванием».

Найдя имя для своего деревянного человечка, он стал прилежно работать. Сначала он сделал ему волосы, потом лоб и наконец глаза.

Когда глаза были готовы, он заметил – представьте себе его удивление! – что они моргают и в упор глядят на него. Уловив пристальный взгляд деревянных глаз, Джеппетто почувствовал себя не в своей тарелке и сказал с досадой:

– Глупые деревянные глаза, чего вы на меня вытаращились?

Но никто ему не ответил.

Покончив с глазами, он сделал нос. Как только нос был готов, он начал расти и рос и рос, пока за несколько минут не стал таким носищем, что просто конца краю ему не было.

Бедный Джеппетто старался укоротить его, но, чем больше он его обрезал, отрезал и вырезал, тем длиннее становился нахальный нос.

Оставив нос в покое, он принялся за рот.

Рот был ещё не вполне готов, а уже начал смеяться и корчить насмешливые рожи.

– Перестань смеяться! – сказал Джеппетто раздражённо.

Но с таким же успехом он мог обратиться к стене.

– Я ещё раз тебе говорю, перестань смеяться! – вскричал Джеппетто сердито.

Рот сразу же перестал смеяться, зато высунул длиннющий язык.

Джеппетто, не желая портить себе настроение, перестал обращать внимание на все эти странности и продолжал работать. Вслед за ртом он сделал подбородок, затем шею, плечи, туловище и руки.

Как только руки были закончены, Джеппетто сразу же почувствовал, что кто-то стянул у него с головы парик. Он взглянул вверх – и что же увидел? Деревянный Человечек держал его жёлтый парик в руках.

– Пиноккио! Ты немедленно вернёшь мне мой парик, или...

Вместо того чтобы вернуть парик старику, Пиноккио натянул его себе на голову, причём чуть не задохнулся под ним.

Бесстыдное и наглое поведение Пиноккио навеяло на Джеппетто такую грусть, какой он не испытывал за всю свою жизнь, и он сказал:

– Ты, безобразник, ты ещё не совсем готов, а уже проявляешь неуважение к своему отцу. Худо, дитя моё, очень худо!

И он вытер слезу.

Теперь следовало вырезать ещё ноги. И лишь только Джеппетто сделал их, как тотчас же получил пинок по носу.

«Я сам во всем виноват, – вздохнул он про себя. – Надо было раньше все предвидеть,

теперь уже слишком поздно».

Затем он взял Деревянного Человечка под мышки и поставил на землю, чтобы Пиноккио научился ходить.

Но у Пиноккио были ещё совсем негнущиеся, неуклюжие ноги, и он еле двигался. Тогда Джеппетто взял его за руку и стал учить, как надо переступать ногами.

Ноги постепенно расходились. Пиноккио начал двигаться свободнее и через несколько минут уже самостоятельно ходил по комнате. В конце концов он переступил порог, выскочил на середину улицы – и поминай как звали.

Бедный Джеппетто побежал следом, но не мог его догнать: этот плут Пиноккио делал прыжки не хуже зайца и так стучал при этом своими деревянными ногами по торцовой мостовой, как двадцать пар крестьянских деревянных башмаков.

– Держи его! Держи! – кричал Джеппетто.

Однако прохожие при виде Деревянного Человечка, бегущего, как гончая собака, замирали, глазели на него и хохотали, так хохотали, что невозможно описать.

К счастью, появился полицейский. Он подумал, что не иначе как жеребёнок убежал от своего хозяина. И он встал, мужественный и коренастый, посреди улицы, твёрдо решившись схватить лошадку и не допустить до беды.

Пиноккио уже издали заметил, что полицейский преградил ему путь, и хотел проскользнуть у него между ног. Но его постигла плачевная неудача.

Полицейский ловким движением ухватил Пиноккио за нос (а это был, как известно, необыкновенно длинный нос, будто для того только и созданный, чтобы полицейские за него хватались) и передал его в руки Джеппетто. Старику не терпелось тут же на месте надрать Пиноккио уши в наказание за бегство. Но представьте себе его изумление – он не мог обнаружить ни одного уха! Как вы думаете, почему? Да потому, что, увлечшись работой, он позабыл сделать Деревянному Человечку уши.

Пришлось взять Пиноккио за шиворот и таким порядком повести его обратно домой. При этом Джеппетто твердил, угрожающе покачивая головой:

– Сейчас мы пойдём домой. А когда мы будем дома, я с тобой рассчитаюсь, будь уверен!

Услышав эту угрозу, Пиноккио лёг на землю – и ни с места. Подошли любопытные и бездельники, и вскоре собралась целая толпа.

Все говорили разное.

– Бедный Деревянный Человечек, – сочувствовали одни. – Он совершенно прав, что не хочет идти домой. Этот злодей Джеппетто задаст ему перцу.

Другие, полные злости, твердили:

– Этот Джеппетто, хоть и выглядит порядочным человеком, на самом деле груб и безжалостен к детям. Если мы отдадим ему бедного Деревянного Человечка, он его на куски изломает.

И они болтали и подзуживали друг друга до тех пор, пока полицейский не освободил Пиноккио, а вместо него арестовал бедного Джеппетто. От неожиданности старик не сумел найти ни слова себе в оправдание, только заплакал и по дороге в тюрьму всхлипывал, приговаривая:

– Неблагодарный мальчишка! А я-то старался сделать из тебя приличного Деревянного Человечка! Но так мне и надо. Следовало раньше все предвидеть!

То, что случилось потом, – совершенно невероятная история, которую я изложу вам в последующих главах.

4. История Пиноккио и говорящего сверчка, из которой видно, что злые дети не любят, когда им делает замечание кто-нибудь, знающий больше, чем они сами

Итак, дети, скажу вам, что, в то время как Джеппетто был безвинно заключён в тюрьму, наглый мальчишка Пиноккио, избежав когтей полицейского, пустился напрямик через поле домой. Он прыгал через холмы, густой терновник и канавы с водой, словно затравленный загонщиками дикий козёл или заяц. Дома он распахнул незапертую дверь, вошёл, задвинул за собой щеколду и плюхнулся на пол с глубоким вздохом облегчения.

Но он недолго наслаждался спокойствием – вдруг ему послышалось, что в комнате кто-то пропищал:

– Кри кри кри...

– Кто меня зовёт? – в ужасе спросил Пиноккио.

– Это я!

Пиноккио обернулся и увидел большого Сверчка, который медленно полз вверх по стене.

– Скажи мне Сверчок, кто ты такой?

– Я Говорящий Сверчок и живу уже больше ста лет в этой комнате.

– Теперь это моя комната, – сказал Деревянный Человечек. – Будь любезен, отправляйся вон отсюда, желательно без оглядки!

– Я не уйду, – возразил Сверчок, – прежде чем не скажу тебе великую правду.

– Говори великую правду, только поскорее.

– Горе детям, которые восстают против своих родителей и покидают по неразумию своему отчий дом! Плохо им будет на свете, и они рано или поздно горько пожалеют об этом.

– Верещи, верещи. Сверчок, если тебе это интересно! Я, во всяком случае, знаю, что уже завтра на рассвете меня тут не будет. Если я останусь, мне придётся жить так же скучно, как всем другим детям: меня пошлют в школу, заставят учиться, хочу я этого или не хочу. А между нами говоря, у меня нет ни малейшего желания учиться. Гораздо приятнее бегать за мотыльками, лазать на деревья и воровать из гнёзд птенцов.

– Бедный глупыш! Разве ты не понимаешь, что таким образом ты превратишься в настоящего осла и никто тебя ни в грош не будет ставить?

– Заткни глотку, старый зловещий Сверчок! – не на шутку рассердился Пиноккио.

Но Сверчок, преисполненный терпения и мудрости, не обиделся и продолжал:

– А если тебе не по нраву ходить в школу, то почему бы тебе не научиться какому-нибудь ремеслу и честно зарабатывать свой хлеб?

– Сказать тебе, почему? – ответил Пиноккио, понемногу теряя терпение. – Потому что из всех ремёсел на свете только одно мне действительно по душе.

– И что же это за ремесло?

- Есть, пить, спать, наслаждаться и с утра до вечера бродяжничать.
- Заметь себе, – сказал Говорящий Сверчок со свойственным ему спокойствием, – что все, занимающиеся этим ремеслом, всегда кончают жизнь в больнице или в тюрьме.
- Полегче, старый зловещий Сверчок... Если я рассержусь, тебе худо будет!
- Бедный Пиноккио, мне тебя вправду очень жаль!
- Почему тебе меня жаль?
- Потому что ты Деревянный Человечек и, хуже того, у тебя деревянная голова!

При последних словах Пиноккио вскочил, разъярённый, схватил с лавки деревянный молоток и швырнул его в Говорящего Сверчка.

Возможно, он не думал, что попадёт в цель, но, к несчастью, попал Сверчку прямо в голову, и бедный Сверчок, успев только произнести напоследок «кри кри кри», остался висеть на стене как мёртвый.

5. Пиноккио чувствует голод и, найдя яйцо, хочет изжарить себе яичницу, но в самое прекрасное мгновение яичница улетает в окно

Между тем наступила ночь, и Пиноккио, вспомнив, что ничего не ел, ощутил в желудке некое шебуршение, весьма похожее на аппетит.

Но у детей аппетит растёт со страшной быстротой, и вот за несколько минут он превратился в голод, а голод в одно мгновение превратился в волчий голод, такой сильный, что его, право же, можно было пощупать руками.

Бедный Пиноккио стремительно бросился к камину, где кипел горшок, и хотел снять крышку, чтобы увидеть, что там варится. Но горшок был нарисован на стене. Представьте себе, каково это показалось Пиноккио! Его и без того длинный нос вытянулся по крайней мере ещё на четыре пальца.

Он обежал всю комнату, обыскал все ящики и углы в надежде найти хлеба, хотя бы кусочек чёрствого хлеба, хотя бы хлебную корочку или обглоданную собачью кость, кусочек заплесневелой кукурузной лепёшки, рыбью кость, вишнёвую косточку – короче говоря, хоть что-нибудь, что можно запихнуть себе в рот. Но не нашёл ничего, ну просто ничегошеньки.

А голод все рос, и рос, и рос, и Пиноккио не мог ничем облегчить свои страдания, кроме как зевотой. И он начал зевать так отчаянно, что его рот раздирало до ушей.

Наконец он совсем потерял мужество и, плача, сказал:

– Говорящий Сверчок был прав. Некрасиво с моей стороны огорчать отца и убегать из дому. Если бы мой отец был дома, я не зевал бы тут до смерти. Ах, какая ужасная болезнь голод!

Вдруг он заметил в куче мусора что-то такое кругленькое и беленькое, похожее на куриное яйцо. В мгновение ока он очутился там и схватил этот предмет. Действительно, то было яйцо.

Радость Деревянного Человечка невозможно описать. Пиноккио казалось, что он грезит. Он вертел и крутил яйцо в руках, гладил, целовал его и приговаривал:

– А как мне тебя приготовить? Я испеку тебя. Нет, лучше сварю всмятку. А не лучше ли изжарить тебя на сковородке? Или, может быть, всё-таки сварить наскоро, чтобы можно было выпить? Нет, быстрее всего – разбить в тарелку или сковородку. Я весь горю, так мне хочется скорее сожрать тебя!

Он поставил сковородку на жаровню с горящими углями, вместо масла налил немножко воды, а когда вода превратилась в пар, – трах! – разбил скорлупу и опрокинул яйцо на сковородку.

Но вместо белка и желтка из яйца выскочил живёхонький и весьма учтивый цыплёнок. Он сделал изящный поклон и сказал:

– Тысячу благодарностей, синьор Пиноккио! Вы избавили меня от труда разбивать скорлупу. До свидания, пламенный привет!

Сказав это, он расправил крылышки, вылетел через открытое окно и исчез.

Бедный Деревянный Человечек так и окаменел на месте с разинутым ртом и вытаращенными глазами, держа яичную скорлупу в руке. Когда прошёл первый испуг, он начал хныкать и плакать, топтать в отчаянии ногами и говорить сквозь слезы:

– Говорящий Сверчок был прав. Если бы я не убежал из дому и если бы мой отец был теперь здесь, мне не пришлось бы умирать с голоду. Ах, какая поистине страшная болезнь голод!

И, так как в его желудке урчало все громче и он не знал, как смягчить свои страдания, он решил уйти из дому и бежать в ближайшую деревню, где какая-нибудь сострадательная душа, может быть, подаст ему кусок хлеба.

6. Пиноккио засыпает, положив ноги на жаровню с углями, и утром просыпается без ног

На дворе была ужасная зимняя ночь. Гром оглушительно гремел, молнии догоняли одна другую, все небо было охвачено огнём. Холодный, порывистый ветер свирепо завывал, вздымая огромные облака пыли и заставляя деревья на полях плакать и стонать.

Пиноккио очень боялся грома и молнии, но голод был сильнее страха. Он прикрыл за собой дверь, взял подходящий разгон и за каких-нибудь сто прыжков очутился в деревне, правда, при этом он тяжело дышал и высунул язык, как добрая охотничья собака.

Деревня лежала тёмная и покинутая. Лавки были закрыты, двери домов закрыты, окна закрыты. На улицах не было даже собаки. Все выглядело вымершим.

Пиноккио, голодный и отчаявшийся, подошёл к одному дому, потянул за дверной колокольчик и позвонил, думая про себя: «Авось кто-нибудь да выглянет».

Действительно, в окне показался старик в ночном колпаке. Он сердито крикнул:

- Что вам тут нужно в эту пору?
- Будьте так добры, подайте мне кусок хлеба.
- Подожди меня, я сейчас вернусь, - сказал старик.

Он решил, что имеет дело с одним из тех забубённых бродяг, которые забавы ради ночью звонят в квартиры и отрывают честных людей от спокойного сна.

Через полминуты окно снова открылось, и старик крикнул:

- Становись под окно и подставь свою шляпу!

Пиноккио незамедлительно снял свой колпак. И тут на него обрушился поток воды, который промочил его насквозь от головы до пят, как горшок с засохшей геранью.

Мокрый, словно его только что вытащили из водосточной трубы, вернулся он домой, еле живой от усталости и холода. Он сел и протянул свои продрогшие и грязные ноги над жаровней с раскалёнными углями.

Так он уснул. И во сне его деревянные ноги загорелись, обуглились и, наконец, превратились в золу.

А Пиноккио спал и храпел так, словно это были не его ноги, а чужие. Когда рассвело, он проснулся: кто-то стучал в дверь.

– Кто там? – спросил он, зевая, и начал продира́ть глаза.

– Я, – ответил голос.

Это был голос Джеппетто.

7. Джеппетто возвращается домой. Бедняга отдаёт Пиноккио всё, что принёс себе на завтрак

Несчастный Пиноккио ещё не совсем проснулся и поэтому не заметил, что его ноги сгорели. Услышав голос отца, он без раздумий соскочил со стула, чтобы отодвинуть дверной засов. Но после двух трех нетвёрдых шагов упал с размаху на пол. И при падении произвёл такой грохот, словно мешок с деревянными ложками, упавший с пятого этажа.

– Отвори! – крикнул Джеппетто с улицы.

– Отец, я не могу, – ответил, плача Деревянный Человечек и стал кататься по полу.

– Почему не можешь?

– Потому что кто-то сожрал мои ноги.

– А кто их сожрал?

– Кошка, – сказал Пиноккио.

Он как раз в эту минуту заметил, что кошка передними лапками теревит две стружки.

– Открой, говорю тебе, – повторил Джеппетто, – а не то, как войду, покажу тебе кошку!

- Но я вправду не могу стоять, поверьте мне. Ах, я несчастный, несчастный! Теперь я буду всю свою жизнь ползать на коленках!

Джеппетто, предположив, что все эти вопли не более как очередная проделка Деревянного Человечка, решил положить ей конец, влез на стену и проник в комнату через окно.

Он приготовился было, не откладывая в долгий ящик, проучить наглеца, но, когда увидел своего Пиноккио, распростёртого на полу и действительно безногого, жалость охватила его. Он взял Пиноккио на руки, обнял его и облобызал тысячу раз. По его щекам в это время катились крупные слезы, и он сказал, всхлипывая:

- Мой Пиноккушка, как это ты ухитрился спалить себе ноги?

- Не знаю, отец. Но, клянусь вам, это была страшная ночь, которую я никогда в жизни не забуду. Гремел гром, блистали молнии, а я так хотел есть, и Говорящий Сверчок сказал мне: «Тебе будет плохо, и ты был злой и заслужил это». И тогда я сказал: «Берегись, Сверчок!», и тогда он сказал: «Ты Деревянный Человечек, и у тебя деревянная голова», и я бросил деревянный молоток в него и убил его, но он сам виноват, так как я не хотел его убить, потому что я поставил маленькую сковородку на раскалённые угли жаровни, но цыплёнок выскочил и сказал: «До свидания... Пламенный привет!» И голод все рос, и поэтому старик в ночном колпаке высунулся в окно и сказал мне: «Становись под окно и подставь шляпу», и я с бадьёй воды на голове (разве попросить кусок хлеба – позор, а?) сразу же вернулся домой, и, так как я все ещё был ужасно голоден, я положил ноги на жаровню, чтобы их высушить. И тогда вы вернулись, и я увидел, что они сгорели, и ног у меня больше не стало, а голод всё равно остался! У у у у!

И бедный Пиноккио заплакал и завыл так громко, что было слышно за пять километров.

Джеппетто, который из всей этой бредовой речи понял только одно, а именно, что Деревянный Человечек погибает от голода, вытащил из кармана три груши, подал их Пиноккио и сказал:

- Эти три груши, собственно говоря, мой завтрак, но я охотно отдаю их тебе. Съешь их на здоровье.

- Если вы хотите, чтобы я их съел, то очистите их, пожалуйста.

– Очистить? – спросил Джеппетто, поражённый. – Я не предполагал, мой мальчик, что ты так изнежен и привередлив. Нехорошо! На этом свете нужно ещё с детства привыкать есть всё, что дают, так как неизвестно, что может случиться. А случиться может всяко!

– Допускаю, что вы правы, – прервал его Пиноккио, – но нечищенных фруктов я есть не стану. Я не выношу кожуры!

Добросердечный Джеппетто вытащил ножик, с истинно ангельским терпением очистил все три груши и положил кожуру на край стола.

Пиноккио, сожрав в два счета первую грушу, хотел было выбросить сердцевину, но Джеппетто придержал его за руку и сказал:

– Не бросай. На этом свете все может пригодиться.

– Неужели вы думаете, что я буду есть сердцевину?! – с ехидством змеи произнёс Деревянный Человечек.

– Кто знает! Все возможно, – возразил Джеппетто без раздражения.

Так или иначе, но все три сердцевины не полетели за окно, а были положены на край стола рядом с кожурой.

Пиноккио съел или, вернее, проглотил три груши, затем сладко зевнул и сказал плачущим голосом:

– Я ещё не наелся!

– Но, мой мальчик, у меня ничего больше нет.

– Неужели ничего?

– У меня остались вот только кожура и сердцевина от груш.

– Ну что ж, – сказал Пиноккио, – если ничего больше нет, я, пожалуй, съем кусочек кожуры.

И он стал жевать. Сначала скривил губы, но затем в одно мгновение уничтожил всю кожуру, а вслед за ней – сердцевину. Покончив с едой, он, довольный, погладил себя

по животу и весело сказал:

– Вот теперь я себя чувствую по-настоящему хорошо!

– Видишь, – заметил Джеппетто, – я был прав, когда сказал тебе, что нельзя быть таким привередой! Мой милый, никогда нельзя знать, что с нами случится на этом свете. А случиться может всяко.

8. Джеппетто мастерит Пиноккио пару новых ног и продаёт собственную куртку, чтобы приобрести для него букварь

Не успел Деревянный Человечек утихомирить свой голод, как уже начал стонать и плакать: ему захотелось заполучить новые ноги.

Однако Джеппетто решил наказать его за проделки и полдня никак не отзывался на его плач и стоны. Наконец он сказал:

– С какой стати я буду делать тебе новые ноги? Не для того ли, чтобы ты мог снова убежать из дому?

– Я обещаю вам, – сказал Деревянный Человечек, всхлипывая, что теперь я буду хороший.

– Так говорят все дети, когда им хочется что-нибудь выпросить, – возразил Джеппетто.

– Я обещаю пойти в школу и прилежно учиться.

– Все дети рассказывают такие сказки, когда им хочется что-нибудь выпросить.

– Но я не такой, как все дети! Я гораздо лучше и всегда говорю правду. Я обещаю вам, отец, что я научусь ремеслу и буду утешением и подспорьем в вашей старости.

Джеппетто сделал сердитое лицо, но его глаза были полны слез, а сердце полно жалости при виде бедного Пиноккио в таком плачевном состоянии. Поэтому он ничего больше не сказал, а взял инструмент, два кусочка хорошо просушенного дерева и ревностно принялся за работу.

Менее чем через час ноги были готовы: две стройные, сухие, жилистые ноги. Настоящий художник не мог бы сделать лучше.

Затем Джеппетто сказал Деревянному Человечку:

– Закрой глаза и спи!

И Пиноккио закрыл глаза и притворился спящим. И в то время, как он притворялся спящим, Джеппетто развёл в яичной скорлупе немного столярного клея и аккуратно приклеил ему обе ноги, да так искусно, что нельзя было разобрать, в каком месте они склеены.

Как только Деревянный Человечек почувствовал, что у него снова есть ноги, он тут же вскочил со стола, где лежал до того, задрогал ногами и начал скакать и кувыркаться, словно обезумев от радости.

– В благодарность за всё, что вы для меня сделали, – сказал Пиноккио, обращаясь к своему отцу, – я хочу немедленно идти в школу.

– Прекрасно, мой мальчик!

– Но, для того чтобы я мог идти в школу, меня надо как-нибудь одеть.

Джеппетто, который был беден и не имел ни одного центезимо в кармане, смастерил для Пиноккио костюмчик из бумаги, пару ботинок из древесной коры и колпак из хлебного мякиша.

Пиноккио сразу же побежал к миске с водой, чтобы посмотреться в неё как в зеркало, и до того остался доволен своей внешностью, что воскликнул, гордый, как павлин:

– Я выгляжу, как настоящий синьор!

– Это правильно, – ответил Джеппетто, – но заметь себе: не красивая одежда делает синьора, а чистая.

– Однако, – проговорил Деревянный Человечек, – я все ещё не могу идти в школу, так как мне не хватает одной вещи, причём самой главной.

– А именно?

– У меня нет букваря.

– Ты прав. Но как нам достать букварь?

– Это довольно просто: надо пойти и купить.

– А деньги?

– У меня их нет.

– У меня тоже, – возразил старик сокрушённо.

Даже Пиноккио, бывший до сих пор довольно легкомысленным парнем, пригорюнился, ибо, когда горе является настоящим горем, оно понятно всем, даже детям.

– Эх, была не была! – вдруг воскликнул Джеппетто и вскочил с места.

Затем он напялил на себя свою старую, порванную и всю перештопанную бархатную куртку и быстро вышел из дому.

Вскоре он вернулся, держа в руках букварь для сына, но куртки на нём уже не было.

Бедный старик вернулся в одной рубашке – а на улице шёл снег.

– А куртка, отец?

– Я её продал.

– Почему вы её продали?

– Потому что мне жарко.

Пиноккио сразу же понял, в чём дело, и, не в силах сдержать своё буйное доброе сердце, бросился к старику на шею и обцеловал ему все лицо.

9. Пиноккио продаёт букварь, чтобы поглядеть на кукольный театр

Как только перестал идти снег, Пиноккио взял новый букварь под мышку и пошёл в школу. По дороге в его маленькой головке проносились тысячи различных мыслишек, и в уме он строил тысячи воздушных замков, один прекраснее другого. Он говорил себе:

– Сегодня в школе я научусь читать, завтра – писать, а послезавтра – считать. Потом я, при моей ловкости, заработаю много денег и на эти самолично заработанные деньги перво-наперво куплю красивую суконную куртку своему отцу. Да что там суконную! Для него я раздобуду куртку целиком из золота и серебра и с пуговицами из самоцветных камней. Добряк поистине заслужил это, он ведь теперь бегаёт в одной рубашке, и все для того, чтобы я имел книжки и мог учиться. В такой холод! Есть

жертвы, на которые способны только отцы!

В то время как он говорил так трогательно, ему послышались издали звуки флейт и барабанов: «Тю тю тю, тю тю тю, бум бум бум! Бум!»

Он остановился и прислушался. Звуки доносились оттуда, где терялась вдалеке длинная предлинная дорога, которая вела к маленькой деревеньке на берегу моря.

– Что это за музыка? Жаль, что мне нужно идти в школу, а то бы...

В одно мгновение у него все перевернулось в голове. Надо было решать: школа или музыка.

– Сегодня я пойду к музыке, а завтра в школу. Школа никуда не убежит, – решил наконец наш мошенник и пожал плечами.

Сказано – сделано. Он свернул на желанную дорогу и пустился по ней со всех ног. Чем дальше он бежал, тем явственнее слышал звуки флейт и барабанов: «Тю тю тю, тю тю тю, бум бум бум! Бум!»

Вскоре он очутился на площади, переполненной народом, толпящимся перед большим деревянным балаганом с пёстрым полотняным занавесом.

– Что это за балаган? – спросил Пиноккио у маленького деревенского мальчика.

– Читай, что написано на афише, и ты узнаешь!

– Я бы это сделал с удовольствием, но как раз сегодня я не умею читать.

– Bravo, осел! В таком случае, я тебе прочитаю. Так вот, на афише написано огненно красными буквами: Большой кукольный театр.

– И давно уже началось представление?

– Оно как раз начинается.

– И сколько надо платить за вход?

– Четыре сольдо.

Пиноккио, пылавший от любопытства, позабыл про всякие приличия. Он бесстыдно спросил у маленького мальчика:

- Не дашь ли ты мне до завтра четыре сольдо?

- Я бы это сделал с удовольствием, – ответил тот насмешливо, – но как раз сегодня я не могу.

- За четыре сольдо я продам тебе свою курточку, – сказал Деревянный Человечек.

- А зачем мне нужна курточка из пёстрой бумаги? Стоит ей попасть под дождь, и я её больше не увижу.

- Может быть, ты купишь мои ботинки?

- Они очень хороши для растопки плиты.

- Что ты мне дашь за колпак?

- Это была бы удачная покупка! Колпак из хлебного мякиша! Мыши съедят его у меня на голове.

Куда денешься? Пиноккио прикусил язык. Он хотел было сделать последнее предложение, но ему не хватало мужества. Он колебался, медлил, вертелся туда-сюда. В конце концов он сказал:

- Дашь мне четыре сольдо за новый букварь?

- Я мальчик и не покупаю у других мальчиков, – ответил его маленький собеседник, оказавшийся гораздо более рассудительным, чем Пиноккио.

- Беру букварь за четыре сольдо! – крикнул некий старьевщик, слышавший весь разговор.

И в мгновение ока книга была продана.

Вспомните, что дома в это время бедный Джеппетто в одной рубашке дрожал от холода, ибо променял свою куртку на букварь.

10. Куклы узнают своего братца Пиноккио и устраивают ему грандиозную встречу, но в самый торжественный момент появляется хозяин театра Манджафоко и Пиноккио подвергается страшной опасности

Приход Пиноккио в кукольный театр вызвал чуть ли не революцию. Занавес был поднят, представление уже началось.

На сцене находились Арлекин и Пульчинелла, они ссорились и бранились и, как обычно, каждую минуту обещали друг другу парочку оплеух или порцию тумачков.

Зрители корчились от смеха, глядя на кукол, которые бранились на разные голоса так правдоподобно, словно они действительно были двумя разумными существами – людьми нашего мира.

Вдруг Арлекин прерывает представление, обращается к публике, простирает руку в глубину зрительного зала и кричит трагическим голосом:

– О силы неба! Я бодрствую или вижу сновидение? И всё-таки там, позади, Пиноккио!

– Верно, Пиноккио! – восклицает Пульчинелла.

– Да, это он! – восклицает синьора Розаура, высунув голову из-за кулис.

– Пиноккио! Пиноккио! – кричат все куклы и вприпрыжку выбегают на сцену.

– Пиноккио! Наш братец Пиноккио! Да здравствует Пиноккио!

– Пиноккио, поднимись ко мне! – кричит Арлекин. – Иди сюда и пади в объятия к своим деревянным братьям!

После этого сердечного приглашения Пиноккио делает скачок, который переносит его с задних рядов к самой сцене. Ещё один скачок – он оказывается на голове у дирижёра и оттуда прыгает на сцену.

Нельзя себе даже представить, сколько объятий, дружеских тумачков и щелчков получил Пиноккио в доказательство искреннего и нерушимого братства актёров и актрис деревянной труппы.

Это был несомненно волнующий спектакль, но зрители в зале потеряли терпение, им хотелось видеть продолжение комедии, и они стали кричать:

– Давайте комедию! Давайте комедию!

Они могли бы побережь свои голоса, так как куклы даже и не собирались продолжать представление, а, наоборот, заорали и загалдели вдвое громче, подняли Пиноккио на плечи и с триумфом поднесли к передней рампе.

Но тут появился кукольник – хозяин балагана, огромный уродливый господин, один вид которого нагонял ужас. У него была растрёпанная борода, чёрная, как чернильная клякса, и до того длинная, что доставала до земли, и он на ходу наступал на неё ногами. Рот у него был широкий, как печка, а глаза напоминали два красных стеклянных фонаря с горящими свечками внутри. В руках он держал толстенный кнут, сплетённый из змей и лисьих хвостов.

При внезапном появлении хозяина театра все онемело. Никто не смел громко вздохнуть. Можно было услышать, как муха летит. Бедные куклы задрожали, как осиновые листья.

– Ты почему творишь беспорядок в моем театре? – спросил хозяин кукольного театра, обращаясь к Пиноккио хриплым голосом сильно простуженного людоеда.

– Верьте мне, ваша светлость, я в этом не виновен.

– Ладно, пока довольно! Сегодня вечером мы с тобой рассчитаемся.

После представления хозяин пошёл на кухню и стал готовить себе на ужин доброго барашка. Он долго и тщательно обжаривал его на вертеле. Но, для того чтобы мясо стало поджаристым и хрустящим, не хватило дров, и тогда он позвал Арлекина и Пульчинеллу и приказал им:

– Давайте-ка сюда Пиноккио, который висит там на гвозде! Полагаю, что Деревянный Человечек сделан из хорошего сухого дерева и обеспечит прекрасное пламя для моего жаркого.

Арлекин и Пульчинелла заколебались было, но не смогли преодолеть страх под свирепым взглядом хозяина. Они пошли исполнять приказание и вскоре вернулись на кухню вместе с беднягой Пиноккио, который извивался, как выброшенный на песок угорь, и в отчаянии кричал:

– Отец, спасите меня! Не хочу умирать, не хочу умирать!

11. Манджафоко начинает чихать и прощает Пиноккио, который затем спасает от смерти своего друга Арлекина

Хозяин кукольного театра Манджафоко (ибо так его звали) был страшен на вид – особенно страшной казалась растрёпанная чёрная борода, покрывавшая, как щит, его грудь и ноги, – но, по сути дела, он был неплохим парнем. Когда к нему принесли несчастного Пиноккио, который отчаянно барахтался и кричал «не хочу умирать», он пожалел его. Некоторое время он боролся с чувством сострадания, но затем сдался и начал громко чихать.

Как только слышалось это чиханье. Арлекин, до той поры стоявший в полном унынии и сгорбившись, как плакучая ива, весь просиял, наклонился к Пиноккио и прошептал ему на ухо:

– Добрые вести, братец! Хозяин зачихал, а это значит, что он пожалел тебя и ты теперь спасён.

Следует сказать, что, в то время как другие люди, жалея кого-нибудь, плачут или трут себе глаза, Манджафоко всякий раз, испытывая чувство жалости, начинал чихать. Это был его способ показать другим своё доброе сердце.

Начихавшись вдоволь, хозяин театра обратился к Пиноккио по-прежнему грубо:

– Перестань ныть! От твоего нытья у меня начинает болеть живот. Так колет, что я почти... почти... Апчи! Апчи! – И он снова дважды чихнул.

– На здоровье, – сказал Пиноккио.

– Спасибо. Твои родители ещё живы? – осведомился Манджафоко.

– Отец жив. Мать я никогда не знал.

– Как огорчился бы твой отец, если бы я бросил тебя на раскалённые угли! Бедный старик, мне его очень жаль!.. Апчи! Апчи! – И он чихнул ещё три раза.

– На здоровье, – сказал Пиноккио.

– Спасибо. Впрочем, я тоже достоин жалости. Ты же видишь, что у меня нет дров, чтобы поджарить баранину, и ты – скажу тебе по правде – очень пригодился бы мне. Но я пожалел тебя. Ну что ж! В таком случае, я вместо тебя сожгу кого-нибудь из моей труппы. Эй, полицейские!

По этой команде незамедлительно появились два длинных-предлинных, тощих-претощих деревянных полицейских с обнажёнными саблями в руках.

И хозяин театра приказал им грубым голосом:

– Хватайте Арлекина, свяжите его хорошенько и бросьте в огонь. Мой барашек должен быть поджаристым и хрустящим.

Представьте себе самочувствие бедного Арлекина! Он так испугался, что ноги у него подкосились, и он грохнулся на пол.

Пиноккио, увидев эту душераздирающую сцену, упал хозяину в ноги, горько заплакал, залил слезами всю его длинную бороду и взмолился:

– Пощадите, синьор Манджафоко!

– Тут нет никаких синьоров, – ответил хозяин кукольного театра сурово.

– Пощадите, синьор кавалер!

– Тут нет никаких кавалеров.

– Пощадите, синьор командор!

– Тут нет никаких командоров.

– Пощадите, ваше превосходительство!

Услышав, что его титулуют «превосходительством», хозяин театра просиял и сразу же стал гораздо добрее и сговорчивее. Он сказал, обращаясь к Пиноккио:

– Ну, чего ты там просишь?

– Милости для бедного Арлекина.

– Тут милость неуместна. Раз я пощадил тебя, я должен бросить в огонь его, так как я хочу, чтобы мой барашек хорошо прожарился.

– В таком случае, – воскликнул Пиноккио с достоинством, высоко подняв голову и отшвырнув прочь свой колпак из хлебного мякиша, – в таком случае, я знаю, что мне

делать. Вперёд, синьоры полицейские! Вяжите меня и бросайте в пламя. Я не могу допустить, чтобы бедный Арлекин, мой добрый друг, умер вместо меня!

Эти громкие и героические слова растрогали всех присутствующих кукол. Даже полицейские, хотя они тоже были из дерева, заплакали, как два молочных ягнёнка.

Манджафоко минуту оставался твёрдым и неумолимым, но потом его тоже постепенно одолела жалость, и он начал чихать. Чихнув четыре или пять раз, он распростёр свои объятия и сказал:

– Ты превосходный парень! Иди сюда и поцелуй меня.

Пиноккио поспешно бросился к нему, взобрался, как белка, по его бороде и запечатлел сердечнейший поцелуй на кончике его носа.

– Значит, я помилован? – спросил бедный Арлекин таким тихим голосом, что его еле было слышно.

– Ты помилован, – ответил Манджафоко. Потом он добавил, вздыхая и качая головой: Да будет так! Сегодня я, ладно уж, съем недожаренного барашка. Но в другой раз худо будет, если нечто подобное случится!

Когда куклы услышали о помиловании, они все выбежали на сцену, зажгли, словно для праздничного представления, лампы и светильники и начали плясать и прыгать. И они плясали до восхода солнца.

12. Кукольник Манджафоко дарит Пиноккио пять золотых монет, предназначенных для папаши Джеппетто, но Пиноккио поддаётся уговорам Лисы и Кота и уходит с ними

На следующий день Манджафоко отозвал Пиноккио в сторонку и спросил:

– Как зовут твоего отца?

– Джеппетто.

– Его профессия?

– Бедность.

– И много он зарабатывает?

– Как раз столько, чтобы не иметь ни единого центезимо в кармане. Достаточно сказать, что он снял с себя последнюю куртку, чтобы купить мне школьный букварь. Куртка, вся в бахроме и заплатах, была совсем изношенная.

– Горемыка, я ему почти сочувствую! Вот тебе пять золотых. Отнеси ему их немедленно и передай от меня дружеский привет.

Пиноккио, ясное дело, тысячекратно поблагодарил кукольника, обнял по очереди всех кукол труппы, включая полицейских, и, счастливый-пресчастливый, отправился домой.

Не пройдя, однако, и километра, он повстречал на улице Лису, хромую на одну ногу, и Кота, слепого на оба глаза. При ходьбе они помогали друг другу, как добрые товарищи. Слепой Кот служил опорой для хромой Лисы, а хромая Лиса служила слепому Коту поводырём.

– Добрый день, Пиноккио, – сказала Лиса и вежливо поклонилась.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут? – спросил Пиноккио.

– Я хорошо знаю твоего отца.

– Где ты его видела?

– Я его видела вчера, он стоял возле своего дома.

– А что он делал?

– Он был в одной рубашке и дрожал от холода.

– Бедный отец! Ничего, отныне он, слава богу, не будет больше дрожать от холода.

– Почему?

– Потому что я стал важной персоной.

– Ты – важной персоной? – насмешливо переспросила Лиса и громко захихикала.

Ухмыльнулся и Кот. А для того, чтобы это осталось незамеченным, он передней лапой погладил усы.

– Тут нечего смеяться! – рассердился Пиноккио. – Мне жаль, что вам придётся издохнуть от зависти, но вот здесь, если вы что-нибудь смыслите в этих делах, пять великолепных золотых монет.

И он вынул монеты, подаренные ему хозяином кукольного театра.

Услышав сладостный звон золота. Лиса невольным движением выпрямила свою искривлённую ногу, а Кот вытаращил оба глаза, которые блеснули, как зелёные огни. Но он тут же закрыл их, так что Пиноккио ровно ничего не заметил.

– А что ты собираешься делать с этими монетами? – спросила Лиса.

– Прежде всего, – ответил Деревянный Человечек, – я куплю своему отцу красивую новую куртку, желательно из золота и серебра, с пуговицами из самоцветных камней. А затем букварь.

– Тебе – букварь?

– Да, мне. Дело в том, что я хочу пойти в школу и прилежно учиться.

– Посмотри на меня! – сказала Лиса. – Глупое учение стоило мне одной ноги.

– Погляди на меня! – сказал Кот. – Глупое учение стоило мне обоих глаз.

В это мгновение сидевший на дереве у края дороги белый дрозд пропел свою обычную песенку и сказал:

– Пиноккио, не слушай, что тебе говорят эти отвратительные подонки, а то заплачешься!

Бедный дрозд! Лучше бы он промолчал! Кот сделал гигантский прыжок, схватил его и проглотил одним махом вместе с кожей и перьями, так что дрозд даже не успел произнести «ой».

Сожрав дрозда и облизнувшись, Кот опять закрыл глаза, представляясь слепым, как и раньше.

– Бедный дрозд! – сказал Пиноккио Коту – Почему ты так плохо с ним обошёлся?

– Чтобы преподать ему полезный урок. Он будет знать в следующий раз, что не надо

вмешиваться в разговор посторонних.

Они уже прошли полдороги, как вдруг Лиса остановилась и повернулась к Деревянному Человечку:

- Ты хочешь, чтобы у тебя стало вдвое больше золотых монет?

- Что?

- Ты хочешь из пяти несчастных цехинов сделать сто, тысячу, две тысячи?

- Ещё бы! Но как?

- Очень просто. Не ходи домой, а иди с нами, вот и всё.

- А куда вы меня поведёте?

- В страну Болванию.

Пиноккио с минуту подумал, потом сказал решительно:

- Нет, не пойду. Я уже близко от дома и пойду домой, где меня ждёт отец. Бедный старик, наверное, страшно беспокоился обо мне вчера, когда я не вернулся домой. К сожалению, я был непослушным ребёнком, и Говорящий Сверчок был, ей богу, прав, когда сказал: «Непослушным детям худо будет на этом свете!» Я это испытал на собственной шкуре, так как пережил много бед. Вот и вчера вечером в доме у Манджафоко я был на краю гибели... Брр... Меня и сейчас пробирает дрожь, когда я думаю об этом!

- Значит, - сказала Лиса, - ты действительно решил пойти домой? Ну что ж, иди, тем хуже для тебя!

- Тем хуже для тебя! - повторил Кот.

- Обдумай все хорошенько, Пиноккио, ибо ты топчешь своё собственное счастье ногами.

- Ногами! - повторил Кот.

- Твои пять цехинов могли бы превратиться не сегодня завтра в две тысячи.

– В две тысячи! – повторил Кот.

– Но каким же образом? – спросил Пиноккио и от удивления широко разинул рот.

– Могу тебе это объяснить, – ответила Лиса – Ты, вероятно, знаешь о том, что в стране Болваниии имеется некое поле, которое повсюду зовётся «Волшебным Полем». Ты выкапываешь на этом поле небольшую ямку и кладёшь в неё, к примеру, один золотой цехин. Затем засыпаешь ямку землёй, поливаешь её двумя вёдрами колодезной воды, посыпаешь щепоткой соли, а вечером спокойно ложишься в постель. Ночью цехин прорастает и цветёт, а когда ты на следующий день, после восхода солнца, приходишь на поле, – что же ты там находишь? Красивое дерево, усыпанное бесчисленными цехинами, словно тяжёлый колос в июле – зёрнами.

– Значит, – все больше удивлялся Пиноккио, – если я на том поле закопаю мои пять цехинов, сколько же я найду наутро?

– Расчёт довольно простой, – ответила Лиса, – ты можешь сосчитать по пальцам. Скажем, каждый цехин превращается в кучу из пятисот цехинов: значит, умножь пятьсот на пять, и получается, что на следующее утро ты положишь себе в карман две тысячи пятьсот звенящих, блестящих, новешеньких цехинов.

– Ой, как замечательно! – вскричал Пиноккио и от радости завертелся на одной ноге. – Когда я соберу эти цехины, я оставлю две тысячи себе, а остальные пятьсот подарю вам.

– Подарить нам! – возмущённо воскликнула Лиса и заключила очень обиженно: – Сохрани тебя бог от этого.

– ...бог от этого! – повторил Кот.

– Мы, – продолжала Лиса свою речь, – не трудимся презренной прибыли ради. Мы трудимся исключительно для того, чтобы обогащать других.

– ...других! – повторил Кот.

«О, какие честные господа!» – подумал Пиноккио. И в одно мгновение он забыл о своём отце, о новой куртке, о букваре, обо всех своих добрых намерениях и сказал Лисе и Коту:

– Пошли скорее! Я с вами.

13. Таверна «Красного Рака»

Они шли, шли и шли и к самому вечеру дошли наконец до таверны «Красного Рака».

– Завернём сюда, – предложила Лиса, – чего-нибудь перекусим и отдохнём часок другой. В полночь мы снова двинемся в путь и на рассвете будем уже на Волшебном Pole.

Они вошли в таверну, и сели все трое за один стол. Но аппетита ни у кого не было.

Бедный Кот, страдавший тяжёлым расстройством желудка, смог съесть всего навсего тридцать пять рыбок краснобородок в томатном соусе и четыре порции требухи с сыром пармезан. А так как требуха показалась ему неважно приготовленной, он велел принести себе три порции масла и тёртого сыра.

Лиса тоже с удовольствием поела бы чего-нибудь. Но так как врач прописал ей строжайшую диету, то она вынуждена была ограничиться нежным и хорошо прожаренным зайцем, а в качестве лёгкой закуски – парой откормленных кур и парой совсем молодых петушков. На закуску для аппетита она заказала ещё рагу из куропаток, тетёрок, кроликов, лягушек, ящериц и винограда. И больше ей ничего не хотелось. Еда, сказала она, до того ей противна, что она не может на неё смотреть.

Пиноккио – тот ел меньше всех. Он заказал пол ореха, кусочек хлеба, да и к этому не прикоснулся. Бедному малому, поглощённому мечтой о Волшебном Pole, казалось, что он сыт золотыми монетами.

После того как все поужинали, Лиса сказала хозяину таверны:

– Дайте нам две хорошие комнаты – одну для синьора Пиноккио, другую для меня и моего друга. Перед дальнейшим походом мы хотим немножко вздремнуть. Но имейте в виду, что в полночь нас нужно разбудить, так как нам необходимо продолжить своё путешествие.

– К вашим услугам, синьоры, – сказал хозяин и лукаво подмигнул Лисе и Коту, что должно было означать: «Порядок, мы понимаем друг друга».

Не успел Пиноккио лечь в постель, как тут же уснул и увидел сон. Во сне он стоял посреди поля, и поле было засажено деревцами, а деревца были сплошь увешаны гроздьями золотых цехинов, которые на ветру стлкаливались и звенели: «Динь дилинь, динь дилинь, динь дилинь», словно говоря: «Рвите нас, рвите!» Но как раз в то прекрасное мгновение, когда он протянул руку, чтобы набрать полную горсть этих

прекрасных монет, его внезапно разбудили три громких удара в дверь.

То был хозяин, который сообщил, что пробило полночь.

– Мои спутники уже готовы? – спросил Деревянный Человечек.

– Ещё как готовы! Они ушли два часа назад.

– Что за спешка?

– Кот получил известие, что его старшенький котёнок обморозил себе лапки и находится в смертельной опасности.

– А уплатили они за ужин?

– Что вы говорите! Они слишком воспитанные персоны, чтобы в отношении вашего благородия допустить такую бестактность.

– Жаль! Такая бестактность никак не оскорбила бы меня, – произнёс Пиноккио и почесал у себя за ухом. Потом он спросил: – А мои добрые друзья сказали, где они меня будут ждать?

– На Волшебном Поле, завтра утром на восходе солнца.

Пиноккио уплатил один цехин за ужин, съеденный им и его спутниками, и покинул трактир.

Он продолжал путь, можно сказать, на ощупь, так как кругом царил мрак, такой мрак, что невозможно было разглядеть собственную руку. Ни шороха вокруг. Только какие-то большие птицы то и дело перелетали через дорогу от плетня к плетню и своими крыльями задевали Пиноккио за нос. Он в ужасе отшатывался назад и кричал: «Кто там?», и эхо окружающих холмов повторяло вдали: «Кто там, кто там, кто там...»

Вскоре он увидел на пне крошечное насекомое, светившееся бледным, печальным светом, как маленький фитилёк в прозрачной фарфоровой лампе.

– Кто ты такой? – спросил Пиноккио.

– Я тень Говорящего Сверчка, – ответило маленькое создание беззвучным голосом, доносившимся словно с того света.

-
- Чего ты хочешь от меня? – спросил Деревянный Человечек.

 - Хочу тебе дать совет. Возвратись и отнеси четыре цехина, ещё оставшиеся у тебя, твоему горемыке отцу, который все время плачет и убивается, не зная, где ты пропадаешь.

 - Завтра мой отец будет важным синьором, ибо эти четыре цехина превратятся в две тысячи!

 - Не доверяйся, мой мальчик, тем, кто обещает сделать тебя богатым по мановению руки. Они, как правило, или сумасшедшие, или мошенники. Послушайся меня и вернись!

 - Но я хочу идти дальше.

 - Ведь теперь поздняя ночь!

 - Я пойду дальше!

 - Ночь темна...

 - А я пойду дальше!

 - Путь опасен...

 - Я дальше пойду!

 - Заметь себе, что те дети, которые делают все по-своему, рано или поздно горько жалеют об этом.

 - Опять та же старая песня! Спокойной ночи, Сверчок.

 - Спокойной ночи, Пиноккио. Да хранит тебя небо от бед и грабителей!

Сказав эти последние слова. Говорящий Сверчок внезапно погас, как свеча, на которую подули. И дорога стала ещё темнее, чем прежде.

14. Пиноккио попадает в руки грабителей, потому что он не последовал доброму совету говорящего сверчка

Так уж устроен мир, – размышлял Деревянный Человечек, продолжая свой путь, – что

нам, бедным детям, приходится нелегко. Все нас бранят, все нас предупреждают и подают нам добрые советы. Дай только волю – и каждый обязательно полезет к тебе в друзья и наставники. Все, включая Говорящих Сверчков.

Вот и теперь: так как я не послушался глупого Сверчка, я должен, видите ли, натерпеться бог знает каких несчастий. Даже грабителей я, видите ли, должен встретить! К счастью, грабители лишь для того придуманы отцами, чтобы нагонять страх на детей, которые хотят ночью выйти на улицу. А если бы я даже и повстречал грабителей здесь, на дороге, разве я испугался бы? Да ни в жизнь! Я стал бы перед ними и крикнул:

«Синьоры грабители, чего вы от меня хотите? Имейте в виду, со мной шутки плохи! Поэтому отстаньте, и притом без долгих рассуждений». После такого серьёзного разговора бедные грабители, полагаю, пустятся отсюда во весь дух. А ежели они, паче чаяния, поведут себя непристойно и не захотят убираться подобру-поздорову, тогда я сам дам стрекача и тем самым исчерпаю вопрос".

Пиноккио не успел додумать мысль до конца, как услышал позади себя лёгкое шуршание листьев.

Он обернулся и увидел в темноте две страшные, укутанные в угольные мешки фигуры, которые следовали за ним на цыпочках, бесшумно, точно привидения.

«Это и есть грабители!» – подумал он и, не зная, куда спрятать четыре цехина, сунул их себе в рот, под язык.

После этого он попытался бежать, но, сделав один шаг, почувствовал, что его схватили, и услышал два жутких глухих голоса:

– Деньги или жизнь!

Так как Пиноккио не мог ничего ответить – ведь у него во рту были золотые монеты, – он начал делать знаки и корчить гримасы, долженствующие убедить обоих замаскированных, у которых лишь глаза сверкали из дырок в мешках, что он всего только бедный Деревянный Человечек и в карманах у него нет даже фальшивого чентезимо.

– Ладно, ладно! Без разговоров! Деньги на бочку! – закричали оба разбойника угрожающе.

Деревянный Человечек замахал головой и руками, что должно было означать: у меня нет денег!

– Деньги на бочку или прощайся с жизнью! – сказал грабитель ростом побольше.

– ...с жизнью! – повторил другой.

– И, когда мы тебя убьём, мы устроим и твоего отца!

– ...и твоего отца.

– Нет, нет, нет, не убивайте моего бедного отца! – в отчаянии воскликнул Пиноккио.

И при этом монеты звякнули у него во рту.

– Ах ты подлец! Ты спрятал деньги во рту! Выплюнь их немедленно!

Пиноккио упрямо промолчал.

– Ты притворяешься глухим? Подожди, мы тебя заставим выплюнуть!

И вправду, один из них схватил Пиноккио за кончик носа, другой – за подбородок, и они нажимали и тянули изо всех сил, чтобы заставить его открыть рот. Но все было напрасно. Рот Деревянного Человечка казался заклёпанным и зашитым.

Тогда меньший из грабителей выхватил огромный нож и попытался вставить его в виде долота меж зубов Пиноккио. Но Пиноккио с молниеносной быстротой ухватил его за руку зубами, откусил её напроць и выплюнул. И представьте себе его изумление, когда он заметил, что вместо руки выплюнул на землю кошачью лапу!

Ободрённый своей первой победой, он начал биться и царапаться, затем рванулся из рук грабителей, перепрыгнул через изгородь и побежал через поле. А грабители бросились за ним, как собаки за зайцем.

Пробежав добрых пятнадцать километров, Пиноккио совсем выбился из сил. Он уже потерял надежду на спасение, но тут увидел высокую сосну, вскарабкался на неё и уселся на верхних ветках. Грабители тоже попытались влезть на дерево, но, добравшись до середины, сорвались вниз, грохнулись оземь и разбили себе до крови руки и ноги.

Но они не сдавались. Сложив под деревом огромную кучу хвороста, они подожгли её. В одно мгновение сосна загорелась и вспыхнула подобно факелу, раздуваемому ветром. Пиноккио смотрел, как пламя поднималось все выше, и, не желая окончить свою жизнь жареным фазаном, он сделал великолепный прыжок с вершины дерева вниз и снова бросился бежать по полям и виноградникам. А грабители – следом за ним.

Тем временем наступил рассвет, а они все ещё преследовали его. Вдруг Деревянному Человечку преградил путь широкий и глубокий ров, полный грязной, кофейного цвета воды. Что делать?

– Раз, два, три! – крикнул Пиноккио, разогнался и перепрыгнул на другой берег.

Грабители прыгнули вслед за ним, но не рассчитали и ухнули в воду.

Пиноккио, услышав звук падения и всплеск воды, весело крикнул на бегу:

– С лёгким паром, синьоры грабители!

Он предположил было, что они утонули, но, обернувшись, опять увидел своих преследователей, по-прежнему закутанных в мешки. С обоих ручьями текла вода.

15. Грабители преследуют Пиноккио и, поймав его, вешают на ветке большого дуба

Деревянный Человечек совсем пал духом. Он готов был уже броситься на землю и признать себя побеждённым, но в это время увидел вдалеке сквозь тёмную зелень деревьев белоснежный домик.

«Если у меня хватит сил добежать до этого дома, я, пожалуй, спасён», – сказал себе Пиноккио.

И, не теряя ни минуты, он побежал дальше лесом. А грабители по-прежнему за ним.

После отчаянного двухчасового бега он очутился, почти бездыханный, перед дверью домика и постучал.

Никто не ответил.

Он постучал громче, так как до него уже долетало пыхтение преследователей. Никто не отзывался.

Убедившись, что стучать бесполезно, он в отчаянии изо всех сил заколотил головой и ногами в дверь. Тут в окне появилась красивая девочка. У неё были волосы цвета лазурнейшей голубизны.

– Ах, Красивая Девочка с лазурными волосами, – взмолился Пиноккио, – открой мне, пожалуйста! Пожалей бедного мальчика, которого преследуют гра...

Однако он не смог договорить, так как был схвачен за шиворот, и два знакомых жутких голоса угрожающе произнесли:

– Теперь ты от нас не уйдёшь!

Пиноккио обратил умоляющий взгляд к окну, но Девочка с лазурными волосами исчезла, словно её и не было.

Увидев смерть перед глазами. Деревянный Человечек так сильно задрожал, что суставы на его деревянных ногах застучали, а четыре цехина, спрятанные под языком, громко зазвенели.

– Ну! – вскричали грабители. – Откроешь ты теперь рот? Ага, ты не отвечаешь! Подожди, на этот раз мы его тебе откроем!

И они выхватили два огромных, острых, как бритва, ножа и с размаху вонзили их Пиноккио в бок.

Но, к счастью. Деревянный Человечек был сработан из наилучшего твёрдого дерева. Ножи разлетелись на тысячу кусков, в руках у грабителей остались одни только рукоятки, и оба глупо вытаращили глаза друг на друга.

– Мне все ясно, – сказал один, – надо его повесить. Итак, мы его повесим!

– Мы его повесим! – повторил другой.

И вот они потащили его в лес, связали ему руки на спине, накинули петлю на шею и привязали верёвку к ветке высокого дерева, которое было известно в окрестностях под названием «Большой Дуб».

Затем они уселись на травку и стали ждать, покуда Деревянный Человечек перестанет трепыхаться. Но и спустя три часа глаза у Пиноккио все ещё были открыты, а рот закрыт, и он трепыхался ещё больше, чем прежде.

Наконец грабителям надоело ждать, они поднялись и с насмешкой сказали Пиноккио:

– Итак, до завтра! Когда мы завтра вернёмся, ты уже сделаешь нам такое одолжение и будешь хорошенький, мертвенький, и ротик у тебя будет очень-очень широко открыт.

И они ушли.

Вскоре поднялся ураганный северный ветер. И от яростных порывов его бедный повешенный раскачивался, будто церковный колокол во время праздничного трезвона. И эта тряска и качка причиняли ему величайшие муки, а петля все туже сжимала горло и прерывала дыхание.

В глазах у него все больше темнело. И хотя он чувствовал приближение смерти, однако не терял надежды, что какая-нибудь добрая душа пройдёт мимо и поможет ему. Но, видя, что никто, никто не появляется, он подумал о своём отце и, совсем уже кончаясь, прошептал: «Ах, отец мой!.. Если бы ты был здесь...»

Больше он ничего не сказал. Он закрыл глаза, открыл рот, вытянул ноги и повис неподвижно.

16. Красивая девочка с лазурными волосами велит снять деревянного человечка с дерева, кладёт его в постель и зовёт трех врачей, чтобы узнать, жив он или мёртв

В то время как бедный Пиноккио, повешенный разбойниками на ветке Большого Дуба, был ближе к смерти, чем к жизни, красивая Девочка с лазурными волосами снова появилась в окне. При виде несчастного Деревянного Человечка, раскачивающегося под порывами северного ветра, она почувствовала к нему глубокую жалость и три раза хлопнула в ладоши.

По этому знаку послышался громкий шум крыльев, и большой Сокол стремительно опустился на подоконник.

– Что прикажете, прелестная Фея? – спросил Сокол и склонил свой клюв в знак уважения (а надо сказать, что Девочка с лазурными волосами была не кто иная, как добрая фея, жившая здесь, на опушке леса, уже больше тысячи лет).

– Ты видишь Деревянного Человечка, висящего на ветке Большого Дуба?

– Вижу.

– Хорошо. Лети туда скорей, освободи его своим могучим клювом от петли и положи осторожно на траву под Дубом.

Сокол взлетел. Через две минуты он вернулся и сказал:

– Все сделано, как вы повелели.

– И каким он тебе показался? Живым или мёртвым?

– Он смахивает на мёртвого, но не может быть, чтобы он был совершенно мёртв, потому что, когда я освободил его от петли, сжимавшей ему шею, он застонал и пробормотал чуть слышно: «Теперь мне лучше».

Фея дважды ударила в ладоши, и появился великолепный пудель. Он шёл в точности как человек – на двух ногах.

Этот пудель был одет в праздничную кучерскую ливрею, а на голове он носил маленькую, обшитую золотом треуголку и белый парик с локонами, падавшими по самые плечи. Кроме того, на нём был шоколадного цвета сюртук с бриллиантовыми пуговицами и двумя большими карманами (в них он прятал кости, получаемые за столом от госпожи), короткие штаны из алого бархата, шёлковые чулки, открытые туфельки, а сзади нечто похожее на чехол из лазурного атласа (в нём он укрывал свой хвост во время дождя).

– Слушай внимательно, Медоро, – обратилась Фея к пуделю. – Вели немедленно запрягать лучшую мою карету и поезжай в лес. Под Большим Дубом ты найдёшь в траве несчастного полумёртвого Деревянного Человечка. Подними его тихонько, положи осторожно на подушки и привези ко мне. Ты понял?

В знак того, что он понял, пудель вильнул раза четыре лазурным атласным чехлом, прикреплённым сзади, и исчез, как молния.

Вскоре из конюшни выехала красивая маленькая голубая карета, вся обитая перьями канареек, а внутри уставленная банками со взбитыми сливками и вареньем, трубочками с кремом и коржиками. Маленькую карету тащили сто упряжек белых мышей, а пудель на козлах щёлкал бичом направо и налево, словно заправский кучер.

Не прошло и пятнадцати минут, как карета вернулась, и Фея, ждавшая на крыльце, взяла бедного Деревянного Человечка на руки, внесла его в комнату с перламутровыми стенами и приказала немедленно позвать самых знаменитых во всем

околотке врачей.

И врачи приехали тотчас же, один за другим: Ворон, Сыч и Говорящий Сверчок.

– Я хотела бы узнать ваше мнение, синьоры, – сказала Фея, обращаясь к трём врачам, обступившим постель Пиноккио. – Я хотела бы узнать ваше мнение, жив или мёртв этот горемычный Деревянный Человечек.

В ответ на её просьбу первым вышел вперёд Ворон. Он пощупал у Пиноккио пульс, нос, а затем мизинец на ноге. И, когда он все это весьма тщательно ощупал, он произнёс важным голосом следующие слова:

– По моему мнению, Деревянный Человечек мёртв. Однако, если бы он, по несчастному стечению обстоятельств, оказался не вполне мёртв, это было бы несомненным признаком того, что он ещё жив.

– Весьма сожалею, – сказал Сыч, – что не могу согласиться с моим высокочтимым другом и собратом Вороном, но, по моему мнению, Деревянный Человечек ещё жив. Однако, если бы он, по несчастному стечению обстоятельств, оказался неживым, это было бы несомненным признаком того, что он фактически мёртв.

– А вы молчите? – обратилась Фея к Говорящему Сверчку.

– Я того мнения, что умный врач, который не знает, что сказать, должен лучше молчать. Впрочем, этот Деревянный Человечек мне знаком. Я его знаю уже давно.

Пиноккио, лежавший до сих пор неподвижно, как настоящий кусок дерева, вдруг начал судорожно дрожать, отчего вся кровать пришла в движение.

– Этот Деревянный Человечек, – продолжал Говорящий Сверчок, – продувной негодай...

Пиноккио открыл глаза и сразу же закрыл их.

– ...мошенник, бездельник, бродяга...

Пиноккио натянул простыню себе на голову.

– ...этот Деревянный Человечек – непослушный мальчишка, который загонит в гроб своего бедного обездоленного отца!

В комнате слышались сдерживаемые всхлипывания и рыдания. Представьте себе удивление всех присутствующих, когда они приподняли простыню и увидели, что это плачет и рыдает не кто иной, как Пиноккио!

– Когда мёртвый плачет – это признак того, что он находится на пути к выздоровлению, – торжественно произнёс Ворон.

– Я, к великому сожалению, вынужден не согласиться с моим достопочтенным другом и собратом, – возразил Сын, – ибо, когда мёртвый плачет, это, по моему мнению, признак того, что он не желает умирать.

17. Пиноккио охотно есть сахар, но не желает принять слабительное. Однако позднее, увидев пришедших за ним гробовщиков, он глотает слабительное. Он врёт и его нос в наказание становится длиннее

Когда врачи ушли, Фея приблизилась к Пиноккио, положила ему руку на лоб и почувствовала, что у больного сильный жар.

Она высыпала белый порошок в стакан воды, подала Деревянному Человечку и нежно сказала:

– Выпей это, и через несколько дней ты будешь здоров.

Пиноккио взглянул на стакан, скривился и жалобно спросил:

– Оно сладкое или горькое?

– Горькое, но для тебя оно полезно.

– Раз оно горькое, я не буду пить.

– Сделай то, что я говорю, выпей.

– Но горькое я не выношу!

– Выпей. И, когда выпьешь, получишь кусочек сахара, чтобы снова стало вкусно во рту.

– Где этот кусочек сахара?

– Вот, – ответила Фея и достала кусочек сахара из золотой сахарницы.

- Сначала дайте мне кусочек сахара, а потом я выпью горькое.

- Ты мне обещаешь?

- Да.

Фея дала ему сахар. Пиноккио в одно мгновение раскусил и проглотил его, облизал языком губы и сказал:

- Ну и вкусно же! Если бы сахар был ещё и лекарством!.. Я бы каждый день принимал слабительное!

- Теперь исполни своё обещание и выпей маленький глоток, который тебя вылечит.

Пиноккио неохотно взял стакан, сунул туда кончик носа, потом подержал стакан возле рта, снова сунул туда нос и наконец сказал:

- Это для меня слишком горько, чересчур горько. Я не могу это выпить.

- Как ты можешь так говорить, если даже не попробовал?

- Я могу себе вообразить. Я же нюхал. Сначала я хотел бы ещё кусочек сахара... тогда я выпью.

Фея с терпением хорошей матери сунула ему в рот ещё кусочек сахара. И затем снова подала стакан.

- Я не могу это выпить, - сказал Деревянный Человечек, корча тысячу гримас.

- Почему?

- Потому что подушка на ногах мешает мне.

Фея убрала подушку.

- Это не помогает. Я все ещё не могу пить.

- Что тебе ещё мешает?

- Дверь, которая наполовину открыта.

Фея подошла к двери и затворила её.

– Нет, – вскричал Пиноккио и зарыдал, – я не хочу глотать горькое лекарство, нет, нет, нет!

– Мой мальчик, ты пожалеешь об этом.

– Мне всё равно!

– Ты болен очень серьёзно.

– Мне всё равно!

– С такой лихорадкой ты не проживёшь более двух часов.

– Мне всё равно!

– Ты разве не боишься смерти?

– Чтоб я чего-нибудь боялся!.. Лучше умереть, чем глотать такое ужасное лекарство!

В это мгновение дверь в комнату широко распахнулась, и в комнату вошли четыре кролика, чёрные, как чернила. На плечах они несли маленький гробик.

– Чего вы от меня хотите?! – вскричал Пиноккио и от страха подскочил на кровати.

– Мы пришли за тобой, – ответил самый рослый кролик.

– За мной?.. Но ведь я совсем не мёртвый!

– Ещё не мёртвый. Но ты будешь мёртв через несколько минут, потому что не хочешь выпить лекарство, которое излечит тебя от лихорадки.

– Ах, Фея, милая Фея! – возопил Деревянный Человечек. – Дайте мне скорее стакан! Но только скорее, пожалуйста, потому что я не хочу умирать. Нет, я не хочу умирать!

И он схватил обеими руками стакан и опорожнил его единым духом.

– Что ж, – проговорили кролики, – на сей раз мы зря прогулялись.

И они снова подняли на плечи маленький гроб и, сердито ворча, покинули комнату.

А Пиноккио через несколько минут спрыгнул с кровати здоровый и бодрый. Видите ли Деревянные Человечки имеют то преимущество, что они очень редко болеют и очень быстро выздоравливают.

И, когда Фея увидела, что он бегает и прыгает по комнате, словно петушок, она сказала:

– Значит, лекарство тебе помогло?

– Ещё как! Оно спасло мне жизнь.

– Почему же ты так долго заставлял себя упрашивать?

– Потому что мы, дети, всегда такие. Мы больше боимся лекарства, чем болезни.

– Стыдитесь! Дети должны знать, что хорошее лекарство, принятое вовремя, может их спасти от тяжёлой болезни и даже от смерти.

– О да! В другой раз я не буду упрячиться так долго. Я буду всегда вспоминать чёрных кроликов с гробом на плечах... и тогда я сразу схвачу стакан – раз, два, – и готово!

– Теперь подойди ко мне и расскажи, каким образом ты попал в руки грабителей.

– случилось так, что хозяин кукольного театра Манджафоко дал мне несколько золотых монет и сказал при этом: «Вот, отнеси своему папаше», а вместо этого я встретил на улице Лису и Кота, двух почтенных господ, и они мне сказали: «Хочешь, чтобы из этих пяти золотых монет стало две тысячи? В таком случае, иди с нами, мы приведём тебя на Волшебное Поле», и я сказал: «Пошли», и они сказали: «Остановимся в таверне „Красного Рака“, а после полуночи пойдём дальше». И, когда я проснулся, их уже не было, потому что они ушли. И я пошёл один, ночью, и было так темно, что нельзя описать, и поэтому я встретил на дороге двух грабителей в угольных мешках, и они мне сказали: «Давай деньги», а я сказал: «У меня нет денег», потому что я эти четыре золотые монеты сунул себе в рот, и потом один из грабителей попробовал сунуть мне руку в рот, и я одним махом откусил ему руку и выплюнул её, но я выплюнул не руку, а кошачью лапу, и грабители побежали за мной, и я побежал, пока они меня не поймали и не повесили за шею на дерево в лесу со словами: «Завтра мы вернёмся, и тогда ты будешь мёртвый, и у тебя будет открыт рот, и мы заберём четыре монеты, которые ты спрятал под языком».

- А где у тебя теперь эти золотые монеты?

- Я их потерял, - ответил Пиноккио.

Но это была ложь, так как они лежали у него в кармане.

Не успел он соврать, как его нос, и без того длинный, стал ещё на два пальца длиннее.

- А где ты их потерял?

- Где-то в лесу.

После этой второй лжи нос ещё немного удлинился.

- Если ты потерял их в лесу, - сказала Фея, - то мы их поищем и найдём, потому что всё, что теряют у нас в лесу, обязательно находится.

- Ага, теперь я все вспоминаю точно, - произнёс Деревянный Человечек сконфуженно, - монеты я не потерял, я их нечаянно проглотил, когда принимал ваше лекарство.

После этой третьей лжи его нос стал до того длинный, что бедный Пиноккио уже не мог повернуть головы. Стоило ему повернуться в одну сторону, как он упирался носом в кровать или в окно, в другую - натёкался на стены или на дверь; стоило ему поднять голову, как он чуть не попал носом Фее в глаз.

А Фея смотрела на него и смеялась.

- Почему вы смеётесь? - спросил Деревянный Человечек, страшно расстроенный и напуганный непомерным ростом своего носа.

- Я смеюсь потому, что ты соврал.

- Откуда вы знаете, что я соврал?

- Мой милый мальчик, враньё узнают сразу. Собственно говоря, бывает два вранья: у одного короткие ноги, у другого - длинный нос. Твоё враньё - с длинным носом.

Пиноккио не знал, куда ему деваться от стыда, и попытался убежать из комнаты. Но это ему не удалось. Его нос стал таким длинным, что не мог пролезть в дверь.

18. Пиноккио снова встречает Лису и Кота и отправляется с ними, чтобы посеять четыре монеты на волшебном поле

Можете быть уверены, что Фея добрых полчаса не обращала никакого внимания на стенания и вопли Пиноккио. Она хотела преподать ему серьёзный урок и отучить его от отвратительнейшего порока – вранья, самого отвратительного из всех пороков, какой только может быть у мальчика. Но, когда она увидела, что он от отчаяния вне себя и что глаза его буквально лезут на лоб, она всё-таки пожалела его. Она хлопнула в ладоши, и по этому знаку в комнату влетела тысяча птиц. То были сплошь дятлы. Они уселись на нос Пиноккио и так долго и прилежно стучали по нему, что огромный и бесформенный нос уже через несколько минут стал таким же, как прежде.

– Вы так добры, милая Фея, – сказал Деревянный Человечек и вытер глаза, – и я вас так люблю!

– Я тебя тоже люблю, – ответила Фея, – и, если хочешь, останься у меня, ты будешь моим братцем, а я – твоей доброй сестрицей.

– Я бы охотно остался... но что будет с моим бедным отцом?

– Я уже подумала об этом. Твоему отцу послано сообщение. До наступления ночи он будет здесь.

– Правда? – воскликнул Пиноккио и от радости перекувырнулся в воздухе. – В таком случае, я хотел бы его встретить, если позволите, милая Фея. Мне хочется как можно скорее увидеть его и обнять. Я принёс ему немало горя.

– Иди, но смотри не заблудись. Отправляйся через лес, и ты обязательно встретишь его.

Пиноккио выбежал из дому и, достигнув леса, принялся скакать, как молодой козёл. Но, когда он добрался до Большого Дуба, он остановился – ему показалось, что он слышит в чаще чьи-то голоса. И действительно, он увидел, что кто-то вышел на дорогу. Угадайте, кто? Лиса и Кот, его попутчики, те самые, с которыми он ужинал в таверне «Красного Рака».

– Это же наш любимый Пиноккио! – вскричала Лиса, обнимая и целуя его. – Как ты сюда попал?

– Длинная история, – сказал Деревянный Человечек. – Я вам все расскажу при случае. Коротко говоря, в ту самую ночь, когда вы меня оставили одного в гостинице, я

повстречал на дороге грабителей.

– Грабителей? Ах, бедняжка! И чего они хотели от тебя?

– Они хотели заграбастать мои золотые монеты.

– О, негодяи! – воскликнула Лиса.

– Негодяи, – повторил Кот.

– Но я убежал, – продолжал Деревянный Человечек, – а они – за мной, пока не догнали и не повесили меня на ветке вот этого дуба.

И Пиноккио показал на Большой Дуб, стоявший перед ними.

– Возможно ли услышать нечто более прискорбное? – сказала Лиса. – В каком жестоком мире осуждены мы жить! Где можем мы, люди чести, найти надёжное убежище?

В то время как они разговаривали, Пиноккио заметил, что Кот припадает на правую переднюю ногу – ему доставало всей лапы вместе с когтями.

Пиноккио спросил у Кота:

– Что случилось с твоей лапой?

Кот хотел что-то ответить, но замялся. Лиса быстро сказала:

– Мой друг слишком скромен и поэтому не отвечает. Я отвечу за него. Дело в том, что с час назад мы встретили на дороге дряхлого волка, буквально падавшего от голода. Он попросил у нас милостыню. А у нас, как назло, не было даже рыбной косточки для него. И что же сделал мой друг, в груди которого бьётся поистине геройское сердце? Он откусил свою переднюю лапу и бросил её бедному зверю, чтобы тот мог успокоить свой голод.

И Лиса, говоря это, смахнула слезу.

Пиноккио был тоже весьма тронут. Он подошёл к Коту и прошептал ему на ухо:

– Если бы все кошки были такие, как ты, можно было бы позавидовать мышам!

-
- А что ты подделываешь в этих краях? – спросила Лиса у Деревянного Человечка.
 - Я жду своего отца. Он должен появиться с минуты на минуту.
 - А твои золотые монеты?
 - Они у меня по-прежнему в кармане, все, кроме одной, оставленной в таверне «Красного Рака».
 - А между тем уже завтра эти четыре монеты могли бы превратиться в тысячу или даже две тысячи! Почему бы тебе не послушаться моего совета? Почему не посеять их на Волшебном Поле?
 - Сегодня это невозможно. Пойду туда в другой раз.
 - В другой раз будет слишком поздно, – заметила Лиса.
 - Почему?
 - Потому что один высокопоставленный синьор купил это поле и с завтрашнего дня никто не имеет права сеять там деньги.
 - А далеко отсюда до Волшебного Поля?
 - Меньше двух километров. Хочешь пойти с нами? Через полчаса ты будешь там. Быстренько посеешь свои четыре монеты, несколько минут спустя снимешь урожай в две тысячи и сегодня же вечером опять вернёшься сюда с полными карманами. Ну что, пошли?

Пиноккио медлил с ответом, так как подумал о доброй Фее, о старом Джеппетто и о предупреждении Говорящего Сверчка. Но потом он поступил так, как поступают все неразумные и бессердечные дети – кивнул головой и сказал Лисе и Коту:

- Пошли! Я с вами!

И они тронулись в путь. Они шли полдня и добрались до города, который назывался Дураколовка. Когда они вошли в город, Пиноккио увидел на улице множество облезших собак, зевавших от голода; стриженных овец, дрожавших от холода; кур и петухов без гребешков и бородок, выпрашивавших кукурузные зёрнышки; больших мотыльков, не умевших летать, так как они продали свои разноцветные крылышки;

павлинов, лишённых хвоста и готовых от стыда провалиться сквозь землю, и фазанов, тихо и стыдливо семенивших туда и обратно и оплакивавших свои блестящие золотые перья, навсегда заложенные в ломбарде.

Мимо всех этих попрошаек и стыдливых нищих то и дело проезжали барские кареты, в которых сидели или Лиса, или Сорока воровка, или какая-нибудь хищная птица.

– А где находится Волшебное Поле? – спросил Пиноккио.

– В нескольких шагах отсюда.

Они миновали город и остановились на пустынном поле возле городских стен. Поле, в общем, ничем не отличалось от всех других полей.

– Мы пришли, – сказала Лиса. – Теперь нагнись, выкопай руками маленькую ямку и положи туда свои золотые монеты.

Пиноккио сделал, как ему велели: он вырыл ямку, положил туда свои четыре монеты и прикрыл ямку горстью земли.

– А теперь, – продолжала Лиса, – ступай к канаве, зачерпни ведро воды и полей засеянную землю.

Пиноккио пошёл к канаве, за неимением ведра снял ботинок, зачерпнул воды и вылил её на то место, где закопал монеты. Потом спросил:

– Что мне ещё нужно делать?

– Ничего, – ответила Лиса, – можешь отправляться. Через двадцать минут вернись сюда. Ты тут найдёшь деревце с монетами.

Бедный Деревянный Человечек был сам не свой от радости, тысячу раз благодарил Лису и Кота и пообещал, что преподнесёт им замечательный подарок.

– Нам не нужны подарки, – возразили оба злодея. – Довольно с нас того, что мы тебя научили, каким путём разбогатеть без труда, и это нас глубоко радует.

Затем они попрощались с Пиноккио, пожелали ему богатого урожая и пошли своей дорогой.

19. Пиноккио лишается своих золотых монет и в наказание получает четыре месяца тюрьмы

Вернувшись в город, Деревянный Человечек стал считать минуты, одну за другой, и, наконец, решив, что время пришло, отправился опять к Волшебному Полю.

Он очень торопился, и сердце его громко стучало: тик так, тик так, как стенные часы, которые сильно спешат. Он думал:

«А если я найду на ветках дерева не тысячу, а две тысячи монет? А если я найду не две тысячи, а пять тысяч? А если я найду не пять тысяч, а сто тысяч? Ах, каким великолепным синьором я стану тогда! Я смогу тогда обзавестись прекрасным палаццо, конюшней с тысячью деревянных лошадок, погребком с жёлтым и красным ликёром и библиотекой, в которой на полках будут стоять только засахаренные фрукты, торты, пряники, миндальные пироги и сливочные вафли».

В таких сладостных мечтаниях прошёл весь путь. Наконец Пиноккио приблизился к полю и остановился, чтобы поглядеть, где оно, это дерево, ветки которого увешаны монетами, но он ничего не обнаружил. Он приблизился ещё на сто шагов. Ничего. Он вступил на поле и наконец очутился возле той ямки, куда закопал свои цехины. Ничего. Тогда он задумался, позабыл приличные манеры, о которых пишут в книгах, вынул руку из кармана и крепко почесал затылок.

В это мгновение до его ушей донёсся громкий смех, и, обернувшись, он увидел большого попугая, который чистил свои жидкие перья.

– Почему ты смеёшься? – сердито спросил Пиноккио.

– Я смеюсь потому, что, когда я чистил свои перья, я щекотнул себя под крылом.

Деревянный Человечек ничего не ответил на это, пошёл к канаве, набрал ботинок воды и вылил её на землю в том месте, где были закопаны золотые монеты.

Тут он опять услышал среди безмолвия полей смех, притом ещё более вызывающий, чем раньше.

– Нельзя ли наконец узнать, – рассвирепел Пиноккио, – что означает твой бесстыдный попугайский смех?

– Я смеюсь над дураками, которые верят во всякую чушь и даются в обман пройдохам.

– Не намекаешь ли ты на меня?

– Да, на тебя, бедный Пиноккио. Ты до того непроходимо глуп, что веришь, будто деньги можно сеять, как бобы или тыквы, а потом собирать урожай. Я тоже когда-то верил в нечто подобное и теперь раскаиваюсь в этом. Теперь я убедился, к сожалению слишком поздно, что для честного заработка нужно трудиться собственными руками и думать собственной головой.

– Я не понимаю, о чём ты толкуешь, – сказал Деревянный Человечек.

Однако его уже начало трясти от страха.

– Ну что ж, тогда я скажу яснее, – продолжал попугай. – Когда ты был в городе, Лиса и Кот вернулись сюда, на поле, выкопали золотые монеты и унеслись с быстротой ветра. Разве их теперь догонишь? Ищи свищи.

Пиноккио слушал с открытым ртом и, все ещё не в силах поверить словам попугая, стал ногтями раскапывать землю, которую только что поливал. Он рыл и рыл и наконец вырыл такую глубокую яму, что в ней мог бы поместиться целиком большой стог сена. Но от золотых монет не осталось и следа.

Тогда его охватило отчаяние, он побежал обратно в город и, не медля ни минуты, отправился в суд заявить судье о двух мошенниках, обокравших его.

Судьёй была большая и дряхлая обезьяна, горилла, которая имела весьма почтенный вид благодаря своей старости, белой бороде, а главное – золотым очкам. Правда, они были без стёкол, но обезьяна никак не могла без них обойтись, так как у неё ослабело зрение.

Пиноккио рассказал судье со всеми подробностями о том, как его обманули, сообщил имена и прозвища, а также особые приметы грабителей и в заключение воззвал к справедливости.

Судья слушал его с глубоким доброжелательством и величайшим участием, выглядел очень взволнованным и растроганным, и, когда Деревянный Человечек высказал все, судья протянул руку и позвонил в настольный колокольчик.

На звон моментально явились две собаки в полицейской форме.

Судья показал пальцем на Пиноккио и сказал им:

– У бедняги украли четыре золотые монеты. Стало быть, вяжите его и немедленно посадите в тюрьму.

Деревянный Человечек, услышав этот неожиданный приговор, возмутился и хотел написать заявление. Но полицейские, не теряя времени, заткнули ему рот и сунули его в яму.

Четыре месяца просидел в тюрьме Пиноккио, и это были длинные месяцы. Он сидел бы ещё дольше, если бы в это время не произошло одно счастливое событие.

Молодой король, правивший Болванией, одержал большую победу над врагами и в связи с этим устроил публичные празднества, иллюминацию, фейерверк, конные состязания и велосипедные гонки. Кроме того, в знак великой радости были открыты двери всех тюрем и освобождены все преступники.

– Раз всех выпускают, то надо и меня выпустить, – сказал Пиноккио тюремному смотрителю.

– Вас нет, – ответил смотритель, – вы не относитесь к числу амнистированных.

– Прошу прощения, – возразил Пиноккио, – я ведь тоже преступник!

– В таком случае, вы тысячу раз правы, – извинился смотритель, почтительно снял фуражку, открыл ворота тюрьмы и выпустил Пиноккио на свободу.

20. Выпущенный из тюрьмы Пиноккио, хочет вернуться в дом феи, но по дороге он встречает страшную змею, а затем попадает в капкан

Представьте себе радость Пиноккио, когда он очутился на воле! Не теряя ни минуты, он повернулся к городу спиной и пустился по дороге к домику Феи.

Стояла дождливая погода, и дорога превратилась в настоящее болото. Ноги в нём вязли по колени, но Деревянный Человечек не обращал на это никакого внимания. Гонимый единственным желанием поскорее увидеть отца и сестрицу с лазурными волосами, он делал прыжки не хуже гончей собаки, так что грязь взметалась выше головы. Он думал: «Сколько неприятностей я испытал!.. И я их заслужил, потому что я упрямый, вспыльчивый деревянный человек... Всегда я стараюсь сделать все по своему и не слушаюсь тех, кто меня любит и кто в тысячу раз умнее меня... Но я обещаю с этой минуты быть хорошим и послушным. Я убедился, что невоспитанные дети всегда попадают впросак и ничего путного у них не получается. А что, если мой отец ждёт меня? Если я его встречу в доме Феи? Горемыка! Я его так давно не видел,

что прямо таки испытываю потребность обнять его и поцеловать... А простит ли мне Фея всё, что я натворил?.. Ведь я столько видел от неё внимания, ласки, и если я жив до сих пор, то только благодаря ей!.. Вряд ли существуют на свете такие неблагодарные и бессердечные мальчишки, как я!»

Рассуждая таким образом, Пиноккио вдруг в страхе остановился и отскочил на четыре шага назад. Что же он увидел?

Гигантскую змею, лежавшую поперёк дороги. У неё была зелёная кожа, глаза её сверкали, а остроконечный хвост дымился, как печная труба.

Ужас Деревянного Человечка не поддаётся описанию. Он бросился назад, пробежал больше полукилометра, сел на кучу камней и стал ждать, пока змея соблаговолит продолжать свой путь и освободит дорогу.

Он ждал час, он ждал два часа, он ждал три часа, но змея по-прежнему лежала на месте, и даже издали видны были красное пламя в её глазах и столб дыма, подымавшийся из кончика её хвоста.

Наконец Пиноккио расхрабрился, приблизился к змее на несколько шагов и сказал заискивающим, тоненьким голоском:

– Извините великодушно, синьора Змея, но не будете ли вы настолько любезны и не отодвинетесь ли чуть-чуть в сторону, чтобы я мог пройти?

С таким же успехом он мог бы обратиться к стене: змея не шевельнулась.

Тогда он ещё раз повторил тем же голоском:

– Позвольте мне сказать вам, синьора Змея, что я теперь направляюсь домой, где меня ждёт отец, с которым я давно не видался... Не разрешите ли вы мне в связи с этим пройти?

Он ожидал хоть какого-нибудь знака, который можно было бы истолковать как ответ на его вопрос, но никакого ответа не последовало. Более того: змея, которая только что выглядела как живая, вдруг стала неподвижной, как бы окостеневшей. Её глаза погасли, а хвост перестал дымиться.

«Недохлая ли она?» – подумал Пиноккио и от удовольствия потёр себе руки. Он тотчас же попытался перебраться через змею, чтобы затем продолжать свой путь. Но не

успел он поднять ногу, как змея вдруг распрямилась подобно спущенной пружине. Отскочивший в ужасе Пиноккио поскользнулся и грохнулся на землю.

И он упал так неудачно, что голова его увязла в дорожной грязи, а ноги, как свечки, остались торчать в воздухе.

Когда змея увидела, что Деревянный Человечек уткнулся головой в грязь, а ноги его дрыгают с невероятной быстротой в воздухе, на неё напал такой припадок смеха, что в её груди лопнула жила, и она на этот раз действительно издохла.

Пиноккио снова бросился бежать вперёд. Он надеялся засветло добежать до домика Феи. Но по дороге он почувствовал сильный голод, заскочил в виноградник и хотел сорвать несколько гроздьев муската. Ах, лучше бы он этого не делал!

Не успел он ухватиться за гроздь, как раздался треск, и две острые железные скобы сжали его ноги, да с такой силой, что искры посыпались у него из глаз.

Горемычный Деревянный Человечек попал в капкан, поставленный крестьянами против куниц, ставших грозой всех курятников в тамошнем околотке.

21. Пиноккио попадает к крестьянину, который заставляет его служить сторожевой собакой при курятнике

Разумеется, Пиноккио начал плакать, кричать и причитать. Правда, все слезы и крики ни к чему не привели, так как поблизости не было никакого жилья, а на дороге не появлялось ни живой души.

Между тем настала ночь.

Но у Деревянного Человечка и без того потемнело в глазах от страданий, которые ему причиняли железины капкана, глубоко впившиеся в ноги, да и от страха: ведь он был в полном одиночестве, притом ещё ночью. И тут он вдруг увидел светлячка, кружившегося над его головой, и крикнул ему:

– Ах, Светлячок! Будь добр, спаси меня от этой пытки.

– Бедный парень, – посочувствовал ему Светлячок. – Каким образом ты ухитрился повиснуть в железном капкане?

– Я зашёл в виноградник, чтобы сорвать пару гроздьев муската, и...

– Это были твои гроздья?

– Нет...

– Кто же тебе велел лезть за чужим виноградом?

– Я был голоден.

– Мой милый друг, голод вовсе не причина для хапанья чужого винограда.

– Это верно, это верно! – согласился, всхлипывая, Пиноккио. – И я никогда больше не буду так поступать.

Тут слышались чьи-то шаги, и разговор оборвался. Это был хозяин виноградника, который приближался на цыпочках, чтобы проверить, не попала ли в капкан одна из куниц, пожиравших его кур по ночам.

Каково же было его изумление, когда он, вынув из под плаща фонарь, увидел, что вместо куницы попался мальчик!

– Ага! Значит, это ты тот ворюга, что вечно таскает моих пеструшек! – возмущённо сказал крестьянин.

– Не я, не я! – возопил Пиноккио, рыдая. – Я только забежал в виноградник, чтобы сорвать парочку гроздьев!

– Кто ворует чужие гроздья, тот ворует и чужих кур. погоди же, я тебе задам такой урок, что ты его вовек не забудешь!

И он открыл капкан, взял Деревянного Человечка за шиворот и понёс его домой, как ягнёнка.

Когда они очутились на гумне перед домом, крестьянин бросил Пиноккио на землю, наступил ему ногой на шею и сказал:

– Теперь уже поздно, и я иду спать. Наши счёты мы сведём завтра. А так как моя собака, сторожившая двор в ночное время, подохла, ты пока что займёшь её место. Ты будешь моей дворнягой!

Сказав это, он надел на Пиноккио толстый ошейник, покрытый медными шипами, и

приладил его так плотно, что голова не могла выскользнуть. К ошейнику была приклёпана длинная железная цепь.

– Если ночью пойдёт дождь, – сказал крестьянин, – то можешь залезть в собачью будку – там все ещё лежит соломенная подстилка, четыре года служившая моей бедной собаке постелью. А если, не дай бог, появятся воры, помни, что ты обязан держать ухо востро и должен лаять.

После этих наставлений крестьянин вошёл в дом, заложил дверь, а бедный Пиноккио остался лежать на гумне, скорее мёртвый, чем живой, от голода, холода и страха. Время от времени он всовывал пальцы под ошейник, который сильно сжимал ему глотку, и причитал:

– Я это заслужил! Ну да, я это заслужил! Я хотел быть лодырем и бездельником, и потому меня так долго преследуют несчастья. Будь я приличным мальчиком, как многие другие, имей я охоту к учению, к труду, останься я дома у моего несчастного отца, не пришлось бы мне служить сторожевой собакой на крестьянском дворе, в этакой глуши! Ах, если бы я мог снова родиться!.. Но теперь поздно думать об этом, и я должен смириться.

После этого маленького монолога, сказанного, впрочем, вполне искренне, он влез в будку и заснул.

22. Пиноккио обнаруживает воров и в награду за преданность получает свободу

Пиноккио проспал два часа, а в полночь его разбудили шёпот и бормотание странных голосов, доносившихся с гумна. Он высунул кончик носа из собачьей будки и увидел четырех маленьких зверьков в тёмных шубках. Они стояли кучкой, совещаясь о чём то, и были похожи на кошек. Однако это были не кошки, а куницы – маленькие кровожадные зверьки, которые особенно лакомы до яиц и цыплят. Одна из куниц отделилась от своих товарок, подошла к собачьей будке и тихо сказала:

– Добрый вечер, Мелампо!

– Я вовсе не Мелампо, – ответил Деревянный Человечек.

– Кто ты, в таком случае?

– Я Пиноккио.

-
- А что ты здесь делаешь?
 - Я изображаю сторожевую собаку.
 - А где Мелампо? Где старый пёс, стороживший в этой будке?
 - Он сегодня утром издох.
 - Издох? Бедное животное! Он был такой добряк! Но и ты не выглядишь волкодавом.
 - Прошу прощения, но я не собака.
 - Кто же ты такой?
 - Я Деревянный Человечек.
 - И ты тут вместо сторожевой собаки?
 - К сожалению. И к тому же в наказание.
 - Ну что ж, предлагаю тебе тот же договор, какой был у нас с Мелампо. Ты будешь доволен.
 - А что это за договор?
 - Мы, как прежде, приходим сюда два раза в неделю, ночью проникаем в курятник и забираем восемь кур. Из этих восьми штук мы пожираем семь, а одну даём тебе, с тем, естественно, что ты притворяешься спящим и даже не помышляешь о том, чтобы лаять и будить крестьянина.
 - А Мелампо именно так и делал? – осведомился Пиноккио.
 - Да, так он и делал, и мы всегда отлично ладили между собой. Итак, спи спокойно и не сомневайся в том, что перед уходом мы положим возле будки миленькую ошипанную курочку тебе на завтрак. Надеюсь, мы хорошо поняли друг друга?
 - Даже чересчур хорошо, – ответил Пиноккио и угрожающе покачал головой, словно желая этим сказать: «Мы ещё поговорим!»

Почувствовав себя в безопасности, четыре куницы быстрёхонько кинулись к курятнику,

расположенному рядом с собачьей будкой, отворили зубами и когтями маленькую деревянную дверку, закрывавшую вход, и юркнули туда одна за другой. И только-только они успели прокрасться внутрь, как услышали, что дверка за ними быстро закрылась.

Закрыл её Пиноккио. И мало того: на всякий случай он ещё привалил к ней большой камень.

И тогда он начал лаять, и лаял точно так, как сторожевая собака, а именно: «Гав гав, гав гав!»

Услышав лай, крестьянин соскочил с постели, схватил своё ружьё, подошёл к окну и спросил:

– Что там такое?

– Воры, – ответил Пиноккио.

– Где?

– В курятнике.

– Сию минуту выйду.

Не прошло и секунды, как крестьянин был внизу, побежал к курятнику, поймал четырех куниц, сунул их в мешок и сказал им очень довольным голосом:

– Наконец вы всё-таки попали ко мне в руки! Я мог бы вас наказать, но я не такой человек. Я удовольствуюсь тем, что завтра отнесу вас к трактирщику в ближнее село, и он снимет с вас шкурки и приготовит из вас нежное и острое заячье жаркое. Хотя это честь, которую вы совсем не заслужили, но столь великодушные люди, как я, не обращают внимания на такие мелочи.

Затем он подошёл к Пиноккио, погладил его несколько раз по голове и спросил:

– Каким образом ты обнаружил этих четырех воришек? А, мой Мелампо, мой преданный Мелампо ни разу ничего не заметил!

Деревянный Человечек мог бы тут кое-что рассказать из того, что узнал. То есть он мог бы поведать о позорном договоре между собакой и куницами, но, вспомнив о том, что

собака уже издохла, пришёл к заключению: «Какая польза срамить мёртвых? Мёртвые мертвы, и лучше всего оставить их в покое».

– Ты бодрствовал или спал, когда куницы пришли на гумно? – спросил его крестьянин.

– Я спал, – доложил Пиноккио, – но куницы разбудили меня своим шёпотом, а одна из них даже подошла к собачьей будке и сказала: «Если ты пообещаешь нам не лаять и не будить хозяина, мы дадим тебе превосходную ошипанную курицу на завтрак». Вы понимаете? Надо же иметь наглость сделать мне такое предложение! Я хотя и Деревянный Человечек и имею бесконечно много недостатков, но ещё не дошёл до того, чтобы брать взятки и служить подручным у воришек.

– Ты славный малый! – воскликнул крестьянин и хлопнул его по плечу. – Такие взгляды делают тебе честь. И, чтобы выразить мою признательность, отпускаю тебя немедленно домой.

И он снял с Пиноккио ошейник.

23. Пиноккио оплакивает смерть красивой девочки с лазурными волосами. Затем он летит на голубе к морю и бросается вниз головой в воду, чтобы спасти своего отца Джеппетто

Освободившись от жестокой и унижительной тяжести ошейника, Пиноккио помчался по полям, не останавливаясь ни на минуту, пока не достиг большой дороги, ведущей к домику Феи.

Когда же он оказался на большой дороге, он взглянул на равнину, простиравшуюся перед ним. Отсюда можно было ясно увидеть тот лес, где он, на свою беду, повстречал Лису и Кота. Он узнал возвышавшуюся над деревьями верхушку Большого Дуба, на котором он был повешен, но, сколько ни смотрел, не мог обнаружить домика Красивой Девочки с лазурными волосами.

Тут его пронзило тягостное предчувствие. Он побежал со всех ног и спустя несколько минут очутился на лугу, где некогда стоял домик, – ибо теперь домика больше не было. Вместо него он нашёл небольшую мраморную доску, на которой были вырезаны нижеследующие скорбные слова:

ЗДЕСЬ ПОХОРОНЕНА

ДЕВОЧКА С ЛАЗУРНЫМИ ВОЛОСАМИ,

УМЕРШАЯ В СТРАДАНИЯХ,
ПОТОМУ ЧТО ОНА БЫЛА ПОКИНУТА
СВОИМ МАЛЕНЬКИМ БРАТОМ ПИНОККИО.

Можете себе представить, что почувствовал Пиноккио, когда он с грехом пополам прочёл по складам эти слова. Он упал ничком на землю, тысячу раз поцеловал надгробие и разразился душераздирающими рыданиями. Он плакал всю ночь напролёт и, когда рассвело, все ещё плакал, хотя слезы у него совсем иссякли. И его стоны были так горьки и проникновенны, что эхо со всех холмов повторяло их. Плача, он восклицал:

– О, моя милая маленькая Фея, почему ты умерла? Почему я, такой плохой, не умер вместо тебя, такой хорошей?.. И где теперь мой отец? О, моя милая маленькая Фея, скажи мне, где мне его искать? Я останусь с ним навсегда и никогда, никогда его не покину, не оставлю одного... О, моя милая маленькая Фея, скажи мне, пожалуйста, что это неправда, что ты умерла! Если ты меня вправду любишь, если ты любишь своего брата, тогда вернись, оживи! Разве тебе не жалко видеть меня таким одиноким и всеми покинутым?.. Вот придут грабители и ещё раз повесят меня на ветке, и тогда я буду мёртвый навсегда. Что мне делать одному на свете? Кто мне даст поесть теперь, когда я потерял тебя и моего отца? Где мне переночевать? Кто мне сошьёт новую куртку? Ах, в тысячу раз было бы лучше, если бы я тоже умер! Да, я хочу умереть!.. А а а!..

И он в отчаянии попытался рвать на себе волосы, но, так как волосы у него были из дерева, он никак не мог запустить в них пальцы.

В это время над ним пролетал большой Голубь. Он замер с распростёртыми крыльями в воздухе и крикнул:

– Скажи-ка, дружок, что ты там делаешь внизу?

– Ты разве не видишь? Я плачу! – ответил Пиноккио, подняв голову и вытирая глаза рукавом куртки.

– Скажи-ка, – не унимался Голубь, – нет ли среди твоих приятелей некоего Деревянного Человечка по имени Пиноккио?

– Пиноккио?.. Ты сказал «Пиноккио»? – повторил Деревянный Человечек и вскочил на

ноги. – Пиноккио – это я!

Услышав такой ответ. Голубь быстро слетел вниз и опустился на землю. Ростом он оказался больше индюка.

– Ты, стало быть, знаком с Джеппетто? – спросил он у Деревянного Человечка.

– А-то как же? Это же мой бедный отец! Значит, он тебе рассказывал про меня? Ты меня приведёшь к нему? Он жив? Ответь мне, пожалуйста, он жив?

– В последний раз я его видел три дня назад, на берегу моря.

– Что он там делал?

– Он мастерил маленькую лодку, чтобы пересечь океан. Бедняга уже больше четырех месяцев странствует по земле и ищет тебя, а так как до сих пор он не мог тебя найти, то решил отправиться на поиски в далёкие страны Нового Света.

– А далеко отсюда до моря? – испугался Пиноккио.

– Свыше тысячи километров.

– Тысячи километров? Ах, Голубь, вот бы мне твои крылья!

– Если хочешь, я тебя туда доставлю.

– Каким образом?

– Верхом на моей спине. Ты очень тяжёлый?

– Тяжёлый? Куда там! Я лёгкий, как пёрышко.

И без долгих разговоров Пиноккио вскочил Голубю на спину, словно всадник – одна нога справа, другая слева, – и радостно воскликнул:

– Но, но, лошадка, я спешу!

Голубь поднялся в воздух и за несколько минут достиг такой высоты, что почти задевал облака. Тут Деревянного Человечка обуяло любопытство, и он посмотрел вниз. Но ему стало страшно, голова закружилась, и он крепко обхватил шею своего

пернатого коня, чтобы не свалиться.

Они летели весь день. Вечером Голубь сказал:

– Я ужасно хочу пить!

– А я ужасно хочу есть, – добавил Пиноккио.

– Отдохнём несколько минут в этой голубятне и немедленно полетим дальше, чтобы завтра к восходу солнца быть на взморье.

Они залезли в покинутую голубятню и увидели блюдечко с водой и корзину, полную пшена.

Деревянный Человечек всю свою жизнь терпеть не мог пшена, потому что от пшена его якобы тошнило и мутило. Но в этот вечер он набил себе полный живот пшена и, съев все без остатка, сказал Голубю:

– Я никогда не думал, что пшено такое вкусное!

– Это должно тебя убедить в том, мой мальчик, – объяснил ему Голубь, – что и пшено становится роскошным блюдом, когда ты голоден и ничего другого у тебя нет. Голод не признает никаких капризов и нежностей.

Немного закусив и отдохнув, они снова тронулись в путь. На следующее утро они достигли берега моря.

Голубь ссадил Пиноккио на землю и, не желая выслушивать благодарственные слова, сразу же взмыл вверх и исчез.

На берегу толпились люди, и все они вглядывались в море, кричали и размахивали руками.

– Что здесь стряслось? – спросил Пиноккио у одной старушки.

– Бедный отец, потерявший сына, отправился на маленькой лодке в море, так как решил искать сына за морем. А море сегодня очень бурное, и лодчонка вот-вот потонет.

– Где он?

– Вон там, – объяснила старуха и показала пальцем на маленькую лодку, казавшуюся издали ореховой скорлупкой.

В лодке можно было различить одинокого маленького человечка.

Пиноккио пристально посмотрел туда и издал пронзительный крик:

– Это мой отец!

Тем временем бурные волны кидали лодчонку из стороны в сторону, и она-то опускалась вниз, то снова появлялась. А Пиноккио стоял на вершине высокой скалы и все звал своего отца и делал ему знаки руками, носовым платком и даже колпаком.

Казалось, Джеппетто, несмотря на большое расстояние, узнал своего сына – он тоже снял шапку, помахал ею и дал понять знаками, что он охотно вернулся бы, но бурное море мешает управлять лодкой и пристать к берегу.

Вдруг поднялась гигантская волна, и лодчонка исчезла. Все ждали, когда она появится снова, но она больше не появлялась.

– Бедняга! – сказали рыбаки, собравшиеся на взморье, забормотали молитву и начали расходиться по домам.

Но тут они услышали отчаянный крик и, обернувшись, увидели маленького мальчика, который бросился вниз со скалы с возгласом:

– Я спасу своего отца!

Пиноккио ведь был сделан из дерева и потому не утонул, а поплыл, как рыба. Волны подхватили его, он исчез, затем снова вынырнул. Все дальше и дальше от берега появлялась над водой то его рука, то нога. Наконец люди на берегу потеряли его из виду.

– Бедный малый! – сказали рыбаки, забормотали молитву и разошлись по домам.

24. Пиноккио высаживается на острове трудолюбивых пчёл и снова находит там фею

В надежде спасти своего отца Пиноккио плыл всю ночь напролёт. А что это была за жуткая ночь! Дождь, подобный всемирному потопу, крупный град, ужасные раскаты грома и ослепительные молнии!

На рассвете он наконец увидел поблизости продолговатую береговую полосу. То был остров посреди моря.

Он напряг все свои силы, чтобы добраться до берега, но напрасно. Набегая одна на другую, волны играли им, словно он был жалкой щепкой или соломинкой. К счастью, вскоре налетела огромная волна, которая с размаху выбросила его на берег.

При этом он так сильно стукнулся, что чуть не переломал себе руки и ноги. Но он быстро успокоился, подумав: «Я ещё хорошо отделался!»

Между тем небо понемногу прояснилось, солнце засияло вовсю, и море стало тихим и гладким, как масло.

Пиноккио разложил свою одежду для просушки и огляделся по сторонам: не появится ли на огромном пространстве воды хотя бы одна единственная лодочка с одним единственным человеком? Но как он ни напрягал зрение, он не видел ничего, кроме неба, моря и двух трех парусов, плывущих так далеко, что они казались не больше мухи.

– Узнать хотя бы, как этот остров называется! – простонал Пиноккио. – Узнать хотя бы, не живут ли на острове приличные люди, то есть такие люди, у которых не существует обычая вешать детей на ветках деревьев! Но у кого я могу об этом узнать? И есть ли тут вообще кто-нибудь?

При мысли, что он один одинёшенек в обширной и необитаемой стране, Пиноккио так опечалился, что готов был зареветь. И вдруг он увидел совсем близко от берега плывущую по своим личным делам большую рыбу.

Не зная, как эту рыбу зовут. Деревянный Человечек окликнул её очень громко и отдельно:

– Эй! Синьора Рыба! Разрешите мне задать вам вопрос!

– Милости прошу, – ответила рыба, оказавшаяся таким любезным Дельфином, какого вряд ли сыщешь во всех морях мира.

– Не будете ли вы любезны сказать мне, имеются ли на этом острове деревни, где можно достать чего-нибудь поесть без опасения самому быть съеденным?

– Несомненно, – ответил Дельфин. – Кстати, одна тут совсем рядом.

-
- А как мне туда добраться?

 - Если ты пойдёшь налево по маленькой тропке следом за своим носом, ты её никак не обойдёшь.

 - Ещё вопрос, пожалуйста! Вы плаваете днём и ночью по морям, не встретили ли вы случайно маленькую лодочку с моим отцом?

 - А кто твой отец?

 - Лучший отец во всем мире, точно так же как я – наихудший сын на свете.

 - Во время ночной бури маленькая лодка, очевидно, утонула.

 - А мой отец?

 - Скорее всего, его проглотила страшная Акула, которая с некоторых пор сеет смерть и запустение в наших водах.

 - Она большая, эта Акула? – спросил Пиноккио, начиная дрожать от страха.

 - Огромная, – ответил Дельфин. – Чтобы ты мог себе представить её размеры, скажу тебе, что она больше пятиэтажного дома и имеет такую широкую и глубокую пасть, что туда может спокойно въехать целый поезд с дымящим паровозом.

 - Мамочки! – в ужасе вскричал Деревянный Человечек, быстро оделся и ещё раз обратился к Дельфину: – До свидания, синьора Рыба! Простите за задержку, тысяча благодарностей за вашу любезность.

Затем он поспешил в путь и шёл быстро, почти бежал. При малейшем шуме он сразу же оборачивался, так как опасался, что его преследует Акула величиной с пятиэтажный дом, с целым поездом во рту.

Спустя полчаса он добрался до деревни, называвшейся Деревня Трудолюбивых Пчёл. Улицы кишели людьми, деловито сновавшими туда и обратно. Все здесь работали, все что-то делали. Даже в увеличительное стекло нельзя было найти бездельника или лентяя.

«Ясно, – сказал себе лодырь Пиноккио, – эта деревня не для меня. Я не рождён для труда».

Но его мучил голод, так как он двадцать четыре часа ничего не ел, даже пшённой каши.

Что делать?

У него были только две возможности утолить голод: либо искать работу, либо заняться попрошайничеством и таким образом раздобыть сольдо или кусок хлеба.

Попрошайничать ему было стыдно, так как отец ему втолковал, что на это имеют право только старики и калеки; все остальные обязаны работать.

Но вот на улице появился запыхавшийся и вспотевший человек, который с большим трудом один толкал две тачки с углём.

Пиноккио решил, что, судя по лицу, это хороший человек, приблизился к нему и, потупив от стыда глаза в землю, сказал очень тихим голосом:

– Не дадите ли вы мне сольдо, чтобы я не погиб от голода?

– Не одно сольдо, – ответил угольщик, – а четыре сольдо ты получишь, если поможешь мне довезти до дома эти две тачки.

– Вы меня удивляете! – возразил Деревянный Человечек обиженно. – Имейте в виду, что я никогда ещё не был вьючным ослом и никогда не возил тачки.

– Тем лучше для тебя! А если ты действительно так голоден, мой мальчик, тогда отрежь себе два три толстых ломтя от своего высокомерия и съешь их, только смотри не подавись.

Через несколько минут появился каменщик, который нёс на спине ящик с известью.

– Любезнейший, не дадите ли вы бедному мальчику, зевающему от голода, одно сольдо?

– Охотно. Иди со мной, помоги мне отнести известь, и тогда ты получишь целых пять сольдо.

– Но известь тяжёлая, – сказал Пиноккио, – а я не хочу напрягаться.

– Если ты не хочешь напрягаться, мой мальчик, тогда зевай сколько влезет,

благословляю тебя.

В течение какого-нибудь получаса мимо прошло ещё человек двадцать, и Пиноккио у каждого просил милостыню, но все отвечали ему:

– Неужели тебе не стыдно? Зря ты шляешься по улицам. Лучше найди работу и учись зарабатывать на хлеб.

Наконец появилась добрая женщина с двумя кувшинами воды.

– Вы не возражаете, добрая донна, если я глотну водички из вашего кувшина?

– Пей, мой мальчик, – сказала женщина и поставила оба кувшина на землю.

Налакавшись воды, как гриб, Пиноккио вытер рот и пробормотал про себя:

– От жажды я уже избавился. Если бы я мог таким же образом избавиться от голода!

Когда добрая женщина услышала эти слова, она поспешно проговорила:

– Если ты pomoжешь мне донести до дома один из этих кувшинов, я дам тебе кусок хлеба.

Пиноккио внимательно посмотрел на кувшин и не сказал ни да, ни нет.

– А к хлебу я дам тебе большую миску цветной капусты, приправленной уксусом и маслом, – продолжала добрая женщина.

Пиноккио снова внимательно посмотрел на кувшин и не сказал ни да, ни нет.

– А после цветной капусты я дам тебе прекрасную ликёрную конфету.

Перед таким искушением Пиноккио не мог устоять. Он сорвался с места и крикнул:

– Ладно! Я снесу вам кувшин домой.

Кувшин был очень тяжёлый, а так как руки у Деревянного Человечка оказались слабоваты, он вынужден был волей неволей тащить кувшин на голове.

Дома добрая женщина пригласила Пиноккио к накрытому столу и положила перед ним

кусок хлеба, цветную капусту и конфету.

Пиноккио не ел – он глотал. Его желудок казался пустым, как квартира, в которой пять месяцев никто не жил.

Когда его ужасный голод постепенно утих, он поднял голову, чтобы поблагодарить свою благодетельницу. Но не успел он как следует взглянуть в её лицо, как длинное предлинное «ю оо о» – вырвалось из его горла, и он в глубоком изумлении остался сидеть как окаменелый, с широко раскрытыми глазами и ртом, полным цветной капусты и хлеба.

– Что тебя так удивило? – спросила добрая женщина и засмеялась.

– Вы... – залепетал Пиноккио, – вы... вы... вы похожи... вы мне напоминаете... да, да, да, это тот же голос... те же волосы... да, да, да... у вас лазурные волосы... как у неё!.. Ах, милая маленькая Фея, милая маленькая Фея!.. Ну скажите же мне, что это вы, действительно вы! Если бы вы знали! Я так плакал, так страдал!..

И при этих словах слезы брызнули у него из глаз, и он упал и обнял колени таинственной женщины.

25. Пиноккио даёт фее обещание стать хорошим и учиться, так как ему надоело быть деревянным человечком, и он хочет стать хорошим мальчиком

Сначала добрая женщина отрицала, что она маленькая Фея с лазурными волосами. Но, поняв, что тайна разоблачена, она не стала больше притворяться, призналась и сказала Пиноккио:

– Каким образом ты, деревянный плутишка, понял, что я – это я?

– Мне это открыла большая любовь к вам.

– А ты помнишь? Ты ведь меня оставил маленькой девочкой, а теперь ты видишь меня женщиной, и я могла бы, пожалуй, быть твоей матерью.

– Это очень хорошо, потому что теперь я могу называть вас не сестричкой, а мамой. Я уже давно мечтаю иметь маму, как все другие дети. Однако как вы сумели так быстро вырасти?

– Это моя тайна.

- Научите меня – я тоже хотел бы стать немножко больше. Разве вы не замечаете? Я все ещё ростом с головку сыра.
- Ты ведь не можешь расти, – объяснила ему Фея.
- Почему?
- Потому что деревянные человечки не растут. Они являются на свет деревянными человечками и живут и умирают тоже деревянными человечками.
- Ах, мне осточертело быть Деревянным Человечком! – воскликнул Пиноккио и ударил себя кулаком по голове. – Пора мне уже стать человеком.
- И ты станешь им, если заслужишь.
- Правда? А чем я могу это заслужить?
- Очень просто. Ты должен только привыкнуть быть хорошим мальчиком.
- А разве я не хороший мальчик?
- К сожалению, нет. Хорошие мальчики послушны, а ты...
- А я непослушный.
- Хорошие мальчики прилежно учатся и работают, а ты...
- А я лентяй и бродяга.
- Хорошие мальчики всегда говорят правду...
- А я всегда говорю неправду.
- Хорошие мальчики охотно посещают школу...
- А мне становится противно при одной мысли об этом. Но с сегодняшнего дня я начну новую жизнь!
- Ты мне это обещаешь?

– Обещаю. Я буду хорошим мальчиком и утешением своему отцу... И куда он запропастился, мой бедный отец?

– Этого я не знаю.

– Посчастливится ли мне вообще когда-нибудь увидеть и обнять его?

– Надеюсь, что да. Я даже уверена.

Этот ответ привёл Пиноккио в восторг, он схватил руки Феи и начал их целовать. Потом он поднял голову, посмотрел на неё с любовью и спросил:

– Скажи, милая мама, значит, ты действительно не умерла?

– Как будто бы нет, – ответила Фея с улыбкой.

– Если бы ты только знала, как мне было больно, когда я прочитал слова: «Здесь похоронена...» Как у меня сжалось горло...

– Я знаю. И поэтому я тебя простила. Твоё искреннее горе убедило меня в том, что у тебя доброе сердце. А детей, у которых доброе сердце, даже если они бывают немножко грубы и невоспитанны, никогда нельзя считать безнадежными, то есть можно ещё надеяться, что они найдут правильный путь. Поэтому я последовала сюда за тобой. Я буду твоей мамой...

– Вот это здорово! – воскликнул Пиноккио и подпрыгнул от радости.

– Слушайся меня и делай всегда то, что я тебе скажу.

– Охотно, охотно, охотно!

– Начиная с завтрашнего дня, – продолжала Фея, – ты пойдёшь в школу.

Радость Пиноккио заметно ослабла.

– Ты можешь по собственному усмотрению избрать себе ремесло или другую какую-нибудь профессию.

Лицо Пиноккио стало серьёзным.

- Что ты там бормочешь сквозь зубы? – спросила Фея недовольно.
- Я соображал, – промямлил Деревянный Человечек, – что идти в школу теперь уже, пожалуй, поздно...
- Нет, мой миленький. Заметь себе, что никогда не поздно учиться!
- Но я не желаю заниматься никаким ремеслом и никакой профессией!
- Почему?
- Потому что я думаю, что работать очень утомительно.
- Мой мальчик, – сказала тогда Фея, – кто так думает, тот почти всегда кончает свою жизнь в тюрьме или в больнице. Ты должен твёрдо знать: каждый человек обязан что-то делать, чем-то заниматься, работать. Горе тому, кто вырастает бездельником! Безделье – весьма отвратительная болезнь, которую надо лечить с детства, иначе, став взрослым, от неё никак невозможно отделаться!

Эти слова произвели на Пиноккио большое впечатление. Он поднял голову и сказал с жаром:

- Я буду учиться, я буду работать, я буду делать всё, что ты мне скажешь, потому что, в конце концов, мне основательно надоела жизнь деревянного человечка и я хочу любой ценой стать настоящим мальчиком. Ты ведь мне это обещала, правда?
- Я тебе это обещала. Теперь все зависит от тебя.

26. Пиноккио идет с товарищами к берегу моря, чтобы взглянуть на страшную акулу

На следующий день Пиноккио отправился в народную школу. Представьте себе изумление шалунов, когда они увидели в школе Деревянного Человечка! Они хохотали до упаду. Каждый старался подстроить ему каверзу: один вырвал у него из рук колпак, второй потянул сзади за куртку, третий попробовал нарисовать ему чернилами большие усы под носом, а кто-то попытался даже привязать ниточки к его рукам и ногам, чтобы заставить его плясать, как марионетку.

Некоторое время Пиноккио просто не обращал на все это внимания и продолжал делать своё дело. Но в конце концов он всё таки потерял терпение и обратился ледяным голосом к тем, кто насмехался и куролесил больше других:

– Поосторожнее, ребята! Я пришёл сюда не для того, чтобы изображать перед вами клоуна. Я уважительно отношусь ко всем и требую, чтобы ко мне тоже относились уважительно.

– Bravo, болван! Ты говоришь как по писаному! – закричали озорники, корчась от смеха.

А один из них, самый наглый, протянул руку и попытался схватить Деревянного Человечка за нос.

Но из этого ничего не вышло, потому что Деревянный Человечек немедленно брыкнул его под парту в колено.

– Ох, и твёрдые же у него ноги! – взвыл мальчик и начал тереть огромный синяк, появившийся на том месте, куда Деревянный Человечек пнул его.

– А локти... они ещё твёрже, чем ноги! – простонал другой, который в ответ на бесстыжие насмешки получил удар в живот.

Так или иначе, но Пиноккио после одного пинка ногой и одного удара локтем в мгновение ока завоевал уважение и благосклонность всех мальчишек в школе. И все принялись его обнимать и ужасно его полюбили.

Учитель тоже хвалил его, потому что он видел, что Деревянный Человечек внимателен, усерден и неглуп, что он всегда первым приходит в школу и последним встаёт, когда урок кончается.

Его единственным недостатком было то, что он слишком усердно якшался с товарищами, среди которых имелось немало отпетых бездельников, не желавших учиться и вообще что-либо делать.

Учитель предупреждал его каждый день, и добрая Фея тоже говорила не раз:

– Берегись, Пиноккио! Твои дурные школьные товарищи рано или поздно доведут тебя до того, что ты потеряешь всякое желание учиться. И не исключена возможность, что они навлекут на тебя большую беду.

– Никакой опасности нет, – отвечал Деревянный Человечек, пожимая плечами, и стучал указательным пальцем себя по лбу, что должно было означать: «Здесь мозгов, слава богу, хватает!»

И вот случилось в один прекрасный день, что по дороге в школу он встретил ватагу товарищей, которые его спросили:

– Ты уже слышал новость?

– Нет.

– Недалеко отсюда, в море, появилась акула величиной с гору.

– Неужели?.. Не та ли это акула, которая плавала здесь, когда мой бедный отец утонул?

– Мы идём на взморье, чтобы на неё взглянуть. Пойдёшь с нами?

– Нет, я пойду в школу.

– Да шут с ней, со школой! Завтра пойдём в школу. На два урока меньше или больше... всё равно мы останемся такими же ослами!

– А что на это скажет учитель?

– Пусть учитель говорит всё, что хочет. За это ему и платят, чтобы он нас каждый день бранил.

– А моя мать?

– Да мать ни о чём и не узнает, – ответили дурные товарищи.

– Знаете, что я сделаю? Акулу я по некоторым личным причинам обязательно должен увидеть, но после школы.

– Несчастный олух! – заорала вся ватага. – Неужели ты думаешь, что рыба таких размеров будет ждать, пока ты придёшь? Когда ей станет скучно, она уплывёт восвояси, и пиши пропало!

– Сколько ходьбы отсюда до взморья?

– Туда и обратно час.

– Внимание! Вперёд! Бежим на пари! – вскричал Пиноккио.

По этой команде вся банда, с тетрадями и книгами под мышкой, бросилась бежать по полям, а Пиноккио – впереди всех, словно на ногах у него выросли крылья.

Время от времени он оборачивался и насмехался над своими товарищами, которые остались далеко позади. И, видя, как они, покрытые пылью, высунув язык, задыхаются, пыhtят и потеют, он радовался от всей души. Бедняга ещё не знал, каким ужасным и жутким событиям он бежит навстречу.

27. Большая потасовка между Пиноккио и его товарищами, причем один из них ранен и Пиноккио арестовывают полицейские

Достигнув морского берега, Пиноккио оглядел море. Но никакой акулы не было. Море лежало спокойное и гладкое, словно гигантское хрустальное зеркало.

– Где ваша акула? – спросил он у товарищей.

– Надо полагать, что она как раз завтракает, – насмешливо сказал один.

– Или легла в постель, чтобы немного всхрапнуть, – хихикнул второй.

Из этих вздорных ответов и нелепого смеха Пиноккио сделал вывод, что товарищи сыграли с ним некрасивую шутку и одурачили его. Он рассердился и яростно налетел на них:

– Ну? Зачем вы мне рассказывали эту глупую сказку про акулу?

– На то были причины, – ответили они в один голос.

– Какие?

– Ты пропустил занятия и пошёл с нами. Разве тебе не стыдно каждый день так добросовестно и усердно посещать уроки? Разве тебе не стыдно так прилежно учиться?

– А какое вам дело до того, как я учусь?

– Ещё бы не дело! Из-за тебя учитель презирает нас.

– Почему?

– Потому что прилежные ученики ставят в дурацкое положение таких, как мы, не

желающих учиться. А мы не хотим, чтобы нас ставили в дурацкое положение: у нас тоже есть своя гордость!

– Что же я должен делать?

– Ты должен тоже возненавидеть школу, уроки и учителя. Это три наших главных врага.

– А если я всё-таки буду и дальше прилежно учиться?

– Тогда мы с тобой больше не будем водиться и при первой возможности отплатим тебе за все.

– Вы мелете вздор, – сказал Деревянный Человечек и покачал головой.

– Берегись, Пиноккио, – закричал самый большой из всей ватаги, – мы не позволим тебе быть ни гордецом, ни доносчиком! Если ты не боишься нас, то мы боимся тебя ещё меньше. Имей в виду: ты один, а нас семеро.

– Семь смертных грехов, – громко рассмеялся Пиноккио.

– Вы слышали? Он нас всех оскорбил! Он нас обозвал смертными грехами!

– Пиноккио, возьми назад свои слова, иначе будет плохо!

– Хи хи! – произнёс Деревянный Человечек и насмешливо приложил указательный палец к кончику носа.

– Пиноккио, тебе худо будет!

– Хи хи!

– Мы тебя измолотим, как собаку!

– Хи хи!

– Ты вернёшься домой с расквашенным носом!

– Хи хи!

– Вот тебе хи хи! – зарычал самый храбрый из бездельников. – Задаток, который ты можешь сохранить себе на ужин. – И он ударил его кулаком по голове.

Но на удар последовал ответ: Деревянный Человечек без промедления пустил в ход кулаки, и завязалась ожесточённая Драка.

Хотя Пиноккио был в одиночестве, он защищался, как лев. Он так хорошо работал своими ногами, сделанными из лучшего твёрдого дерева, что его врагам пришлось держаться от него на почтительном расстоянии. А попав в цель, ноги Пиноккио оставляли заметные следы – большие синяки.

Мальчишки, досадуя на то, что не могут добраться до Деревянного Человечка, взялись за метательные снаряды. Они открыли свои ранцы и забросали его букварями и грамматиками, своими «Джаннетини» и «Минуцоли», рассказами Туара, «Пульчино» Бачини и прочими школьными учебниками. Но ловкий и увёртливый Деревянный Человечек наклонялся в нужный момент, так что все книги летели поверх его головы и падали в море.

Представьте себе, что приключилось с рыбами! Они думали, что книги – доброкачественная пища, и стаями всплывали на поверхность. Но стоило им попробовать на вкус страничку или титульный лист, как они немедленно все выплёвывали и при этом кривили рот, словно хотели сказать: «Это не для нас, мы привыкли к лучшему угощению!»

Между тем сражение становилось все более ожесточённым. Тут из воды вылез большой Рак; он медленно вполз на берег и крикнул голосом, звучащим, как простуженная труба:

– Вы, глупые бездельники, немедленно прекратите свалку! Такие сражения между мальчишками редко кончаются благополучно! Как бы не случилось несчастья!

Бедный Рак! С таким же успехом он мог бы проповедовать ветрам и волнам. Этот бесстыдник Пиноккио свирепо оглянулся и грубо ответил:

– Заткни фонтан, скучный Рак! Лучше прими пару конфет от кашля, чтобы твоя глотка немного прочистилась. Или ложись в кровать и пропотей как следует!

В это время мальчишки, оставшись без книг для метания, заметили ранец Деревянного Человечка и немедля овладели им.

Среди книг Пиноккио имелась одна с толстым картонным переплётом, с корешком и уголками из пергамента. Это был учебник по арифметике. Вы, вероятно, догадываетесь, какой он был тяжёлый!

Один из бездельников схватил тяжёлый том, прицелился в голову Пиноккио и швырнул изо всех сил, какие только у него были. Но, вместо того чтобы попасть в Деревянного Человечка, он попал в голову одного из своих товарищей. Последний побелел, как свежевystиранное полотенце, и смог только произнести:

– Мама... мама... помоги, я умираю!

После чего свалился на песок.

При виде неподвижного тела испуганные мальчишки разлетелись кто куда, и через несколько минут исчезли все до одного.

Пиноккио, однако, остался. Хотя он от испуга и ужаса был ни жив ни мёртв, он все же окунул носовой платок в морскую воду и приложил к вискам своего бедного школьного товарища. И, плача от страха, стал звать его по имени и причитать:

– Эдженио, мой бедный Эдженио!.. Открой же глаза и взгляни на меня!.. Почему ты мне ничего не отвечаешь? Это не я сделал тебе больно! Поверь мне, не я!.. Открой же глаза, Эдженио! Если ты все время будешь держать глаза закрытыми, я тоже умру... О господи! Как я теперь вернусь домой? Как я покажусь на глаза моей доброй маме?.. Что будет со мной? Куда мне бежать? Куда мне спрятаться?.. О, если бы я пошёл в школу, насколько это было бы лучше, в тысячу раз лучше! Почему я послушался этих товарищей, ставших моим злым роком! А ведь учитель мне об этом говорил! И моя мать мне все время твердила: «Берегись дурных товарищей!» Но я исключительный дурак. Я слушаю то, что говорят другие, а делаю, что хочу. И потом расплачиваюсь... За всю свою жизнь я не имел и пятнадцати минут спокойных. О боже, что станет со мной? Что получится из меня, что из меня получится?

И Пиноккио выл, и вопил, и бил себя по голове, и все звал бедного Эдженио. Вдруг он услышал приближающиеся шаги.

Он обернулся. Это были два полицейских.

– Почему ты лежишь на земле? – спросили они Пиноккио.

– Я ухаживаю за своим школьным товарищем.

-
- Ему плохо?
 - Кажется, да.
 - Ещё бы ему не было плохо! – Один полицейский нагнулся над Эдженио и внимательно оглядел его. – Этого парня ранили в висок. Кто это сделал?
 - Не я! – пискнул Деревянный Человечек, у которого душа ушла в пятки.
 - Кто же это, если не ты?
 - Не я, – повторил Пиноккио.
 - А чем он был ранен?
 - Этой книгой. – И Деревянный Человечек поднял учебник по арифметике, переплетённый в толстый картон и пергамент, и показал книгу полицейскому.
 - А кому принадлежит эта книга?
 - Мне.
 - Этого достаточно. Больше нам ничего и не надо. Встань немедленно и иди с нами!
 - Но я...
 - Пойдём!
 - Но я не виноват...
 - Пойдём!

Прежде чем уйти, полицейские позвали нескольких рыбаков, как раз в этот момент проплывавших мимо на лодке, и сказали им:

- Мы оставляем этого парня на ваше попечение. Он ранен в голову. Отнесите его к себе домой и присмотрите за ним. Мы вернёмся завтра и займёмся им.

Затем они снова подошли к Пиноккио, взяли его с двух сторон и скомандовали по-военному:

– Вперёд! Да поживее! Иначе получишь!

Не ожидая повторений. Деревянный Человечек быстро пошёл по узкой дороге, ведущей в деревню. Но бедному парню было не по себе. Жизнь представлялась ему сном, отвратительным сном! Он совсем растерялся. В глазах у него двоилось, ноги дрожали, язык прилипал к гортани, и он не мог произнести ни слова. Но и в этом состоянии его всё таки мучила мысль, что он должен проследовать меж двух полицейских мимо окон доброй Феи. Лучше уж было умереть.

Они достигли окраины деревни, и тут порыв ветра сорвал с головы Пиноккио колпак и отбросил его на десять шагов.

– Разрешите мне, – обратился Деревянный Человечек к полицейским, – поднять мой колпак.

– Что ж, иди, только поживее.

Деревянный Человечек пошёл и поднял колпак. Но, вместо того чтобы надеть его себе на голову, он зажал его в зубах и побежал обратно к морю с быстротой пули, выпущенной из ружья.

Полицейские сообразили, что поймать его будет нелегко, и направили по его следу большую собаку ищейку, которая на всех собачьих состязаниях брала первый приз по бегу. Пиноккио бежал быстро, но собака бежала быстрее. Все жители бросились к окнам или выбежали на улицу посмотреть, чем кончится эта дикая погоня. Но зрелища не получилось, потому что собака и Пиноккио подняли такую пыль на дороге, что уже через несколько минут вообще ничего не стало видно.

28. Пиноккио должен быть изжарен на сковородке, как рыба

Во время этой отчаянной гонки было одно жуткое мгновение, одна секунда, когда Пиноккио думал, что пропал, так как Алидоро (такова была кличка собаки ищейки) чуть не догнал его.

Деревянный Человечек уже слышал у себя за спиной пыхтение страшного зверя и даже чувствовал его жаркое дыхание.

К счастью, берег был близко, море находилось всего в нескольких шагах.

Как только Деревянный Человечек достиг берега, он совершил необыкновеннейший прыжок, вроде прыжка щуки, и плюхнулся далеко в воду. Алидоро охотно остановился

бы, но с разгона тоже полетел в воду. А несчастный не умел плавать. Он заболтал ногами, чтобы удержаться на поверхности, но чем больше он барахтался, тем глубже его голова уходила под воду.

Высунув голову, он в ужасе закатил глаза и пролаял:

– Я тону, я тону!

– Шут с тобой! – ответил ему издали Пиноккио, чувствовавший себя теперь вне опасности.

– Помоги мне, милый Пиноккио!.. Спаси меня от смерти!..

При этом возгласе отчаяния Пиноккио, у которого, в сущности, было золотое сердце, сжалился и крикнул собаке:

– Если я тебя спасу, ты обещаешь оставить меня в покое и больше не гнаться за мной?

– Обещаю! Обещаю тебе! Но только поскорее, пожалуйста! Если ты промешкаешь ещё полминуты, я пропал!

Пиноккио помедлил немного. Затем он вспомнил отцовскую поговорку: «Делая доброе дело, ты ничего не теряешь», поплыл к Алидоро, схватил его обеими руками за хвост и вытащил на сушу здоровым и невредимым.

Бедная собака валилась с ног. Она столько наглоталась солёной воды, что раздулась, как мяч. Всё-таки Пиноккио ей не слишком доверял и счёл за благо снова прыгнуть в море. Он отплыл на некоторое расстояние от берега и крикнул спасённому другу:

– Прощай, Алидоро! Доброго пути и всего наилучшего!

– Прощай, Пиноккио! – ответила собака. – Благодарю тебя тысячу раз за спасение от смерти! Ты мне оказал великую услугу, а добрый поступок всегда вознаграждается. Может, мы ещё встретимся.

Пиноккио поплыл дальше вдоль берега. Наконец он решил, что достиг безопасной точки, и, оглядевшись, увидел в скале пещеру, из которой поднимался столб дыма.

«В этой пещере, – подумал он, – очевидно, горит костёр. Тем лучше! Можно здесь обсушиться и обогреться, а там... будь что будет».

Придя к такому решению, он поплыл к скале. И когда он собирался влезть на неё, вдруг из воды что-то поднялось и увлекло его за собой. Он попытался убежать, но было слишком поздно, ибо, к своему великому изумлению, он очутился в огромной сети, среди множества рыб разных пород и размеров, которые били хвостами и отчаянно барахтались.

И тут он увидел, как из пещеры вышел рыбак, который был так безобразен, так исключительно безобразен, что напоминал морское чудище. Вместо волос у него на голове торчал толстый пучок зелёной травы, все его тело было зелёного цвета, и глаза зелёные, и зелёная длинная предлинная борода. Он был похож на гигантскую зелёную ящерицу, вставшую на задние ноги.

Вытянув сеть из воды, рыбак сказал в высшей степени довольным голосом:

– Счастливая судьба! Сегодня я тоже смогу до отказа набить себе брюхо рыбой!

«Мне повезло, что я не рыба», – подумал Пиноккио и немного приободрился.

Сеть, переполненная рыбой, была принесена в пещеру, в тёмную, закопчённую дымом пещеру, посреди которой шипела сковородка с маслом, распространявшим отвратительный запах ворвани.

– Теперь поглядим, какую рыбёшку поймала наша сеть, – сказал Зелёный Рыбак. И он сунул в сеть огромную руку, величиной с лопату, и вытащил оттуда несколько краснобородок. – Какие изумительные краснобородки! – сказал он и обнюхал их с удовольствием.

И, обнюхав, он их кинул в порожний горшок.

Так он проделал несколько раз. И каждый раз, вынимая из сети рыбу, он восклицал в радостном предвкушении:

– Какая замечательная треска!

– Какая изысканная кефаль!

– Какая прелестная камбала!

– Какой превосходный морской окунь!

– Какие миленькие сардинки!

Можете не сомневаться, что треска, кефаль, камбала, окунь и сардинки попадали в ту же самую посуду, где уже находились краснобородки.

Последним в сети был Пиноккио.

Вытащив его, рыбак в изумлении вытаращил свои большие зелёные глаза и воскликнул почти со страхом:

– А это что за рыба? Не могу вспомнить, чтобы я ел когда-нибудь такую!

И он осмотрел Пиноккио довольно внимательно. И после того, как он осмотрел его довольно внимательно, он наконец сказал:

– Все ясно. Это, очевидно, морской рак.

Пиноккио обиделся, что его приняли за рака, и проговорил сердито:

– Что значит рак? Как вы обращаетесь со мной? Да будет вам известно: я Деревянный Человечек!

– Деревянный Человечек? – повторил рыбак. – Должен признаться, что рыбу такой породы я ещё не видывал. Тем лучше – я съем тебя с ещё большим удовольствием.

– Вы меня съедите? Неужели вы не можете уяснить себе, что я вовсе не рыба? Вы разве не замечаете, что я разговариваю и думаю точно так же, как вы?

– Это совершенно правильно, – подтвердил рыбак. – И поскольку я вижу, что ты рыба, которая имеет счастье разговаривать и думать так же, как я, я хочу воздать тебе честь, какую ты заслужил.

– А что это за честь?

– В знак моей дружбы и особого почтения ты можешь самолично выбрать способ своего приготовления. Хочешь ты быть изжаренным на сковородке или лучше сварить тебя в горшке, в томатном соусе?

– Чтобы быть честным до конца, – ответил Пиноккио, – скажу вам, что, если за мной право выбора, тогда лучше всего освободите меня, и я вернусь домой.

– Вероятно, это шутка? Неужели ты думаешь, что я упущу возможность отведать столь редкой рыбы? Рыба из семейства Деревянных Человечков появляется в этих водах не каждый день. Позволь мне сделать так: я тебя изжарю вместе со всеми другими рыбами на сковородке, и ты будешь доволен. Быть изжаренным в компании всегда приятно.

При этом известии несчастный Пиноккио начал плакать, выть и молить о пощаде. Он сказал со слезами:

– Ах, если бы я пошёл в школу... Но я поддался на уговоры моих товарищей и теперь наказан. У у у, у у у!..

И так как он начал извиваться, как угорь, и делать всяческие усилия, чтобы освободиться от лап Зелёного Рыбака, последний взял пучок крепчайшего камыша, связал Пиноккио по рукам и ногам, словно колбасу, и бросил его в горшок к другим рыбам.

Затем он достал громадную деревянную тарелку с мукой и высыпал в неё всю рыбу. И, обвалявшись в муке, рыбины тут же перекочёвывали на сковородку.

Первыми поплыли в кипящем масле бедные краснобородки, за ними последовали маленькие окуньки, потом треска, кефаль и сардинки. Наконец подошла очередь Пиноккио. Увидев смерть перед глазами (и притом столь отвратительную смерть!), он пришёл в такой ужас, что не мог вымолвить ни слова.

Только взгляд бедняги молил о снисхождении. Но Зелёный Рыбак не обращал на это никакого внимания. Он вывалял Пиноккио пять или шесть раз в муке, покуда тот не стал белый сверху донизу, словно гипсовая кукла. Затем ухватил его за голову и...

29. Пиноккио возвращается в дом феи, которая обещает ему, что, начиная с завтрашнего дня, он не будет больше деревянным человечком, а станет мальчиком. Большой приём в честь этого важного события

В тот момент, когда рыбак собирался бросить Пиноккио на сковородку, в пещеру вошла большая собака, которую сюда привлёк сильный запах жареного.

– Пошла вон! – прикрикнул на неё рыбак, все ещё держа Пиноккио в руке, и замахнулся на собаку.

Но бедная собака испытывала страшный голод, визжала и виляла хвостом, словно говоря: «Дай мне чуточку жареной рыбы, и я оставлю тебя в покое».

– Пошла вон! – повторил рыбак и приготовился дать ей пинка.

Но собака не привыкла, чтобы с ней так обращались. Она оскалила зубы и показала рыбаку страшную пасть.

Тут в пещере раздался слабенький слабенький голосок:

– Спаси меня, Алидоро! Если ты меня не спасёшь, я пропал!

Собака сразу же узнала голос Пиноккио и, к своему величайшему удивлению, обнаружила, что этот голосок раздаётся из мучного кома, находящегося в руке у рыбака.

Что же она сделала? Она подпрыгнула, схватила мучной ком, осторожно взяла его в зубы и выбежала из пещеры с быстротой молнии.

Рыбак пришёл в страшнейшую ярость от того, что у него украли рыбу, которую он так мечтал съесть. Он бросился вслед за собакой, но, сделав несколько шагов, сильно закашлялся и вынужден был вернуться.

А Алидоро в это время уже находился на тропе, ведущей в деревню. Там он остановился и осторожно положил Пиноккио на землю.

– Как мне тебя отблагодарить? – сказал Пиноккио.

– Не требуется, – ответила собака. – Ты меня спас однажды, а никакой поступок не остаётся без награды. Известно, что все на свете должны помогать друг другу.

– Как ты попал в пещеру?

– Я все ещё лежал распростёртый на морском берегу, как вдруг ветер принёс прелестный запах жареной рыбы. Этот запах раздражил мой аппетит и привлёк меня туда. Если бы я пришёл минутой позже...

– Ни слова больше! – вскричал Пиноккио, снова вспотев от ужаса, – ни слова больше! Если бы ты пришёл на одну минуту позже, я бы теперь был изжарен, проглочен и съеден. Брр!.. Меня дрожь пробирает, когда я об этом только подумую!

Алидоро со смехом протянул Деревянному Человечку свою правую переднюю лапу, и он её крепко пожал в знак истинной дружбы.

После чего они расстались.

Собака пошла домой, а Пиноккио, оставшись снова в одиночестве, пустился к видневшейся поблизости хижине и обратился к старику, сидевшему на солнцепёке около двери:

– Скажите, почтеннейший, не слышали ли вы о некоем бедном мальчике, раненном в голову, по имени Эдженио?

– Этого мальчика рыбаки принесли в хижину, и теперь...

– Теперь он умер?.. – прервал его Пиноккио горестно.

– Нет. Теперь он жив и находится у себя дома.

– Правда? Правда? – воскликнул Деревянный Человечек и от радости перекувырнулся в воздухе. – Значит, это была не смертельная рана?

– Она могла бы быть очень серьёзной и даже смертельной, – ответил старик, – так как удар в голову был нанесён большой книгой, переплетённой в толстый картон.

– А кто бросил в него книгой?

– Один из его школьных товарищей, некий Пиноккио.

– А кто он, этот Пиноккио? – спросил Деревянный Человечек, притворившись дурачком.

– Говорят, что дрянь, лодырь, весьма опасный тип.

– Клевета, чистая клевета!

– А ты знаешь этого Пиноккио?

– Видел его мельком, – ответил Деревянный Человечек.

– И что ты о нем думаешь? – осведомился старик.

– Я считаю, что он хороший парень, прилежный, послушный и очень любит своего отца и всю свою семью...

Высказывая все это враньё без всякого стеснения, Деревянный Человечек потрогал свой нос и заметил, что он стал длиннее на дюйм. Тогда он испугался и стал кричать:

– Не верьте, почтеннейший, всему хорошему, что я рассказал вам о нем! Я знаю Пиноккио очень хорошо и могу вас заверить, что он действительно дрянной парень, невоспитанный бездельник, который отправился буянить со своими товарищами, вместо того чтобы идти в школу.

Как только он это произнёс, его нос стал заметно короче.

– А почему ты такой белый? – неожиданно спросил старик.

– Видите ли... это, собственно говоря, было так, что я по ошибке прислонился к свежевыбеленной стене, – ответил Деревянный Человечек.

Он постыдился сознаться в том, что его, как рыбу, вывалили в муке, чтобы затем изжарить на сковороде.

– А что ты сделал со своей курткой, штанами и колпаком?

– По дороге я встретил воров, которые меня ограбили... Скажите, добрый старец, нет ли у вас случайно какой-нибудь одежды для меня, чтобы я мог дойти до дому?

– Дитя моё, из одежды я имею только мешочек, в котором храню бобы. Если хочешь, можешь его взять. Вон он лежит.

Пиноккио не заставил себя просить дважды. Он поспешно взял пустой мешочек, вырезал ножницами внизу и с обеих сторон небольшие дырки и надел на себя как рубаху. И в этом убогом одеянии повернул к деревне.

Однако по дороге его начала мучить совесть. Он делал один шаг вперёд, один назад и говорил, обращаясь к самому себе:

– Как я могу показаться на глаза моей доброй Фее? Что она скажет, увидев меня таким?.. Простит ли она во второй раз мою вину?.. Нет, определённо не простит, нет, не простит! И это будет правильно, потому что я никудышный парень. Я только и делаю, что обещаю стать лучше, но не держу слова!

Когда он достиг деревни, была уже тёмная ночь. Погода испортилась, дождь лил потоками, но Пиноккио шёл прямо к дому Феи в полной решимости постучаться и

войти.

Однако перед самым домом ему изменило мужество, и, вместо того чтобы постучаться, он снова отошёл шагов на двадцать назад. И опять подошёл к двери, и снова ему не хватило мужества. То же самое случилось и в третий раз. В четвёртый раз он наконец с дрожью взялся за дверной молоток и постучал один раз, только очень тихо.

Он ждал, ждал, и наконец через полчаса осветилось одно окно в верхнем этаже (дом имел четыре этажа), и Пиноккио увидел, что оттуда высунулась большая Улитка с горящей свечкой на голове.

Она спросила:

– Кто стучится так поздно?

– Фея дома? – спросил Деревянный Человечек.

– Фея спит и просила, чтобы её не будили. А кто ты такой?

– Я.

– Кто – я?

– Пиноккио.

– Кто такой Пиноккио?

– Деревянный Человечек, который живёт у Феи.

– Ах, теперь я знаю, – сказала Улитка. – Я сейчас же сойду и открою тебе.

– Быстрее, пожалуйста, иначе я могу умереть от холода!

– Мой мальчик, я Улитка, а улитки никогда не спешат.

Прошёл час, прошло два часа, а дверь все не открывалась. Пиноккио, дрожавший от холода и от страха, осмелел и постучал громче. После второго стука открылось окно на третьем этаже и показалась та же самая Улитка.

– Моя милая Улиточка, – крикнул Пиноккио с улицы, – я уже жду два часа! А два часа

при такой погоде кажутся длиннее, чем два года. Пожалуйста, скорее!

– Мой мальчик, – ответила Улитка, полная спокойствия и хладнокровия, – мой мальчик, я Улитка, а улитки никогда не спешат.

И окно снова закрылось.

Сразу после этого пробило полночь, затем час ночи, затем два часа, а дверь все ещё оставалась запертой.

Пиноккио потерял терпение. Он в сердцах схватил дверной молоток и приготовился стукнуть так сильно, чтобы весь дом задрожал. Но железный дверной молоток вдруг превратился в живого угря, выскользнул у него из рук и исчез в водосточной канаве.

– Ага! – вскричал Пиноккио свирепея. – Раз дверной молоток исчез, я буду стучать ногами!

И он отступил назад, разогнулся и стукнул ногой в дверь изо всех сил. Удар был настолько силен, что полноги проникло в дерево. Деревянный Человечек попытался вырвать ногу, но это оказалось невозможным. Нога сидела крепко, как гвоздь.

Представьте себе положение бедного Пиноккио! Он был вынужден всю ночь напролёт стоять одной ногой на земле, другая же торчала в двери.

Когда наступил день, дверь наконец открылась. Улитке, доброй душе, понадобилось всего лишь девять часов, чтобы спуститься с четвёртого этажа к парадной двери. И надо сказать, это потребовало от неё огромных усилий!

– Что ты там делаешь ногой в двери? – спросила она Деревянного Человечка и засмеялась.

– Случилось несчастье. Попробуйте, пожалуйста, многоуважаемая Улиточка, может быть, вы сумеете меня освободить от этой пытки...

– Дитя моё, это сможет сделать только столяр, а я ещё никогда до сих пор не столярничала.

– Попросите Фею от моего имени...

– Фея спит и просила её не будить.

- Но что же мне делать? Неужели я весь день останусь защемлённым в двери?
- Займись чем-нибудь. Ну, хотя бы считай муравьёв, ползающих по улице.
- Принесите мне, по крайней мере, чего-нибудь поесть, я совсем ослабел.
- Сию минуту! – пообещала Улитка.

И действительно, Пиноккио увидел её спустя три с половиной часа с серебряным подносом на голове. На подносе лежали буханка хлеба, курица и четыре спелых абрикоса.

- Это завтрак, который послан вам Феей, – сказала Улитка.

При виде всей этой роскоши Пиноккио почувствовал, что на сердце у него потеплело. Но каково же было его разочарование, когда, приступив к еде, он обнаружил, что хлеб сделан из гипса, курица – из картона, а абрикосы – из алебаstra, и все это выглядело как настоящее!

Он был готов заплакать от досады и выкинуть вон поднос со всем, что на нём лежало. Но до этого дело не дошло. От больших ли страданий или от большой пустоты в желудке, – во всяком случае, он потерял сознание.

Когда же он опамятовался, то увидел, что лежит на диване, а Фея стоит возле него.

- И на этот раз я тебя прощаю, – сказала Фея, – но горе тебе, если ты ещё раз позволишь себе подобные штучки.

Пиноккио обещал и клялся, что он будет учиться и всегда хорошо вести себя. И он сдержал своё слово до конца года. На экзаменах, перед каникулами, он был даже отмечен как лучший ученик во всей школе. И его поведение было, в общем, столь похвально, что Фея на радостях сказала ему:

- Завтра я наконец исполню твоё желание.
- То есть?
- Завтра ты уже не будешь Деревянным Человечком, а станешь самым настоящим мальчиком.

Радость Пиноккио при этом известии невозможно описать. Все его друзья и школьные товарищи были приглашены в ближайший день на торжественный приём в дом Феи. Фея обещала сварить двести чашек кофе с молоком и испечь четыреста хлебцев, причём намазать их маслом с обеих сторон.

Этот день обещал стать замечательным и весёлым днём, но...

К сожалению, в жизни деревянных человечков всегда имеется «но», которое все опрокидывает вверх дном.

30. Вместо того, чтобы стать мальчиком, Пиноккио отправляется со своим другом Фитилём в страну развлечений

Разумеется, Пиноккио попросил Фею, чтобы она разрешила ему пойти в город и пригласить всех товарищей. И Фея разрешила ему это и сказала:

- Иди и пригласи своих товарищей на завтра, но помни, что тебе следует вернуться домой прежде, чем стемнеет. Ты понял?
- Я обещаю вернуться не позже чем через час, – ответил Деревянный Человечек.
- Будь осторожен, Пиноккио! Дети легко дают обещания и часто нарушают их.
- Но ведь я не такой, как другие. Если я что-нибудь обещаю, то это железно.
- Посмотрим. Если ты будешь непослушным, то только себе же во вред.
- Почему?
- Потому что все дети, которые не слушаются советов людей, знающих больше, чем они сами, всегда попадают в беду.
- Это я испытал в достаточной мере, – сказал Пиноккио. – Теперь я уже больше не попадусь.
- Посмотрим, правду ли ты говоришь.

Не тратя больше слов, Пиноккио простился с доброй Феей, заменившей ему мать, и, свистя и подпрыгивая, вышел из дому.

Прошло не больше часа, и все его друзья были приглашены. Одни принимали

приглашение с большой радостью, другие заставляли себя немножко просить, но, когда узнавали, что хлебцы для обмакивания в кофе с молоком будут намазаны маслом с обеих сторон, они тоже говорили все без исключения:

- Мы придём, чтобы доставить тебе удовольствие.

Среди всех своих школьных товарищей Пиноккио считал одного особенно близким другом. Его звали Ромео, но он имел прозвище Фитиль. Это был худенький, слабенький, бледненький человечек, выглядевший как новый фитиль в восковой свечке.

Фитиль был самый ленивый и бесстыдный мальчишка во всей школе, но Пиноккио его безумно любил. И вот он пошёл к нему, чтобы и его пригласить, но не застал дома. Он зашёл во второй и в третий раз, и все напрасно.

Где его искать? Пиноккио обшарил все тайники и лазейки и наконец обнаружил Фитиля в крытом дворе одного крестьянского дома.

- Что ты тут делаешь? - спросил Пиноккио.

- Я жду полуночи, чтобы отправиться в путешествие.

- Куда?

- Далеко, далеко, далеко.

- А я три раза был у тебя дома и искал тебя!..

- А что ты от меня хотел?

- Ты разве не знаешь великую новость? Ты не знаешь, какое большое счастье меня ожидает?

- Какое?

- С завтрашнего дня я больше не буду Деревянным Человечком, а стану настоящим мальчиком, как ты и все другие.

- Что ж, поздравляю.

-
- Значит, жду тебя завтра к празднику.
 - Я ведь сказал тебе, что сегодня ночью я отбываю.
 - В котором часу?
 - Скоро.
 - А куда?
 - Я отправляюсь в страну... в прекраснейшую страну на свете – в настоящую страну блаженства и безделья!
 - А как называется эта страна?
 - Она называется Страна Развлечений. Поедешь со мной?
 - Нет, я то не поеду.
 - Это зря, Пиноккио! Поверь мне, ты пожалеешь, что не поехал. Для нас, мальчишек, не может быть лучшей страны. Там нет ни школ, ни учителей, ни книг. Там не надо учиться. В четверг там выходной день, неделя же состоит из шести четвергов и одного воскресенья. Представь себе, осенние каникулы начинаются там первого января и кончаются тридцать первого декабря. Вот это страна по моему вкусу. Так должно быть во всех цивилизованных странах!
 - Чем же занимаются всё-таки в Стране Развлечений?
 - Играми и забавами с утра до вечера. Вечером ложатся спать, а на следующий день все сначала. Что ты на это скажешь?
 - Гм! – произнёс Пиноккио и закивал головой, что должно было означать: «Такую жизнь и я не прочь был бы вести!»
 - Итак, пойдёшь со мной? Да или нет? Решайся!
 - Нет, нет и ещё раз нет! Я обещал моей доброй Фее стать хорошим мальчиком, и я исполню своё обещание. Кстати, солнце уже заходит. Я должен возвращаться домой. Итак, будь здоров, счастливого пути!
-

- Куда ты спешишь?
- Домой. Моя добрая Фея просила, чтобы я был дома до наступления ночи.
- Подожди ещё минуты две.
- Я опоздаю.
- Только две минуты.
- Но Фея будет меня бранить!
- Пусть бранится. Набравшись вдоволь, она успокоится, – сказал сей отвратительный Фитиль.
- А как ты будешь путешествовать? Один или с кем-нибудь?
- Один? Да нас больше ста мальчишек.
- Вы идёте пешком?
- Сейчас тут проследует фургон, который захватит меня и повезёт в прекрасную страну.
- Я бы много дал за то, чтобы фургон появился немедленно!
- Почему?
- Хочу посмотреть, как вы будете отъезжать.
- Подожди немного, и ты увидишь.
- Нет, нет. Я пойду домой.
- Всего только две минуты!
- Я и так слишком задержался. Фея будет беспокоиться.
- Бедная Фея! Может быть, ты боишься, что тебя летучие мыши съедят?

-
- А ты совершенно уверен в том, – осведомился Пиноккио, – что в той стране действительно нет никаких школ?
 - Даже намёка на школу!
 - И никаких учителей?
 - Ни единого!
 - И там не надо учиться?
 - Ни ни!
 - Какая замечательная страна! – воскликнул Пиноккио, и у него даже слюнки потекли.
 - Какая замечательная страна! Хотя я там никогда не был, но я могу себе представить.
 - Почему бы тебе не отправиться с нами?
 - Не воображай, что ты можешь меня уговорить! Теперь я уже обещал моей доброй Фее стать хорошим мальчиком, а я свои слова не бросаю на ветер.
 - Ну что ж, тогда прощай! И передай от меня тысячу приветов школам, гимназиям и реальным училищам, если ты по дороге их встретишь!
 - Прощай, Фитиль! Счастливого пути, многих удовольствий и думай иногда о своих друзьях!

После этих слов Деревянный Человечек направился к дому. Однако, сделав два шага, он опять остановился, обернулся к своему другу и спросил:

- Но ты действительно уверен в том, что в той стране каждая неделя состоит из шести четвергов и одного воскресенья?
- Совершенно уверен.
- И ты действительно совершенно уверен в том, что осенние каникулы начинаются первого января и кончаются тридцать первого декабря?
- Совершенно убеждён!

– Какая замечательная страна! – сказал Пиноккио ещё раз и сплюнул от удовольствия. Потом он сказал с твёрдой решимостью и очень быстро: – Итак, прощай! Доброго пути!

– Прощай.

– Когда вы отъезжаете?

– Немедленно.

– Жаль! Если бы до отъезда оставался час, я бы, пожалуй, решил подождать.

– А Фея?..

– Теперь всё равно слишком поздно... Какая разница, вернусь я домой на час раньше или позже.

– Бедный Пиноккио! А если Фея тебя будет ругать?

– Пусть ругает. Наругавшись вдоволь, она успокоится.

Между тем наступила ночь, непроглядная ночь. И тут они увидели, как вдали запрыгал огонёк, и услышали звон колокольцев и дальний мелодичный звук трубы.

– Это он! – вскричал Фитиль и вскочил на ноги.

– Кто? – прошептал Пиноккио.

– Фургон, на котором я поеду. Поедешь со мной или нет?

– И это действительно правда, – спросил Деревянный Человечек, – что в той стране вообще не надо учиться?

– Ни ни ни!

– Какая замечательная страна, какая замечательная страна, какая замечательная страна!

31. После пяти месяцев блаженного безделья Пиноккио замечает, к своему изумлению, что...

Наконец фургон приблизился, причём совершенно бесшумно, так как его колеса были

обернуты паклей и ветошью.

Фургон тащили двенадцать упряжек маленьких ослов, все одного роста, хотя и различной окраски.

Некоторые были серые, другие – белые, третьи – в крапинку, словно осыпанные перцем и солью, а четвёртые – в синюю и жёлтую полоску.

Но самое удивительное было то, что на ногах у всех двадцати четырех осликов были не подковы, как у других вьючных животных, а белые кожаные сапожки, как у людей.

Кто же был кучером этого фургона?

Представьте себе господинчика, толстенького, кругленького и мягонького, как масляный шар, с лицом, похожим на розовое яблочко, с ротиком, непрерывно смеющимся, и с тоненьким льстивым голоском, похожим на голосок кота, выпрашивающего что-то вкусненькое у своей хозяйки.

Все мальчишки при виде его бывали очарованы и взапуски лезли в его фургон, с тем чтобы он их отвёз в ту истинно блаженную страну, которая обозначена на географической карте под манящим названием Страна Развлечений.

И действительно, фургон был уже полон мальчишек от восьми до двенадцати лет. Он был набит ими, как бочка селёдками. Мальчишкам было так тесно и неудобно, что они еле дышали, но никто из них не кричал «ой» и никто не жаловался. Прекрасная надежда через несколько часов очутиться в стране, где нет ни книг, ни школ, ни учителей, делала их такими счастливыми и довольными, что они уже не боялись никаких усилий и тягот, не хотели ни есть, ни пить, ни спать.

Как только фургон остановился. Господинчик, бесконечно кривляясь и выламываясь, обратился к Фитилю с улыбкой:

– Скажи мне, мой красавец, ты тоже хочешь отправиться с нами в счастливую страну?

– Конечно, хочу.

– Но я должен обратить твоё внимание, мой красавчик, на то, что в фургоне нет места. Как видишь, он переполнен.

– Неважно, – возразил Фитиль, – раз в фургоне нет места, я усядусь на дышло.

И, подпрыгнув, он очутился на дышле.

– А ты, родненький, – льстиво обратился Господинчик к Пиноккио, – что нужно тебе? Поедешь с нами или останешься здесь?

– Я останусь, – ответил Пиноккио. – Я пойду домой. Я хочу заниматься и делать успехи в школе, как все другие приличные ребята.

– Бог в помощь!

– Пиноккио, – вмешался Фитиль, – послушай меня, поезжай с нами, и мы весело заживём.

– Нет, нет, нет!

– Поезжай с нами, и мы весело заживём! – крикнули четыре голоса из фургона.

– Поезжай с нами, и мы весело заживём! – подхватили все сто голосов.

– А если я с вами поеду, что тогда скажет моя добрая Фея? – спросил Деревянный Человечек, начиная колебаться.

– Зачем тебе думать об этом! Лучше думай о том, что мы едем в страну, где будем бегать без дела с утра до вечера.

Пиноккио ничего не ответил, только вздохнул. Потом он вздохнул ещё раз и ещё раз. И после третьего вздоха он наконец сказал:

– Раздвиньтесь немного. Я тоже поеду.

– Места все заняты, – ответил Господинчик, – но, чтобы ты видел, как мы тебе рады, я могу уступить тебе своё кучерское место.

– А вы?

– Я пойду пешком рядом с фургоном.

– Нет, этого я не могу допустить, я лучше сяду к одному из этих осликов на спину, – возразил Пиноккио.

И он сразу же подошёл к ослику – это был правый ослик в первой упряжке – и попытался прыгнуть ему на спину. Но милое животное внезапно обернулось и с такой силой ударило его мордой в живот, что Пиноккио грохнулся на землю и задрогал ногами.

Можете себе представить оглушительный хохот мальчишек, когда они это увидели.

Но Господинчик не смеялся. Он тут же подошёл к строптивому ослику, притворился, что целует его, но при этом в наказание откусил ему половину правого уха.

Между тем Пиноккио, разъярённый, вскочил на ноги и ловко прыгнул бедному животному прямо на спину. И прыжок был такой точный и красивый, что мальчики перестали смеяться и воскликнули: «Да здравствует Пиноккио!» – и разразились нескончаемыми аплодисментами.

Вдруг ослик поднял задние ноги и отшвырнул Деревянного Человечка на дорогу, прямо на кучу щебня.

Тут снова раздался невероятный хохот. Но Господинчик не рассмеялся, а преисполнился такой любви к беспокойному ослику, что вместе с поцелуем откусил ему половину и левого уха. Потом он сказал Деревянному Человечку:

– Садись снова и не бойся. Этот ослик не без причуд. Но я ему шепнул одно словечко и надеюсь, что теперь он будет сдержанный и смирный.

Пиноккио уселся. Тронулись. Но в то время как ослики бежали галопом и фургон тархтел по камням мостовой. Деревянному Человечку послышался тихий, чуть внятный голос, сказавший ему:

– Бедный дурень, ты сделал по своему, и ты пожалеешь об этом!

Пиноккио, испуганный, осмотрелся по сторонам, не понимая, кто произнёс эти слова. Но он никого не увидел: ослики бежали галопом, фургон катился полным ходом, мальчишки в карете спали. Фитиль храпел, как сурок, а Господинчик на облучке напевал про себя:

В ночное время дрыхнут все,

Лишь я, лишь я не сплю...

Когда они проехали ещё с полкилометра, Пиноккио снова слышал тот же тихий голосок, сказавший ему:

– Имей в виду, болван! Мальчики, бросившие учение и отвернувшиеся от книг, школ, учителей, чтобы удовольствоваться только игрой и развлечениями, плохо кончают... Я это знаю по собственному опыту... и могу тебе это сказать. В один прекрасный день ты тоже будешь плакать, как я теперь плачу... но тогда будет слишком поздно.

При этих словах, похожих больше на шелест листьев, нежели на человеческую речь, Деревянный Человек страшно испугался, спрыгнул со спины ослика и схватил его за морду.

Представьте себе его изумление, когда он заметил, что ослик плачет... плачет, как маленький мальчик.

– Эй, синьор Господинчик! – позвал Пиноккио хозяина фургона. – Вы знаете новость? Этот ослик плачет!

– Пусть плачет. Придёт время – зарыдает.

– Но неужели вы научили его разговаривать?

– Нет. Он сам научился произносить несколько слов, так как в продолжение трех лет жил в компании дрессированных собак.

– Бедное животное!

– Живей, живей, – заторопил его Господинчик, – мы не можем транжирить своё время на то, чтобы смотреть, как плачет осел. Садись, и поехали! Ночь прохладна, и путь далёк.

Пиноккио безропотно подчинился. Фургон снова тронулся, и на рассвете они благополучно достигли Страны Развлечений.

Эта страна не была похожа ни на одну другую страну в мире. Её население состояло исключительно из детей. Самым старшим было четырнадцать лет, а самым младшим – восемь. На улицах царило такое веселье, такой шум и гам, что можно было сойти с ума. Всюду бродили целые стаи бездельников. Они играли в орехи, в камушки, в мяч, ездили на велосипедах, гарцевали на деревянных лошадках, играли в жмурки, гонялись друг за другом, бегали переодетые в клоунов, глотали горящую паклю,

декламировали, пели, кувыркались, стреляли, ходили на руках, гоняли обручи, разгуливали, как генералы, с бумажными шлемами и картонными мечами, смеялись, кричали, орали, хлопали в ладоши, свистели и кудахтали. Короче говоря, здесь царила такая адская трескотня, что надо было уши заткнуть ватой, чтобы не оглохнуть.

На всех площадях стояли небольшие балаганы, с утра до ночи переполненные детьми, а на стенах всех домов можно было прочесть самые необыкновенные вещи, написанные углём, как например: «Да сдраствуют игружки!» (вместо: «Да здравствуют игрушки!»), «Мы не хатим ф школу!» (вместо: «Мы не хотим в школу!»), «Далой орихметику!» (вместо: "Долой арифметику! ").

Пиноккио, Фитиль и остальные ребята, приехавшие с Господинчиком, только успели вступить в город, как сразу же кинулись в самое средоточие сутолоки и через несколько минут, как вы можете легко догадаться, стали закадычными друзьями всех других детей.

Кто ещё чувствовал себя счастливее и довольнее их!

В таких разнообразных развлечениях и забавах часы, дни и недели пролетали, как сон.

– Ах, какая прекрасная житуха! – говорил Пиноккио каждый раз, когда случайно встречал Фитиля.

– Теперь ты видишь, что я был прав! – отвечал Фитиль. – А ты не хотел ехать с нами! А ты хотел обязательно идти домой к своей Фее и тратить время на учение!.. Если ты на сегодняшний день избавлен от тупоумных книг и школ, ты должен благодарить меня, мои советы и усилия! Ты это понимаешь? Только настоящий друг способен оказать такую услугу!

– Это правда. Фитиль. Если я на сегодняшний день действительно счастливый мальчик, то это только твоя заслуга. А знаешь, что мне говорил учитель про тебя? Он мне всегда говорил: «Не водись с этим бродягой! Фитиль плохой товарищ и к добру тебя не приведёт».

– Бедный учитель! – покачал головой Фитиль. – Я слишком хорошо знаю, что он меня терпеть не мог и говорил про меня всякие гадости. Но я великодушен и прощаю ему это.

– Ты благородный человек! – воскликнул Пиноккио, сердечно обнял своего друга и поцеловал его в лоб.

Такое беспечальное житьё, с играми и болтовнёй с утра до вечера, без лицемерия хотя бы одной книги или школы, продолжалось уже полных пять месяцев, когда Пиноккио, проснувшись однажды утром, был неприятно поражён событием, основательно испортившим ему настроение...

32. У Пиноккио вырастают ослиные уши, а затем он превращается в настоящего осла и начинает реветь по ослиному

Какое же это было событие?

Я вам сейчас расскажу, мои дорогие маленькие читатели. Когда Пиноккио однажды утром проснулся, у него зачесалась голова, и он начал чесаться. И, когда он начал чесаться, он заметил...

Как вы думаете, что он заметил?

К своему величайшему удивлению, он заметил, что его уши стали длиннее на целую ладонь.

Вы знаете, что Деревянный Человечек от рождения имел совсем совсем маленькие уши, такие, что невооружённым глазом их вообще нельзя было увидеть. Стало быть, можете себе представить, что он почувствовал, когда обнаружил, что его уши за ночь стали длинные, как две метёлки.

Он тотчас же начал искать зеркало, чтобы посмотреть, в чём дело. Не найдя зеркала, он налил в миску воды и увидел в ней такое отражение, что не приведи господь: он увидел собственную голову, украшенную парой первоклассных ослиных ушей.

Вы можете вообразить горе, стыд и отчаяние бедного Пиноккио.

Он плакал, дрожал, бился головой о стенку. Но, чем больше он отчаивался, тем длиннее становились его уши, и вскоре их кончики даже покрылись волосами.

Его пронзительные крики привлекли внимание милого маленького Сурка, который жил на верхнем этаже. Сурок прибежал и, увидев Деревянного Человечка в таком состоянии, заботливо спросил:

– Что с тобой приключилось, дорогой сосед?

– Я болен, милый Сурок, я очень болен... У меня такая болезнь, которая приводит меня в ужас. Ты умеешь щупать пульс?

- Немножко.

- Тогда пощупай, пожалуйста, не лихорадка ли у меня.

Сурок поднял свою правую переднюю лапку, пощупал у Пиноккио пульс и, вздыхая, сказал:

- Мой дорогой друг, я должен, к сожалению, сделать тебе неприятное сообщение.

- А именно?

- У тебя тяжёлая лихорадка.

- И что это за лихорадка?

- Это ослиная лихорадка.

- Не понимаю, - ответил Пиноккио, который, однако, все очень хорошо понял.

- Тогда я тебе объясню, - продолжал Сурок. - Да будет тебе известно, что ты через два или три часа не будешь больше Деревянным Человечком, а также не будешь мальчиком...

- Кем же я буду?

- Через два или три часа ты станешь настоящим ослом, таким, как те, которых запрягают в повозку и которые возят на базар капусту и салат.

- Ах я несчастный! Ах я несчастный! - воскликнул Пиноккио в отчаянии, схватил свои оба уха руками и стал их яростно рвать и терзать, как будто это были чужие уши.

- Мой милый, - попытался утешить его Сурок, - что поделаешь! Это определено судьбой. Ибо написано в книгах мудрости, что все ленивые мальчишки, которые отвернулись от книг и учителей и проводят свои дни только в играх и развлечениях, раньше или позже должны стать ослами, все без исключения.

- И это действительно так? - зарыдал Деревянный Человечек.

- К сожалению, это действительно так. И напрасны все стенания. Надо было раньше об этом думать.

- Но я не виноват! Поверь мне. Сурок, виноват один Фитиль.

- А кто это – Фитиль?

- Мой школьный товарищ. Я хотел вернуться домой, хотел стать послушным, хотел продолжать учение, хотел делать успехи... но Фитиль сказал: «Зачем тебе нужно забивать себе голову учением? К чему тебе школа? Лучше идём со мной в Страну Развлечений! Там мы не будем больше учиться, мы с утра до вечера будем прохлаждаться и забавляться!»

- А почему ты послушался совета этого неверного и плохого друга?

- Почему?... Мой дорогой Сурок, потому что я Деревянный Человечек, лишённый разума... и сердца. Ах, если бы у меня было хоть немножко сердца, я бы не убежал от моей доброй Феи, которая меня любила, как мать, и так много сделала для меня!.. Я бы теперь уже был не Деревянным Человечком, а настоящим мальчиком, как другие. Попадись мне теперь этот Фитиль, он у меня получит! Я ему задам перцу!

И он бросился к выходу. Но на пороге вспомнил о своих ослиных ушах, и ему стало страшно появиться в таком виде перед честным народом. Что же он сделал? Он взял большой фланелевый колпак и надел себе на голову, нахлобучив его до самого носа.

Затем он пошёл искать Фитиля. Он искал его на улицах и площадях, в маленьких театральных балаганах, одним словом – везде. Но не нашёл его. Каждого встречного он спрашивал о нем, но никто не видел Фитиля.

Тогда он пошёл к нему домой и постучал в дверь.

- Кто там? – спросил Фитиль за дверью.

- Это я, – ответил Деревянный Человечек.

- Подожди одну минутку, я тебе сейчас открою.

Через полчаса дверь открылась. И представьте себе изумление Пиноккио, когда он увидел Фитиля в большом фланелевом колпаке, напыленном по самый нос!

При виде этого колпака Пиноккио почувствовал некоторое удовольствие и сразу же подумал: «Не болен ли мой друг той же болезнью, что и я? Не ослиная ли у него лихорадка?»

Но он притворился, что ничего не замечает, и, улыбаясь, спросил:

- Как твои делишки, мой дорогой Фитиль?

- Все отлично. Чувствую себя, как мышь в швейцарском сыре.

- Ты это говоришь серьёзно?

- Зачем мне врать?

- Прости, дружище, для чего ты надел на голову фланелевый колпак, закрывающий твои уши?

- Это мне врач прописал, потому что я сильно стукнул себе коленку. А ты, дорогой Деревянный Человечек, почему ты напялил себе на нос этот фланелевый колпак?

- По предписанию врача, так как я сильно ударил себе пятку.

- Ах, бедный Пиноккио!

- Ах, бедный Фитиль!

После этих слов последовало долгое предолгое молчание, в течение которого оба приятеля с насмешкой оглядывали друг друга.

Наконец Пиноккио пропел медовым голосом:

- Скажи мне, мой милый Фитиль, ты никогда ещё не болел ушной болезнью?

- Я? Нет!... А ты?

- Никогда! Но вот сегодня одно моё ухо очень меня беспокоило.

- И у меня тоже самое.

- И у тебя тоже? А какое ухо у тебя болит?

- Оба. А у тебя?

- Оба. Значит, у нас одна и та же неприятность?

- Боюсь, что да.
- Сделай мне одно одолжение. Фитиль...
- Охотно. От всей души!
- Не покажешь ли ты мне свои уши?
- Почему бы нет? Но сначала я хочу увидеть твои, милый Пиноккио.
- Нет, сначала ты покажи свои.
- Нет, дорогуша! Сначала ты, а потом я.
- Ну ладно, – сказал Деревянный Человечек, – в таком случае, заключим дружественный договор.
- Прошу огласить этот договор.
- Мы оба одновременно снимаем наши колпаки. Согласен?
- Согласен.
- Итак, внимание! – И Пиноккио крикнул громким голосом: – Раз! Два! Три!

По счёту «три» оба мальчика сорвали с головы колпаки и подбросили их в воздух.

И тогда случилось нечто такое, во что нельзя было бы поверить, если бы это не было правдой. А именно: случилось то, что Пиноккио и Фитиль вовсе не были охвачены горем и стыдом, когда увидели, что больны одной и той же болезнью, – напротив, они стали подмигивать друг другу и после многочисленных прыжков и гримас разразились неудержимым хохотом.

И так хохотали до упаду. Но вдруг Фитиль замолчал, начал шататься, побледнел и крикнул своему другу:

- Помоги, помоги, Пиноккио!
- Что с тобой?

– Ой, я не могу прямо стоять на ногах!

– Я тоже не могу! – воскликнул Пиноккио, заплакал и зашатался.

И при этих словах они оба опустились на четвереньки и начали бегать по комнате на руках и ногах. И, в то время как они так бегали, их руки превратились в ноги, лица вытянулись и стали мордами, а тела их покрылись светло серой, усеянной чёрными крапинками шерстью.

Но знаете ли вы, какое мгновение было самым ужасным для обоих несчастных? Мгновение, когда они заметили, что у них сзади выросли хвосты. Охваченные горем и стыдом, они стали плакать и жаловаться на свою судьбу.

Лучше бы они промолчали! Ибо вместо плача и жалоб из их глоток раздался ослиный рёв. И, громко ревя, они произнесли согласно, как дуэт:

– И а, и а, и а!

В этот момент раздался стук в дверь, и с улицы послышался голос:

– Откройте! Я Господинчик, кучер фургона, который привёз вас в эту страну. Немедленно откройте, иначе вы у меня запляшете!

33. После превращения в настоящего осла Пиноккио был пущен в продажу и куплен директором цирка

Увидев, что дверь не открывается. Господинчик открыл её самолично сильным пинком ноги. И, войдя в комнату, сказал, обращаясь к Пиноккио и Фитилю со своей обычной ухмылкой:

– Молодцы, ребята! Вы неплохо ревели, я вас сразу же узнал по голосам. И поэтому я здесь.

При этих словах оба ослика примолкли и присмирели. Они стояли, поджав хвост, опустив голову и развесив уши.

Прежде всего Господинчик погладил и ощупал их. Затем достал скребок и очень основательно почистил.

И, когда он их почистил так здорово, что их шкуры заблестели, как два зеркала, он надел на них узду и отвёл на базар, дабы продать с хорошей прибылью.

И действительно, покупатели не заставили себя ждать.

Фитиля купил некий крестьянин, у которого за день до того подох осел, а Пиноккио был продан директору одной труппы клоунов и канатных плясунов. Директор решил выдрессировать его, чтобы он вместе с другими зверями танцевал и прыгал.

Теперь вы поняли, мои дорогие маленькие читатели, каким ремеслом занимался Господинчик? Этот отвратительный карлик, у которого лицо было прямо таки как молоко и мёд, время от времени совершал со своим фургоном прогулку по белу свету. По дороге он собирал при помощи обещаний и льстивых слов всех ленивых детей, которым опротивели книги и школа, грузил их в свой фургон и привозил в Страну Развлечений, с тем чтобы они там всё своё время тратили на игры, возню и забавы. Когда же бедные обманутые дети от непрерывных игр и безделья становились ослами, он их с большим удовольствием брал под уздцы и вёл продавать на различные ярмарки и звериные рынки. Таким образом он за несколько лет заработал массу денег и стал миллионером.

Что в дальнейшем произошло с Фитилём, я не могу вам сказать. Но я знаю, что Пиноккио уже с первого дня стал вести тяжёлую, суровую жизнь.

Когда его привели в стойло, новый хозяин насыпал ему в кормушку соломы. Но Пиноккио, отведав этой пищи, немедленно выплюнул все обратно.

Тогда хозяин, ворча, положил ему в кормушку сена, но и сено не понравилось начинающему ослу.

– Что, ты и сена не жрёшь? – гневно воскликнул хозяин. – Можешь не сомневаться, дорогой ослик, что дурь я из тебя выбую!

И, чтобы образумить ослика, он ударил его бичом по ногам.

Пиноккио заплакал и заревел от боли. И сказал:

– И а, и а, я не могу переварить солому!

– В таком случае, жри сено! – ответил хозяин, который очень хорошо понимал ослиный диалект.

– И а, и а, от сена у меня болит живот!

– Ты, кажется, думаешь, что я буду кормить такого осла, как ты, куриной печёнкой и каплунами! – ещё пуще рассердился хозяин и снова вытянул его бичом.

После второго удара Пиноккио счёл за благо промолчать и не произнёс больше ни звука.

Хозяин запер стойло, и Пиноккио остался один. А так как он давно уже не ел, то начал реветь от голода. И при этом раскрывал свою пасть широко, как печь.

Но, не находя в своей кормушке ничего другого, он наконец начал старательно жевать сено. И, хорошо разжевав, закрыл глаза и проглотил его.

«Сено не такая уж плохая вещь, – сказал он затем сам себе, – но было бы лучше, гораздо лучше, если бы я продолжал учиться!.. Тогда бы я сегодня вместо сена ел краюху свежего хлеба и хороший кусок колбасы к тому же! Ох, ох, ох!..»

Проснувшись на следующее утро, он сразу же начал искать сено в кормушке. Но ничего не нашёл, ибо ночью сожрал все без остатка. Тогда он напихал себе полный рот резаной соломы. Пережёвывая эту пищу, он точно выяснил, что солома даже в отдалённой степени не напоминает миланскую рисовую бабку или неаполитанские макароны.

– Терпение! – сказал он и продолжал жевать. – Если бы моё несчастье хотя бы могло послужить уроком всем непослушным и ленивым мальчишкам! Терпение!.. Терпение!..

– Терпение, вот ещё! – крикнул хозяин, который как раз вошёл в стойло. – Ты, наверное, думаешь, мой милый ослик, что я тебя купил только для того, чтобы ты мог жрать и пить? Я тебя купил затем, чтобы ты работал, а я бы зарабатывал на тебе много денег. А нука! Пойдём со мной в цирк. Я тебя научу прыгать через обруч, пробивать головой бумажные бочки и танцевать вальс и польку на задних ногах.

Волей неволей бедный Пиноккио должен был учиться всем этим премудростям. И в течение трех месяцев он получал уроки и бесконечное множество ударов бичом по шкуре.

Наконец настал день, когда хозяин смог объявить об этом действительно необыкновенном представлении. На пёстрых афишах, которые он велел расклеить на всех углах, было написано:

БОЛЬШОЕ ПАРАДНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Сегодня вечером вы увидите знаменитые

и удивительные прыжки и другие номера,

исполненные всеми артистами и лошадьми нашей труппы.

Кроме того, будет впервые представлен публике

прославленный ОСЛИК ПИНОККИО, называемый «Звезда танца».

Театр будет ярко освещён.

Понятное дело, что цирк в этот вечер был переполнен до отказа ещё за час до начала представления.

Нельзя было достать ни местечка в партере, ни приставного стула, ни ложи, даже если бы за них было уплачено чистым золотом.

Ступени цирка кишели маленькими девочками и мальчиками всех возрастов, которые жаждали увидеть, как танцует знаменитый ослик Пиноккио.

Когда первое отделение спектакля окончилось, директор предстал перед многочисленной публикой. На нём был чёрный фрак, белые рейтузы и пара кожаных сапог выше колен.

После глубокого поклона он произнёс с большой торжественностью и достоинством следующую бестолковую речь:

– Уважаемая публика, кавалеры и дамы! Я, нижеподписавшийся, находящийся проездом в вашей блестящей столице, имею честь, так же как и удовольствие, представить сей мудрой и почтенной аудитории знаменитого ослика, который имел честь танцевать в присутствии его величества императора всех главнейших европейских дворов. И пусть мы почувствуем ваше воодушевляющее присутствие, и просим вас оказать нам снисхождение!

Эта речь вызвала немало смеха и аплодисментов. Но аплодисменты удвоились и дошли до ураганной силы, когда ослик Пиноккио был выведен на арену. Он был празднично одет, его украшали новая уздечка из лакированной кожи, пряжки и подковы из меди. На ушах его висели две белые камелии, грива была заплетена красными шёлковыми ленточками в маленькие косички, живот повязан серебристо золотистым шарфом, а

хвост перевит бархатными бантами амарантового и небесно голубого цвета. Словом, это был ослик, в которого можно было влюбиться.

Представив его публике, директор произнёс ещё следующую краткую речь:

– Мои многоуважаемые слушатели! Я не собираюсь в данный момент рассказывать вам о тех великих трудностях, которые я должен был преодолеть, чтобы уразуметь, каким образом можно подчинить себе это млекопитающее, которое ещё недавно свободно и беспечно прыгало с холма на холм в иссушенных солнцем тропических долинах. Обратите внимание на то, сколько дикости в его взгляде! Ввиду того, что все другие средства привести его в цивилизованный четырехногий вид оказывались несостоятельными, мне приходилось часто говорить с ним на проверенном языке плётки. Но, как я ни был ласков к нему, он не любил меня, наоборот – ненавидел меня все больше. Однако я открыл, по научной системе Галлеса, в его голове маленькую завитушку, которую даже медицинский факультет в Париже определил как знаменующую собой гениальность в искусстве танца. И я использовал это открытие для того, чтобы научить его танцевать, а также прыгать через обруч и через бумажную бочку. Удивляйтесь сначала! Затем судите! Но, прежде чем я начну, разрешите мне, синьоры, пригласить вас на завтра на вечернее представление. В случае же, если дождь окажет влияние на погоду, представление будет перенесено с вечера на одиннадцать часов пополудни.

Тут директор ещё раз сделал глубокий поклон, обратился к Пиноккио и сказал:

– Вперёд, Пиноккио! Прежде чем вы покажете наилучшим образом ваше искусство, приветствуйте эту многоуважаемую публику – кавалеров, дам и детей!

Пиноккио послушно подогнул передние ноги и оставался на коленях, пока директор не щёлкнул бичом и не крикнул:

– Шагом!

Тогда ослик снова встал на свои четыре ноги и пошёл шагом вокруг арены.

Через минуту директор воскликнул:

– Рысью!

И Пиноккио послушно перешёл с шага на рысь.

– В галоп!

И Пиноккио пустился в галоп.

– В карьер!

И Пиноккио побежал изо всех сил. Но вдруг директор поднял руку и выстрелил из пистолета в воздух.

При этом выстреле ослик притворился раненым и упал на землю как мёртвый.

И, когда он под бурю аплодисментов снова поднялся на ноги, он, разумеется, поднял также и голову и огляделся... и увидел в одной ложе красивую даму. На шее у неё висела тяжёлая золотая цепь, а на цепи висел медальон. А на медальоне был портрет Деревянного Человечка.

«Это мой портрет!.. Эта синьора – Фея!», - сказал себе Пиноккио. Он сразу узнал Фею и, охваченный радостью, хотел позвать:

– О, моя Фея, о моя Фея!

Но вместо этих слов из его глотки вырвался такой громкий и продолжительный рёв, что все зрители, а особенно дети, чуть не умерли со смеху.

Директор ударил его рукояткой кнута по носу, чтобы дать ему понять, сколь неприлично реветь в присутствии публики.

Бедный ослик вытянул язык и в течение чуть ли не пяти минут облизывал свою морду. Может быть, он думал таким путём смягчить боль.

Но велико же было его удивление, когда он, во второй раз подняв голову, увидел, что ложа пуста и Фея исчезла.

Он почувствовал себя глубоко несчастным. Его глаза наполнились слезами, и он начал горько плакать. Но никто этого не заметил, а меньше всех – директор, который снова щёлкнул бичом и закричал:

– Смелее, Пиноккио! Теперь вы покажете этим синьорам, как прекрасно вы умеете прыгать через обручи.

Пиноккио попытался это сделать два или три раза. Но всякий раз, оказавшись перед обручем, он не прыгал через него, а гораздо охотнее пробежал под ним.

Наконец он прыгнул, но его задние ноги, по несчастливой случайности, зацепились за обруч, и он упал по другую сторону на землю, как мешок.

Когда он снова встал на ноги, оказалось, что он охромел и только с большим трудом смог добраться до своего стойла.

– Пиноккио! Мы хотим видеть ослика! Сюда ослика! – кричали дети в нижних рядах, полные жалости и сочувствия к маленькому животному.

Но в этот вечер они ослика больше не увидели.

На следующее утро ветеринар осмотрел его и установил, что он останется хромым на всю жизнь. Тогда директор сказал конюху:

– Что мне делать с хромым ослом? Это же будет бесполезный объедала. Отведи-ка его на базар и продай.

На базаре они быстро нашли покупателя, который осведомился у конюха:

– Сколько ты хочешь за хромого ослика?

– Двадцать лир.

– Я даю тебе одну лиру. Не думай, что мне нужен этот осел. Мне нужна только его шкура. У него такая красивая крепкая шкура, что я хочу сделать из неё барабан для деревенского оркестра.

Можете себе представить, что почувствовал Пиноккио, когда услышал, что станет барабаном!

Так или иначе, покупатель уплатил одну лиру и сразу же повёл ослика к берегу моря. Там он повесил ему на шею большой камень, привязал к его ноге верёвку, другой конец которой остался у него в руке, и неожиданным сильным толчком спихнул ослика в воду.

Пиноккио с громадным камнем на шее незамедлительно погрузился на самое дно. А покупатель, по прежнему крепко держа в руке верёвку, сел на скалу и стал терпеливо

ждать, пока ослик утонет, чтобы затем снять с него шкуру.

34. В море Пиноккио съедают рыбы, а когда он спасается его проглатывает страшная акула

Ослик находился под водой уже почти пятьдесят минут, и покупатель сказал себе:

– Теперь мой бедный хромой ослик, наверное, уже давно утонул. Стало быть, можно его вытащить и сделать из его шкуры красивый барабан.

И он начал тянуть верёвку. И он тянул и тянул, тянул и тянул, и как вы думаете, что наконец показалось на поверхности воды? На поверхности воды показался вместо мёртвого ослика живой Деревянный Человечек, который вертелся и извивался, как угорь.

Когда несчастный покупатель увидел Деревянного Человечка, он подумал, что грезит, оцепенел, рот его широко открылся, а глаза полезли на лоб.

Когда же он немного опомнился, он сказал, всхлипывая и заикаясь:

– А где ослик, которого я бросил в море?

– Этот ослик – я, – смеясь, ответил Деревянный Человечек.

– Ты?

– Я!

– Ах ты, мошенник! Ты смеёшься надо мной, что ли?

– Я смеюсь над вами? Ничего подобного, папаша. Я говорю совершенно серьёзно.

– Но каким образом ты только недавно был осликом, а затем в воде превратился в Деревянного Человечка?

– Вероятно, это следствие влияния морской воды. Море любит пошутить.

– Берегись, Деревянный Человечек, берегись!.. Не думай, что ты можешь веселиться на мои деньги. Горе тебе, если моё терпение лопнет!

– Послушайте, папаша, я расскажу вам всю свою историю. Развяжите мне ногу, и я вам

все расскажу.

Покупатель, полный любопытства, отвязал верёвку, и Пиноккио, почувствовав себя снова вольным, как птица, начал свой рассказ:

– Итак, да будет вам известно, что раньше я был Деревянным Человечком, точно таким, как сейчас. И я очень хотел стать настоящим мальчиком, каких много на этом свете. Но, так как я не имел желаний учиться и поддался влиянию плохих друзей, я убежал из дому... и в один прекрасный день проснулся ослом с длинными ушами... и с длинным хвостом. Как я стыдился этого! Пусть блаженный святой Антоний хранит вас от такого позора. Меня привели на ослиный рынок, где я был продан одному директору цирка, которому взбрело в голову сделать из меня великого танцора и канатного плясуна. Но однажды вечером во время представления я неудачно упал и охромел. Директор не знал, что ему делать с хромым ослом, и велел меня продать на базаре. И вы меня купили.

– К сожалению! И я уплатил за тебя лиру. А кто мне вернёт обратно мои добрые денежки?

– Зачем же вы меня купили? Вы хотели сделать из моей шкуры барабан? Барабан!

– К сожалению. А где я возьму теперь другую шкуру?

– Не тревожьтесь, папаша. Ослов на этом свете предостаточно.

– Скажи-ка, наглый мальчишка, ты закончил свой рассказ?

– Нет, – ответил Деревянный Человечек. – Мне осталось добавить несколько слов. Купив меня, вы привели меня сюда, привязали весьма человеколюбиво тяжёлый камень мне на шею и бросили в море. Такое человеколюбие делает вам большую честь, и я буду вам вечно благодарен за это. Впрочем, дорогой папаша, вы на сей раз не взяли в расчёт Фею.

– Какую такую Фею?

– Это моя мать. Она такая же, как все хорошие матери, которые любят своих детей, никогда не теряют их из виду, выручают из любой беды, даже в том случае, если эти дети своим неразумием и дурным поведением, в сущности, заслуживают быть брошенными на произвол судьбы. Когда добрая Фея увидела, что я начинаю тонуть, она немедленно послала целую стаю рыб, которые сочли меня совершеннодохлым

ослом и начали меня пожирать. И какие огромные куски они отхватывали! Я никогда не думал, что рыбы ещё прожорливее, чем маленькие мальчики... Они съели мою морду, мою шею и гриву, мою кожу на ногах, мою шкуру на спине... и нашлась даже одна отзывчивая маленькая рыбка, которая сочла возможным сожрать мой хвост.

– Отныне, – сказал покупатель с отвращением, – я, с божьей помощью, никогда не буду есть рыбы! Это было бы слишком неприятно: найти в желудке какой-нибудь краснобородки или жареной трески ослиный хвост!

– Я вполне разделяю ваше мнение, – ответил Деревянный Человечек и засмеялся. – Стало быть, когда рыбы съели ослиную кожу, в которую я был обернут с головы до ног, они, натурально, наткнулись на кости... или, точнее говоря, на дерево, ибо, как вы видите, я весь сделан из лучшего твёрдого дерева. Но уже после первой попытки эти прожорливые рыбы заметили, что дерево им не по зубам, и, полные отвращения к этой неудобоваримой пище, бросились от меня врассыпную, ни разу не обернувшись и не сказав спасибо. Таким образом, я вам объяснил, почему вы с помощью вашей верёвки вытащили из воды Деревянного Человечка, а не осла.

– Плевать я хотел на твой рассказ! – в ярости вскричал покупатель. – Я уплатил лиру за тебя и хочу получить обратно свои деньги. Знаешь, что я с тобой сделаю? Я отведу тебя обратно на базар и продам, как сухое дерево для растопки.

– Конечно, продайте меня. Я ничего не имею против, – сказал Пиноккио.

И с этими словами стремительно прыгнул в море. Он весело поплыл от берега, все дальше и дальше, и крикнул бедному покупателю:

– Прощайте, папаша! Когда вам понадобится шкура для барабана, вспомните обо мне!

И поплыл дальше. А через минуту снова обернулся и крикнул ещё громче:

– Прощайте, папаша! Когда вам понадобится для растопки немного сухих дровец, вспомните обо мне!

И в мгновение ока он оказался так далеко, что его уже нельзя было различить. На поверхности моря была видна только чёрная точка, которая время от времени высывалась из воды и подскакивала, как играющий дельфин.

Плывя в открытое море наудачу, Пиноккио увидел скалу из белого мрамора. А на вершине скалы стояла милая маленькая Козочка, которая нежно блеяла и делала ему

знаки, чтобы он подплыл ближе.

Самое удивительное было то, что её шкурка была не белая, или чёрная, или пятнистая, как у всех других коз, – она была лазурного цвета, причём такая блестящая, как волосы маленькой Красивой Девочки.

Можете догадаться, как застучало сердце Пиноккио! Он удвоил свои усилия и поплыл со всей возможной быстротой к белой скале. Он проплыл уже половину расстояния, когда из воды вдруг поднялась ужасная голова морского чудовища. Она приближалась к нему. Широко открытая пасть была как пропасть, и в ней виднелось три ряда зубов, таких страшных, что если даже их только нарисовать, и то они могли бы смертельно напугать человека.

И знаете, что это было за морское чудовище?

Это морское чудовище было той самой гигантской Акулой, о которой уже не раз упоминалось в нашей истории: она производила такие опустошения и была столь ненасытно прожорлива, что по справедливости слыла пугалом рыб и рыбаков.

Представьте себе, как испугался Пиноккио при виде этого чудовища. Он хотел вывернуться, удрать, хотел поплыть в другом направлении. Но огромная открытая пасть все время оказывалась у него на пути.

– Скорее, Пиноккио, во что бы то ни стало скорее! – проблеяла красивая Козочка.

И Пиноккио отчаянно работал руками, грудью, ногами.

– Быстрее, Пиноккио! Чудище приближается к тебе!

И Пиноккио собрал все свои силы и поплыл вдвое быстрее.

– Берегись, Пиноккио!.. Чудище хватает тебя!.. Вот оно!.. Скорее, скорее, иначе ты пропал!

И Пиноккио не плыл, а прямо таки летел, словно пуля. Вот он уже достиг утёса, и Козочка наклонилась над морем и протянула ему своё копытце, чтобы помочь вылезти из воды...

Но было слишком поздно! Чудовище схватило его. Оно втянуло в себя воду – почти так, как втягивают куриное яйцо, – и сглотнуло бедного Деревянного Человечка. Сглотнуло

с такой жадностью и силой, что Пиноккио, скатываясь в желудок Акулы, сильно захлебнулся и четверть часа пролежал без сознания.

Когда он пришёл в себя, он не знал, где, собственно, находится. Вокруг царила такая глубокая и всеобъемлющая тьма, что ему казалось, что он окунулся с головой в бочку чернил. Пиноккио прислушался, но не услышал ни малейшего шума. Время от времени он чувствовал на лице сильные порывы ветра. Вначале он не мог понять, откуда здесь ветер, но потом заметил, что эти порывы идут из лёгких чудовища. Дело в том, что Акула страдала сильной астмой, и, когда она дышала, в её нутре подымался вроде как бы северный ветер.

Сперва Пиноккио бодрился. Но, когда он окончательно убедился, что заключён в теле морского чудовища, он начал плакать и жаловаться и, рыдая, воскликнул:

- Помогите! Помогите! О, я несчастный! Неужели здесь нет никого, кто бы мог мне помочь?

- Кто может тебе помочь, горемыка? – послышался из темноты голос, низкий, надтреснутый, как расстроенная гитара.

- Кто здесь говорит? – спросил Пиноккио, у которого спина похолодела от страха.

- Это я, бедный Тунец, который был вместе с тобой проглочен Акулой. А ты что за рыба?

- Я ничего не имею общего с рыбами. Я Деревянный Человечек.

- Если ты не рыба, зачем же ты дал себя проглотить чудовищу?

- Я вовсе не дал себя проглотить. Оно само меня проглотило! А что мы сейчас будем делать в темноте?

- Мы будем сидеть и ждать, пока Акула нас не переварит.

- Но я не желаю быть переваренным! – закричал Пиноккио и опять начал плакать.

- Я тоже не хочу быть переваренным, – возразил Тунец, – но я философ и утешаю себя мыслью, что, ежели ты уж родился на свет тунцом, то лучше тебе кончить свои дни в воде, чем на сковороде.

-
- Чепуха! – воскликнул Пиноккио.
 - Это моё личное мнение, – возразил Тунец, – а личное мнение, как утверждают тунцы политики, следует уважать.
 - Во всяком случае, я хочу уйти отсюда... я хочу бежать...
 - Беги, если можешь.
 - А эта Акула, которая нас проглотила, велика? – спросил Деревянный Человечек.
 - Представь себе, что её тело без хвоста составляет километр в длину.

В то время как они беседовали в темноте, Пиноккио вдруг показалось, что он видит вдали слабый свет.

- Что это может быть за свет вон там, вдалеке? – удивился Пиноккио.
- Вероятно, наш товарищ по несчастью, который тоже ждёт, чтобы его переварили.
- Я хочу к нему. Может быть, он какая-нибудь старая рыба, которая сможет мне сказать, как уйти отсюда.
- Желаю тебе от всего сердца, мой дорогой Деревянный Человечек, чтобы так оно и было.
- До свидания. Тунец!
- До свидания. Деревянный Человечек. Желаю удачи!
- Встретимся ли мы когда-нибудь!
- Кто может знать?.. Лучше всего не думать об этом.

35. Пиноккио находит в теле акулы... Кого? Прочитайте эту главу и вы узнаете

Пиноккио, простившись таким образом со своим добрым другом Тунцом, пошёл, пошатываясь, во тьму. Он двигался в теле Акулы на ощупь, шаг за шагом, по направлению к светящейся точке, которую видел вдали.

Чем дальше он шёл, тем явственнее и определённое становилось светящееся пятно. И

после долгой ходьбы он наконец пришёл. И, когда он пришёл... что же он увидел там? Вы никогда не отгадаете! Он увидел столик с горящей свечой на нём. Свеча торчала в зелёной бутылке. Возле стола сидел старик, белый как лунь или как сбитые сливки, и жевал живых рыбок. А рыбки были такие живые, что то и дело выскакивали у него из рта.

При виде всего этого Пиноккио охватила столь бурная и непосредственная радость, что он чуть с ума не сошёл. Ему хотелось смеяться, ему хотелось плакать, ему хотелось говорить без конца. Но он мог только произнести, заикаясь, несколько отрывочных, бессвязных слов.

Наконец ему удалось всё-таки испустить возглас радости, и он бросился к старику на шею с криком:

– Ах, мой дорогой отец! Наконец я вас разыскал! Теперь я вас никогда, никогда не оставлю!

– Значит, я не ошибся? – ответил старик, протирая глаза. – Значит, ты действительно мой милый Пиноккио?

– Да, да, это я, я самый! И вы мне все простили, не правда ли? Ах, дорогой отец, вы такой добрый!.. А я наоборот... Ах, если бы вы знали, сколько несчастий я пережил и сколько зла испытал! Представьте себе, мой бедный отец: в тот день, когда вы продали свою куртку и купили мне букварь, чтобы я мог пойти в школу, я на все наплевал ради кукольного театра, и хозяин театра хотел меня бросить в огонь, чтобы его барашек изжарился, и потом он дал мне пять золотых монет для вас, но я повстречал Лису и Кота, которые привели меня в таверну «Красного Рака», где они жрали, как волки, а я один одинёшенек снова пошёл в ночь и встретил грабителей, которые побежали вслед за мной, а я впереди, и они за мной, и я все время впереди, и они все время за мной, и я впереди, пока они меня не повесили на ветке Большого Дуба, где Красивая Девочка с лазурными волосами велела отвезти меня в карете, и, когда меня врачи осмотрели, они сразу же сказали: «Если он ещё не мёртв, значит, он ещё жив», и тогда я не выдержал и соврал, и мой нос стал расти, и я не мог пройти через дверь, и поэтому я затем вместе с Лисой и Котом закопал четыре золотые монеты, потому что одну я потратил в таверне, и попугай начал смеяться, и вместо двух тысяч монет я вообще ничего не нашёл, и, когда судья услышал, что меня ограбили, он немедленно посадил меня в тюрьму, чтобы воры были довольны, и оттуда я попал в виноградник и увидел там красивые гроздья и оказался в капкане, и крестьянин имел все основания надеть на меня собачий ошейник, чтобы я охранял его курятник, но потом он понял мою невиновность и снова отпустил меня на свободу, и

змея с дымящимся хвостом начала смеяться, и жила лопнула у неё в груди, и так я снова пошёл домой к Красивой Девочке, которая умерла, и Голубь увидел, что я плачу и сказал: «Я видел, как твой отец мастерил себе маленькую лодочку, чтобы тебя искать», и я ему сказал: «Если бы я имел крылья, как ты!», и он сказал мне: «Ты хотел бы увидеть своего отца?», и я ему сказал: «Очень хотел бы, если бы смог», и он мне сказал: «Я тебя отвезу», и я спросил: «Как?», и он сказал: «Влезай ко мне на спину», и так мы летели всю ночь, и потом мне утром сказали рыбаки, которые глядели на море: «Там бедный рыбак в маленькой лодке, и она тонет», и я сразу вас узнал издали, потому что мне моё сердце сказалось, и я вам делал знаки, чтобы вы вернулись на берег.

– Я тоже узнал тебя, – сказал Джеппетто, – и мне очень хотелось вернуться. Но как? Море было бурное, и большая волна опрокинула мою лодочку. Тут меня заметила страшная Акула, которая как раз находилась поблизости. Она бросилась на меня, высунула язык и проглотила меня, как таблетку.

– И давно вы здесь в заключении? – спросил Пиноккио.

– С того самого дня. Уже скоро два года. Два года, мой дорогой Пиноккио, которые показались мне двумя столетиями.

– А как же вы здесь жили? И где вы достали свечку? И кто вам дал спички?

– Я тебе все расскажу. Представь себе, та же самая буря, которая перевернула мою маленькую лодочку, опрокинула также одно торговое судно. Всем матросам удалось спастись, но само судно утонуло, и та же Акула, в тот день очень голодная, проглотила корабль.

– Как! Проглотила корабль одним глотком? – поразился Пиноккио.

– Да, одним глотком. Только мачту она выплюнула обратно, потому что мачта застряла у неё между зубов, как рыба кость. На моё великое счастье, на корабле было мясо, сухари в коробках, поджаренный хлеб, вино в бутылках, изюм, швейцарский сыр, кофе, сахар, а также стеариновые свечи и коробки спичек. Этим я поддерживал свою жизнь два года. Но теперь склад пуст, и вот эта свеча, которую ты здесь видишь, – последняя.

– А потом?..

– А потом, мой милый, мы оба останемся в темноте.

– В таком случае, мой дорогой отец, – сказал Пиноккио, – мы не должны терять время. Мы должны немедленно подумать о бегстве.

– О бегстве? Каким образом?

– Мы должны пробраться через пасть Акулы и выпрыгнуть в море.

– Это легко сказать, мой милый Пиноккио. Дело в том, что я не умею плавать.

– Неважно!.. Вы сядете мне на плечи. Я хороший пловец и смогу доставить вас на берег невредимым.

– Это тебе кажется, мой милый мальчик, – возразил Джеппетто, покачав головой и горько усмехаясь. – Неужели ты думаешь, что такому маленькому Деревянному Человечку, как ты, хватит сил нести меня на плечах?

– Попробуйте, и вы увидите! А если нам суждено умереть, то мы, по крайней мере, умрём вместе.

И, не теряя лишнего времени, Пиноккио пошёл вперёд, сказав своему отцу:

– Идите за мной и не бойтесь!

Так они прошли немалое расстояние, миновали весь желудок и все туловище Акулы. Но, когда они достигли места, где начиналась глотка чудовища, они сочли нужным остановиться, осмотреться и выбрать наиболее подходящий момент для бегства.

Следует сказать, что Акула была очень старая, страдала астмой и сердечной недостаточностью и по этой причине вынуждена была спать с открытым ртом. Поэтому Пиноккио, стоявший внизу, возле глотки, и ведший наблюдение, смог увидеть добрый кусок звёздного неба и сияние лунного света.

– Вот удобный момент для бегства, – прошептал он отцу на ухо. – Акула спит, как сурок, а море спокойное и светлое. Следуйте за мной, отец! Мы скоро будем спасены.

Сказано – сделано. Они влезли по глотке морского чудовища наверх и, очутившись в огромной пасти, прошли на носках по языку – язык был широк и длинен, как садовая дорожка. Но в тот момент, когда они совсем уже приготовились броситься в море. Акула расчихалась. И, чихая, она с такой силой откинулась назад, что Пиноккио и Джеппетто снова слетели в желудок чудовища.

Стремительный толчок погасил свечу, и отец с сыном остались в темноте.

- Что же теперь делать? – спросил Пиноккио очень серьёзно.
- Теперь мы пропали, мой мальчик.
- Почему пропали? Дайте мне руку, отец, и постарайтесь не поскользнуться.
- Куда ты хочешь меня повести?
- Мы должны ещё раз попытаться. Идёмте со мной и не бойтесь.

Пиноккио взял отца за руку, и они опять на цыпочках поднялись по глотке чудовища вверх, прошли весь язык и перелезли через все три ряда огромных зубов. Перед тем как совершить гигантский прыжок. Деревянный Человечек сказал своему отцу:

- Садитесь ко мне на плечи и держитесь крепче. Все остальное – моё дело.

Джеппетто крепко уселся на плечи Пиноккио, и Деревянный Человечек, полный уверенности в себе, прыгнул в море и поплыл. Море было спокойное, как масло, луна сияла вовсю, а Акула продолжала спать, и её сон был так глубокий и крепкий, что даже гром пушек не мог бы её разбудить.

36. Пиноккио наконец перестаёт быть деревянным человечком и становится настоящим мальчиком

Пиноккио, сильно взмахивая руками, плыл вперёд и вперёд, и вскоре заметил, что отец, сидевший у него на плечах, погрузив ноги наполовину в воду, начал сильно дрожать, словно в перемежающейся лихорадке.

От холода или от страха? Неизвестно... Может быть, от того и другого вместе. Пиноккио решил, что старик дрожит от страха, и начал его успокаивать:

- Держитесь, отец! Через несколько минут мы будем, здоровые и бодрые, стоять на твёрдой земле.
- Но где же твой хваленый берег? – спросил старик, все больше тревожась и напрягая зрение, как портной, вдевающий нитку в иголку. – Я оглядываюсь во все стороны и ничего не вижу, кроме неба и моря.
- Но я вижу берег, – сказал Деревянный Человечек, – а вы уж будьте уверены, глаза у

меня, как у кошки, и ночью я вижу лучше, чем днём.

Добряк Пиноккио притворялся, что он полон уверенности, а в действительности его мужество все слабело. Силы его иссякли, он дышал отрывисто и тяжело. Он чувствовал, что не может больше плыть, а берега не было видно.

Он плыл, покуда ему хватало дыхания. Затем он обернулся к Джеппетто и сказал, задыхаясь:

- Дорогой отец... помогите мне... я умираю!

Отец с сыном уже приготовились к смерти, но в этот момент услышали хриплый голос, звучавший, как расстроенная гитара:

- Кто здесь умирает?

- Я и мой бедный отец.

- Этот голос мне знаком. Ты Пиноккио!

- Совершенно верно. А ты?

- Я Тунец, твой товарищ по несчастью в брюхе Акулы.

- Как же ты сумел убежать?

- Я последовал твоему примеру. Ты показал мне, как это делается, и я тоже убежал вслед за тобой.

- Мой милый Тунец, ты появился вовремя. Молю тебя именем той любви, которую ты питаешь к маленьким тунцам, твоим деткам: помоги нам, иначе мы пропали.

- Охотно, от всей души! Возьмитесь за мой хвост, и я вас потащу. Через четыре минуты вы будете на берегу.

Пиноккио и Джеппетто, как вы сами понимаете, немедленно приняли это приглашение. Но, вместо того чтобы взяться за хвост, они сели к Тунцу на спину, решив, что так удобнее.

- Не тяжело тебе? – спросил Пиноккио.

– Тяжело? Ни капли! Мне кажется, что на моей спине лежат две раковины, – успокоил их Тунец, который был силён, как двухгодовалый телёнок.

Достигнув берега, Пиноккио спрыгнул сам, а затем помог сойти отцу. После этого он обратился к Тунцу и сказал взволнованно:

– Друг мой, ты спас моего отца. И поэтому у меня не хватает слов... Позволь мне, по крайней мере, поцеловать тебя в знак моей вечной благодарности.

Тунец высунул свою морду из воды. Пиноккио встал на колени и запечатлел сердечнейший поцелуй в самую серединку рыбьего рта. При этом взрыве непритворной нежности бедный Тунец, не привыкший к такому обращению, был так растроган, что быстро нырнул и исчез, дабы никто не видел, что он плачет.

Между тем наступил день.

Пиноккио протянул руку своему отцу Джеппетто, который еле стоял на ногах, и сказал:

– Обопритесь на мою руку, дорогой отец, и двинемся в путь. Мы пойдём очень медленно, как муравьи, а если устанем, то отдохнём у обочины дороги.

– А куда мы пойдём? – спросил Джеппетто.

– Пойдём искать дом или хижину, где нам из жалости дадут кусок хлеба, чтобы насытиться, и охапку соломы, чтобы выспаться.

Они не прошли и ста шагов, как увидели на обочине дороги две отвратительные рожи, просившие милостыню.

Это оказались Кот и Лиса, но их трудно было узнать. Представьте себе, что Кот, притворяясь слепым, из-за этого со временем действительно ослеп. А постаревшая, совершенно облезлая и облысевшая Лиса лишилась хвоста. Это случилось таким образом: сия несчастная воровка попала в большую нужду и в один прекрасный день вынуждена была продать свой великолепный хвост бродячему торговцу, который смастерил из него печную метёлку.

– Ах, Пиноккио! – воскликнула Лиса страдальческим голосом. – Подай нам, бедным калекам, маленькую милостыньку!

- ...милостыньку! – повторил Кот.

- Прощайте, лицемеры! – ответил Деревянный Человечек. – Вы меня раз обманули, во второй раз вам это не удастся.

- Поверь нам, Пиноккио, теперь мы действительно бедны и несчастны.

- ...несчастны! – повторил Кот.

- Если вы бедны, то по заслугам. Вспомните пословицу: «Ворованным добром не выстроишь дом». Прощайте, лицемеры!

- Пожалейте нас!

- ...нас!

- Прощайте, лицемеры! Вспомните пословицу: «Краденая пшеница в еду не годится».

- Имейте снисхождение!

- ...ение! – повторил Кот.

- Прощайте, лицемеры! Вспомните пословицу: «Кто куртку ближнего загреб, тот без рубахи ляжет в гроб».

И после этих слов Пиноккио и Джеппетто спокойно пошли дальше. Пройдя ещё сто шагов, они увидели в конце тропинки, посреди поля, красивую соломенную хижину с черепичной крышей.

- В этой хижине кто-то живёт, – сказал Пиноккио, – подойдём и постучимся.

Они подошли и постучались в дверь.

- Кто там? – раздался голосок изнутри.

- Бедный отец и бедный сын, которые не имеют ни хлеба, ни крыши над головой, – ответил Деревянный Человечек.

- Поверните ключ, и дверь откроется, – произнёс голосок.

Пиноккио повернул ключ, и дверь открылась. Войдя в хижину, они посмотрели во все стороны, но никого не увидели.

– Где же хозяин этого дома? – удивился Пиноккио.

– Я здесь, наверху!

Отец и сын подняли головы к потолку и увидели на балке Говорящего Сверчка.

– О, мой милый маленький Сверчок! – приветствовал его Пиноккио с изысканной вежливостью.

– Теперь я твой милый маленький Сверчок, не так ли? А помнишь, как ты бросил в меня деревянным молотком, чтобы выгнать «милого маленького Сверчка» из своего дома?

– Ты прав, мой милый маленький Сверчок! Выгони меня тоже... Кинь в меня тоже деревянным молотком! Но сжался над моим бедным отцом!

– Я сжалюсь над отцом и также над сыном. Но сперва я хотел напомнить тебе твоё недружелюбие, чтобы ты понял, что на этом свете нужно, по возможности, ко всем относиться дружелюбно, и тогда в плохие времена все отнесутся дружелюбно к тебе.

– Ты прав, мой милый маленький Сверчок, ты тысячу раз прав, и я приму близко к сердцу урок, который ты преподал мне. Но не скажешь ли ты мне, каким образом ты смог заполучить такую прекрасную хижину?

– Эту хижину подарила мне вчера одна прелестная Коза, у которой чудесная лазурно голубая шёрстка.

– А где теперь эта Коза? – спросил Пиноккио, очень взволнованный.

– Не знаю.

– А когда она придёт сюда?

– Она никогда не придёт сюда. Она ушла отсюда и, уходя, грустно сказала: «Бедный Пиноккио! Я его никогда больше не увижу. Акула его проглотила!»

– Она так действительно сказала?.. Значит, это была несомненно она!.. Это была она!.. Моя любимая, дорогая Фея! – всхлипнул Пиноккио, и слезы хлынули у него из глаз.

Выплакавшись, он соорудил удобную постель из соломы для старого Джеппетто. Затем он спросил у Говорящего Сверчка:

- Скажи мне, маленький Сверчок, где бы я мог раздобыть стакан молока для моего бедного отца?
- Через три поля отсюда живёт огородник Джанджо, у которого имеются три молочные коровы. Иди к нему, и ты там сможешь получить всё, что тебе нужно.

Пиноккио побежал к дому огородника Джанджо. Огородник спросил:

- Сколько тебе нужно молока?
- Полный стакан.
- Стакан молока стоит один сольдо. Дай мне раньше этот сольдо.
- Но у меня нет даже чентезимо, - ответил Пиноккио смутившись.
- Плохо твоё дело Деревянный Человечек, - проговорил огородник. - Если у тебя нет даже чентезимо, я не могу тебе дать даже напёрстка молока.
- Ничего не поделаешь, - сказал Пиноккио и собрался уходить.
- Подожди минутку, - промолвил Джанджо. - Пожалуй, мы сможем столковаться. Ты согласен крутить ворот?
- Что значит «ворот»?
- Это такое устройство, при помощи которого достают воду из колодца для поливки овощей.
- Я попробую.
- Хорошо. В таком случае, вытяни из колодца сто вёдер воды, и ты получишь стакан молока.
- Согласен.

Джанджо повёл Деревянного Человечка на огород и показал ему, как надо вертеть

ворот. Пиноккио сразу же приступил к делу. Но, пока он вытащил сто вёдер воды, он облился потом с головы до ног. За всю свою жизнь он никогда так не трудился.

– До сих пор, – сказал огородник, – эту работу исполнял мой ослик. Но теперь бедное животное лежит при смерти.

– Можно мне посмотреть на него? – спросил Деревянный Человечек.

– Пожалуйста.

В конюшне Пиноккио увидел на соломе милого ослика, который умирал от голода и непосильного труда. Внимательно осмотрев его, Пиноккио печально сказал про себя: «Этот ослик мне знаком. Его лицо я, когда то видел».

И он наклонился над осликом и спросил на ослином наречии:

– Кто ты такой?

Услышав вопрос, умирающий ослик открыл глаза и пробормотал на том же наречии:

– Я... Фи... и... ти... иль...

После чего он снова закрыл глаза и умер.

– Ах, бедный Фитиль! – пробормотал Пиноккио.

Он взял горсть соломы и вытер слезу, скатившуюся по его лицу.

– Почему ты так горюешь над ослом, который тебе не стоил денег? – удивился огородник. – Что тогда остаётся делать мне, купившему его за наличные?

– Я вам объясню... Он был моим другом.

– Твоим другом?

– Моим школьным товарищем.

– Что? – вскричал Джанджо и громко захохотал. – Что ты городишь? Ты ходил с ослами в школу?.. Надо думать, что ты там изучал интересные предметы!

Деревянный Человечек, сконфуженный этими словами, ничего не ответил, только взял стакан парного молока и вернулся обратно в хижину.

И, начиная с этого дня, он пять месяцев подряд каждый день вставал на рассвете и шёл вертеть ворот, чтобы заработать стакан молока для больного отца. Мало того: в течение этого времени он научился плести маленькие и большие корзины из камыша. И деньги, полученные от продажи корзин, он тратил весьма разумно. Между прочим, он самостоятельно смастерил изящное кресло на колёсиках, и в этом кресле вывозил своего отца в хорошую погоду на гулянье, чтобы старик мог дышать свежим воздухом.

По вечерам он упражнялся в чтении и письме. В ближней деревне он купил за несколько сольдо толстую книгу, не имевшую начала и конца, и по этой книге занимался чтением. А для письма он употреблял заострённую соломинку. А так как у него не было ни чернил, ни чернильницы, то он обмакивал соломинку в горшочек, в который выжимал сок черники и вишни.

Таким образом ему удалось не только устроить своему больному отцу безбедное житьё, но и отложить ещё сорок сольдо себе на новый костюм.

Однажды утром он сказал отцу:

– Пойду-ка я на ближайший рынок и куплю себе куртку, колпак и пару ботинок. А когда я вернусь домой, – добавил он, смеясь, – я буду так хорошо одет, что вы меня примете за важного синьора.

И он ушёл из дому и на радостях побежал вприпрыжку. Вдруг он услышал, как кто-то зовёт его по имени. Он обернулся и увидел красивую Улитку, которая вылезла из-под куста.

– Ты меня уже не узнаешь? – спросила Улитка.

– Да... нет... не знаю!

– Разве ты не помнишь ту Улитку, которая была служанкой у Феи с лазурными волосами? Разве ты уже забыл, как я со свечкой спускалась по лестнице и как ты торчал одной ногой в двери?

– Разве я мог это забыть! – вскричал Пиноккио. – Скажи скорее, красивая маленькая Улитка: где ты оставила мою добрую Фею? Как она живёт? Простила ли она меня? Думает ли она обо мне? Любит ли она меня ещё? Могу ли я её увидеть?

На все эти вопросы, которые Пиноккио выпалил единым духом. Улитка ответила с привычной медлительностью:

– Милый Пиноккио, бедная Фея лежит в больнице неподалёку отсюда.

– В больнице?

– Да, к сожалению! Она так много пережила, теперь она очень больна и не может купить себе даже куска хлеба.

– Неужели это правда?.. Как мне больно! Ах, моя бедная Фея, моя бедная Фея!.. Если бы я имел миллион, я бы ей немедленно отнёс... Но у меня только сорок сольдо... Вот они. Я хотел как раз купить себе на них новый костюм. Возьми их, Улитка, и отнеси немедленно моей доброй Фее!

– А твой новый костюм?

– К чему мне сейчас новый костюм! Я с удовольствием продам и вот эти старые отрепья, которые на мне, только бы ей помочь! Иди, Улитка, и поторопись! А через два дня снова возвращайся сюда, тогда я, пожалуй, смогу добавить ещё пару сольдо. До сих пор я работал, чтобы поддержать моего отца. С сегодняшнего дня я буду работать на пять часов больше, чтобы поддержать и мою добрую мать. До свидания. Улитка. Через два дня я жду тебя!

Улитка, вопреки всем своим привычкам, убежала так быстро, словно ящерица в самую жаркую августовскую пору.

Когда Пиноккио вернулся домой, отец спросил его:

– А твой новый костюм?

– Я не мог подыскать ничего подходящего. Попробую в следующий раз.

В этот вечер Пиноккио лёг спать не в десять часов, а в полночь. И он сплёл не восемь корзин из камыша, а шестнадцать. После этого он лёг в постель и уснул. И во сне он увидел Фею. Она была ослепительно прекрасна. Она с улыбкой поцеловала его и сказала:

– Молодец, Пиноккио! Так как у тебя доброе сердце, я прощаю тебе все твои проделки до нынешнего дня. Дети, которые помогают родителям в нужде и болезни,

заслуживают великой похвалы и великого уважения, даже если они не являются образцами послушания и хорошего поведения. Будь разумным человеком в будущем, и ты будешь счастлив!

В это мгновение сон окончился, и Пиноккио проснулся.

Представьте же себе его изумление, когда, проснувшись, он заметил, что он уже больше не Деревянный Человечек, а настоящий мальчик, как все мальчики! Он осмотрелся и вместо привычных стен соломенной хижины увидел красивую светлую комнатку. Он соскочил с кровати и увидел красивый новый костюм, новый колпак и пару кожаных сапожек точно по его мерке.

Он быстро оделся и, разумеется, прежде всего сунул руки в карманы. Оттуда он вытащил маленький кошелёк из слоновой кости, и на кошельке было написано: «Фея с лазурными волосами возвращает своему милому Пиноккио сорок сольдо и благодарит его за доброе сердце». Он открыл кошелёк и вместо сорока медных сольдо ему в глаза сверкнули сорок новеньких золотых цехинов.

Потом он посмотрел в зеркало и не узнал себя. Он не увидел больше прежнего деревянного человечка, куклу, а увидел живого, умного, красивого мальчика с каштановыми волосами и голубыми глазами, с весёлым, радостным лицом.

Во время всех этих чудесных событий, следовавших одно за другим, Пиноккио уже толком не знал, бодрствует он или спит с открытыми глазами.

«А где же мой отец?» – вдруг подумал он. Он пошёл в соседнюю комнату и нашёл старого Джеппетто здоровым, бодрым и в добром расположении духа, как некогда. Старик опять держал в руках свой инструмент и в это время как раз вырезал великолепную раму с листьями, цветами и всевозможными звериными головами.

– Скажите мне, пожалуйста, дорогой отец, как вы объясните это внезапное превращение? – спросил Пиноккио, обнял Джеппетто и сердечно его поцеловал.

– Это внезапное превращение в нашем доме – исключительно твоя заслуга, – ответил Джеппетто.

– Почему моя?

– Потому что скверные дети, становясь хорошими детьми, обретают способность делать все вокруг себя новым и прекрасным.

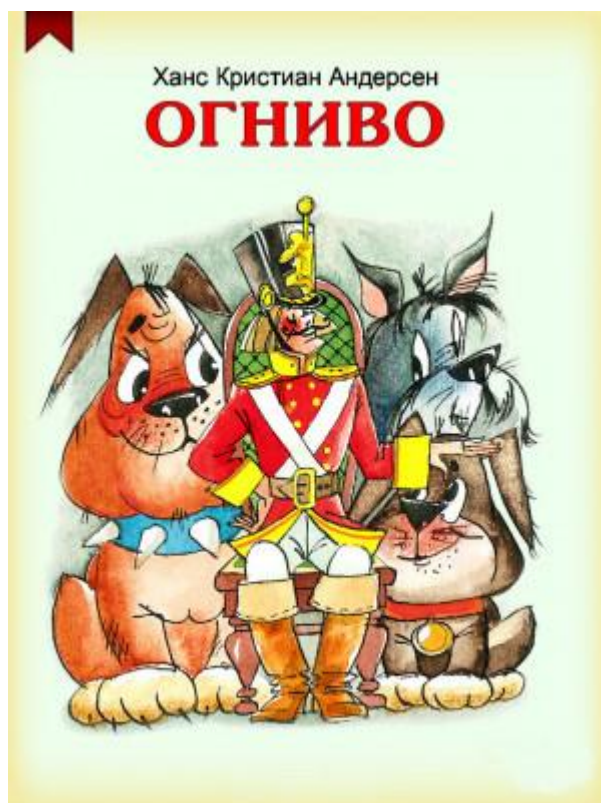
- А куда девался старый деревянный Пиноккио?

- Вот он стоит, - ответил Джеппетто.

И он показал на большую деревянную куклу - деревянного человечка, прислонённого к стулу. Голова его была свернута набок, руки безжизненно висели, а скрещённые ноги так сильно подогнулись, что нельзя было понять, каким образом он вообще может держаться в вертикальном положении.

Пиноккио обернулся и пристально осмотрел его. И, после того как он его минуту пристально осматривал, он произнёс с глубоким вздохом:

- Какой я был смешной, когда был Деревянным Человечком! И как я счастлив, что теперь я настоящий мальчик!

«Огниво» — сказка Г. Х. Андерсена, на которой воспиталось не одно поколение детей мира. В сказке рассказывается о необычайной удаче, которая улыбнулась солдату. Он шёл по лесу, где встретил колдунью, и она обогатила его, попросила лишь огниво из тайника с собаками, куда его посылала. Солдат вместо этого зарубил ведьму и отправился в город, где жила принцесса. Когда он понял, что огниво волшебное, солдат приказывал собакам приносить её к себе каждую ночь. Вскоре это открылось, и солдат оказался в тюрьме. Как он выбрался из заточения, и чем закончилась история, узнайте из сказки. Она учит, что важно рассчитывать на себя, а богатство может не принести счастья.

Шёл солдат по дороге: раз-два! раз-два! Ранец за спиной, сабля на боку; он шёл домой с войны. На дороге встретилась ему старая ведьма — безобразная, противная: нижняя губа висела у неё до самой груди.

— Здорово, служивый! — сказала она. — Какая у тебя славная сабля! А ранец-то какой большой! Вот brave солдат! Ну, сейчас ты получишь денег, сколько твоей душе угодно.

— Спасибо, старая ведьма! — сказал солдат.

— Видишь вон то старое дерево? — сказала ведьма, показывая на дерево, которое стояло неподалёку. — Оно внутри пустое. Влезь наверх, там будет дупло, ты и спустишься в него, в самый низ! А перед тем я обвяжу тебя верёвкой вокруг пояса, ты мне крикни, и я тебя вытащу.

— Зачем мне туда лезть? — спросил солдат.

— За деньгами! — сказала ведьма. — Знай, что когда ты доберёшься до самого низа, то увидишь большой подземный ход; в нём горит больше сотни ламп, и там совсем светло. Ты увидишь три двери; можешь отворить их, ключи торчат снаружи. Войди в первую комнату; посреди комнаты увидишь большой сундук, а на нём собаку: глаза у неё, словно чайные чашки! Но ты не бойся! Я дам тебе свой синий клетчатый передник, расстели его на полу, а сам живо подойди и схвати собаку, посади её на передник, открой сундук и бери из него денег вволю. В этом сундуке одни медяки; захочешь серебра — ступай в другую комнату; там сидит собака с глазами, как мельничные колёса! Но ты не пугайся: сажай её на передник и бери себе денежки. А захочешь, так достанешь и золота, сколько сможешь унести; пойдь только в третью комнату. Но у собаки, что сидит там на деревянном сундуке, глаза — каждый с круглую башню. Вот это собака! Злющая-презлющая! Но ты её не бойся: посади на мой передник, и она тебя не тронет, а ты бери себе золота, сколько хочешь!

— Оно бы недурно! — сказал солдат. — Но что ты с меня за это возьмёшь, старая ведьма? Ведь что-нибудь да тебе от меня нужно?

— Я не возьму с тебя ни полушки! — сказала ведьма. — Только принеси мне старое огниво, его позабыла там моя бабушка, когда спускалась в последний раз.

— Ну, обвязывай меня верёвкой! — приказал солдат.

— Готово! — сказала ведьма. — А вот и мой синий клетчатый передник!

Солдат влез на дерево, спустился в дупло и очутился, как сказала ведьма, в большом проходе, где горели сотни ламп.

Вот он открыл первую дверь. Ох! Там сидела собака с глазами, как чайные чашки, и таращилась на солдата.

— Вот так молодец! — сказал солдат, посадил пса на ведьмин передник и набрал полный карман медных денег, потом закрыл сундук, опять посадил на него собаку и отправился в другую комнату. Ай-ай! Там сидела собака с глазами, как мельничные колёса.

— Нечего тебе таращиться на меня, глаза заболят! — сказал солдат и посадил собаку на ведьмин передник. Увидев в сундуке огромную кучу серебра, он выбросил все медяки и набил оба кармана и ранец серебром. Затем солдат пошёл в третью комнату. Фу ты пропасть! У этой собаки глаза были ни дать ни взять две круглые башни и вертелись, точно колёса.

— Моё почтение! — сказал солдат и взял под козырёк. Такой собаки он ещё не видывал.

Долго смотреть на неё он, впрочем, не стал, а взял да и посадил на передник и открыл сундук. Батюшки! Сколько тут было золота! Он мог бы купить на него весь Копенгаген, всех сахарных поросят у торговки сладостями, всех оловянных солдатиков, всех деревянных лошадок и все кнуты на свете! На всё хватило бы! Солдат повыбросил из карманов и ранца серебряные деньги и так набил карманы, ранец, шапку и сапоги золотом, что еле-еле мог двигаться. Ну, наконец-то он был с деньгами! Собаку он опять посадил на сундук, потом захлопнул дверь, поднял голову и закричал:

— Тащи меня, старая ведьма!

— Огниво взял? — спросила ведьма.

— Ах чёрт, чуть не забыл! — сказал солдат, пошёл и взял огниво.

Ведьма вытащила его наверх, и он опять очутился на дороге, только теперь и карманы его, и сапоги, и ранец, и фуражка были набиты золотом.

— Зачем тебе это огниво? — спросил солдат.

— Не твоё дело! — ответила ведьма. — Получил деньги, и хватит с тебя! Ну, отдай огниво!

— Как бы не так! — сказал солдат. — Сейчас же говори, зачем тебе оно, не то вытащу саблю да отрублю тебе голову.

— Не скажу! — упёрлась ведьма.

Солдат взял и отрубил ей голову. Ведьма повалилась мёртвая, а он завязал все деньги в её передник, взвалил узел на спину, сунул огниво в карман и зашагал прямо в город.

Город был чудесный; солдат остановился на самом дорогом постоялом дворе, занял самые лучшие комнаты и потребовал все свои любимые блюда — теперь ведь он был богачом!

Слуга, который чистил приезжим обувь, удивился, что у такого богатого господина такие плохие сапоги, но солдат ещё не успел обзавестись новыми. Зато на другой день он купил себе и хорошие сапоги и богатое платье. Теперь солдат стал настоящим баринном, и ему рассказали обо всех чудесах, какие были тут, в городе, и о короле, и о его прелестной дочери, принцессе.

— Как бы её увидеть? — спросил солдат.

— Этого никак нельзя! — сказали ему. — Она живёт в огромном медном замке, за высокими стенами с башнями. Никто, кроме самого короля, не смеет ни войти туда, ни выйти оттуда, потому что королю предсказали, будто дочь его выйдет замуж за простого солдата, а короли этого не любят!

«Вот бы на неё поглядеть!» — подумал солдат.

Да кто бы ему позволил?!

Теперь-то он зажил весело: ходил в театры, ездил кататься в королевский сад и много помогал бедным. И хорошо делал: он ведь по себе знал, как плохо сидеть без гроша в кармане! Теперь он был богат, прекрасно одевался и приобрёл очень много друзей; все они называли его славным малым, настоящим кавалером, а ему это очень нравилось. Так он всё тратил да тратил деньги, а вновь-то взять было неоткуда, и осталось у него в конце концов всего-навсего две денежки! Пришлось перебраться из хороших комнат в крошечную каморку под самой крышей, самому чистить себе сапоги и даже латать их; никто из друзей не навещал его, — уж очень высоко было к нему подниматься!

Раз как-то, вечером, сидел солдат в своей каморке; совсем уже стемнело, а у него не было денег на свечку; он и вспомнил про

маленький огарочек в огниве, которое взял в подземелье, куда спускала его ведьма. Солдат достал огниво и огарок, но стоило ему ударить по кремню, как дверь распахнулась, и перед ним очутилась собака с глазами, точно чайные чашки, та самая, которую он видел в подземелье.

— Что угодно, господин? — пролаяла она.

— Вот так история! — сказал солдат. — Огниво-то, выходит, прелюбопытная вещица: я могу получить всё, что захочу! Эй ты, добудь мне деньжонок! — сказал он собаке. Раз — её уж и след простыл, два — она опять тут как тут, а в зубах у неё большой кошель, набитый медью! Тут солдат понял, что за чудное у него огниво. Ударишь по кремню раз — является собака, которая сидела на сундуке с медными деньгами; ударишь два — является та, которая сидела на серебре; ударишь три — прибегает собака, что сидела на золоте.

Солдат опять перебрался в хорошие комнаты, стал ходить в щегольском платье, и все его друзья сейчас же узнали его и ужасно полюбили.

Вот ему и приди в голову: «Как это глупо, что нельзя видеть принцессу. Такая красавица, говорят, а что толку? Ведь она век свой сидит в медном замке, за высокими стенами с башнями. Неужели мне так и не удастся поглядеть на неё хоть одним глазком? Ну-ка, где моё огниво?» И он ударил по кремню раз — в тот же миг перед ним стояла собака с глазами, точно чайные чашки.

— Теперь, правда, уже ночь, — сказал солдат. — Но мне до смерти захотелось увидеть принцессу, хоть на одну минуточку!

Собака сейчас же за дверь, и не успел солдат опомниться, как она явилась с принцессой. Принцесса сидела у собаки на спине и спала. Она была чудо как хороша; всякий сразу бы увидел, что это настоящая принцесса, и солдат не утерпел и поцеловал её, — он ведь был brave воин, настоящий солдат.

Собака отнесла принцессу назад, и за утренним чаем принцесса рассказала королю с королевой, какой она видела сегодня ночью удивительный сон про собаку и солдата: будто она ехала верхом на собаке, а солдат поцеловал её.

— Вот так история! — сказала королева.

И на следующую ночь к постели принцессы приставили старуху фрейлину — она должна была разузнать, был ли то в самом деле сон или что другое.

А солдату опять до смерти захотелось увидеть прелестную принцессу. И вот ночью опять явилась собака, схватила принцессу и помчалась с ней во всю прыть, но старуха фрейлина надела непромокаемые сапоги и пустилась вдогонку. Увидав, что собака скрылась с принцессой в одном большом доме, фрейлина подумала: «Теперь я знаю, где их найти!» — взяла кусок мела, поставила на воротах дома крест и отправилась домой спать. Но собака, когда понесла принцессу назад, увидала этот крест, тоже взяла кусок мела и наставила крестов на всех воротах в городе. Это было ловко придумано: теперь фрейлина не могла отыскать нужные ворота — повсюду белели кресты.

Рано утром король с королевой, старуха фрейлина и все офицеры пошли посмотреть, куда это ездила принцесса ночью.

— Вот куда! — сказал король, увидев первые ворота с крестом.

— Нет, вот куда, муженёк! — возразила королева, заметив крест на других воротах.

— Да и здесь крест и здесь! — зашумели другие, увидев кресты на всех воротах. Тут все поняли, что толку им не добиться.

Но королева была женщина умная, умела не только в каретах разъезжать. Взяла она большие золотые ножницы, изрезала на лоскутки штуку шёлковой материи, сшила крошечный хорошенький мешочек, насыпала в него мелкой гречневой крупы, привязала его на спину принцессе и потом прорезала в мешочке дырочку, чтобы крупа могла сыпаться на дорогу, по которой ездила принцесса.

Ночью собака явилась опять, посадила принцессу на спину и понесла к солдату; солдат так полюбил принцессу, что начал жалеть, отчего он не принц, — так хотелось ему жениться на ней.

Собака и не заметила, что крупа сыпалась за нею по всей дороге, от самого дворца до окна солдата, куда она прыгнула с принцессой.

Поутру король и королева сразу узнали, куда ездила принцесса, и солдата посадили в тюрьму.

Как там было темно и скучно! Засадили его туда и сказали: «Завтра утром тебя повесят!» Очень было невесело услышать это, а огниво своё он позабыл дома, на постоялом дворе.

Утром солдат подошёл к маленькому окошку и стал смотреть сквозь железную решётку на улицу: народ толпами валил за город смотреть, как будут вешать солдата; били барабаны, проходили полки. Все спешили, бежали бегом. Бежал и мальчишка-сапожник в кожаном переднике и туфлях. Он мчался вприпрыжку, и одна туфля слетела у него с ноги и ударилась прямо о стену, у которой стоял солдат и глядел в окошко.

— Эй ты, куда торопишься! — сказал мальчику солдат. — Без меня ведь дело не обойдётся! А вот, если сбегашь туда, где я жил, за моим огнивом, получишь четыре монеты. Только живо!

Мальчишка был не прочь получить четыре монеты, он стрелой пустился за огнивом, отдал его солдату и... А вот теперь послушаем!

За городом построили огромную виселицу, вокруг стояли солдаты и сотни тысяч народу. Король и королева сидели на роскошном троне прямо против судей и всего королевского совета.

Солдат уже стоял на лестнице, и ему собирались накинуть верёвку на шею, но он сказал, что, прежде чем казнить преступника, всегда исполняют какое-нибудь его желание. А ему бы очень хотелось выкурить трубочку, — это ведь будет последняя его трубочка на этом свете!

Король не посмел отказать в этой просьбе, и солдат вытащил своё огниво. Ударил по кремню раз, два, три — и перед ним предстали все три собаки: собака с глазами, как чайные чашки, собака с глазами, как мельничные колёса, и собака с глазами, как круглая башня.

— А ну помогите мне избавиться от петли! — приказал солдат.

И собаки бросились на судей и на весь королевский совет: того за ноги, того за нос да кверху на несколько сажен, и все падали и разбивались вдребезги!

— Не надо! — закричал король, но самая большая собака схватила его вместе с королевой и подбросила их вверх вслед за другими. Тогда солдаты испугались, а весь народ закричал:

— Служивый, будь нашим королём и возьми за себя прекрасную принцессу!

Солдата посадили в королевскую карету, и все три собаки танцевали перед ней и кричали «ура». Мальчишки свистели, засунув пальцы в рот, солдаты отдавали честь. Принцесса вышла из своего медного замка и сделалась королевой, чем была очень довольна. Свадебный пир продолжался целую неделю; собаки тоже сидели за столом и таращили глаза.

Летучий корабль

Жили-были старик да старуха. У них было три сына — два старших умниками слыли, а младшего все дурачком звали. Старших старуха любила — одевала чисто, кормила вкусно. А младший в дырявой рубашке ходил, черную корку жевал.

— Ему, дурачку, все равно: он ничего не смыслит, ничего не понимает!

Вот однажды дошла до той деревни весть: кто построит царю такой корабль, чтоб и по морям ходил и под облаками летал, — за того царь свою дочку выдаст.

Решили старшие братья счастья попытать.

— Отпустите нас, батюшка и матушка! Авось который-нибудь из нас царским зятем станет!

Снарядила мать старших сыновей, напекла им в дорогу пирогов белых, нажарила-наварила курятины да гусятины:

— Ступайте, сыночки!

Отправились братья в лес, стали деревья рубить да пилить. Много нарубили-напилили. А что дальше делать — не знают. Стали они спорить да браниться, того и гляди, друг дружке в волосы вцепятся.

Подошел тут к ним старичок и спрашивает:

— Из-за чего у вас, молодцы, спор да брань? Может, и я вам какое слово на пользу скажу?

Накинулись оба брата на старичка — слушать его не стали, нехорошими словами обругали и прочь прогнали. Ушел старичок.

Поругались еще братья, съели все свои припасы, что им мать дала, и возвратились домой ни с чем...

Как пришли они, начал проситься младший:

— Отпустите теперь меня!

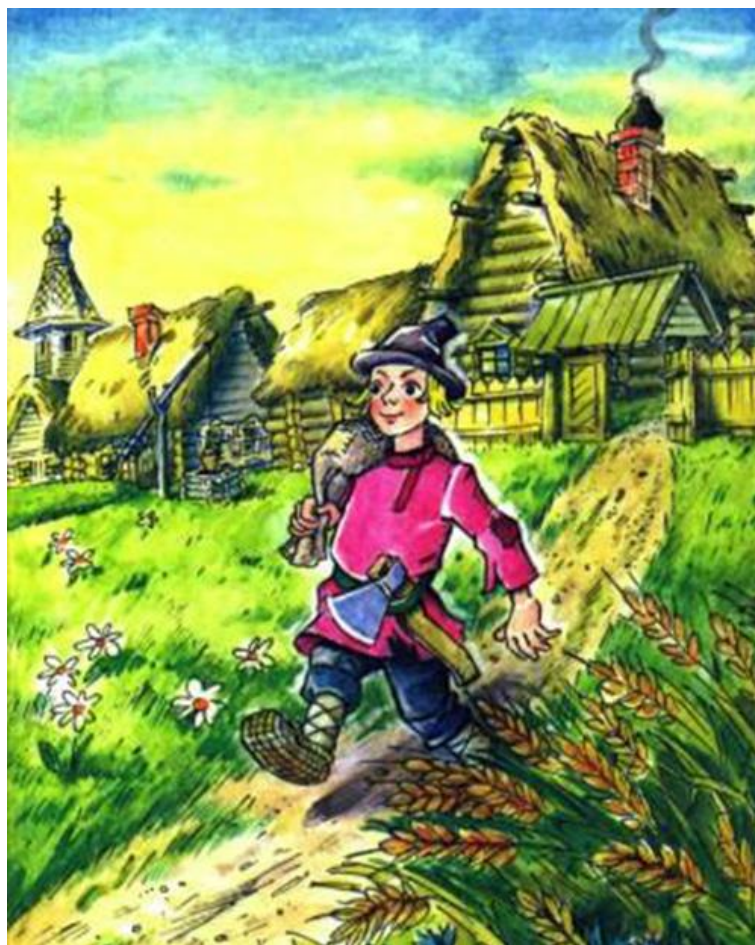
Стали мать и отец отговаривать его да удерживать:

— Куда тебе, дурню, — тебя волки по дороге съедят!

А дурень знай свое твердит:

— Отпустите — пойду, и не отпустите — пойду!

Видят мать и отец — никак с ним не сладишь. Дали ему на дорогу краюху черного сухого хлеба и выпроводили вон из дому. Взял дурень с собой топор и отправился в лес.

Ходил-ходил по лесу и высмотрел высокую сосну: верхушкой в облака эта сосна упирается, обхватить ее впору только троим.

Срубил он сосну, стал ее от сучьев очищать. Подошел к нему старичок.

— Здравствуй, — говорит, — дитяtko!

— Здравствуй, дедушка!

— Что это, дитяtko, ты делаешь, на что такое большое дерево срубил?

— А вот, дедушка, царь обещал выдать свою дочку за того, кто ему летучий корабль построит, я и строю.

— А разве ты сможешь такой корабль смастерить? Это дело мудреное, пожалуй, и не сладишь.

— Мудреное не мудреное, а попытаться надо: глядишь, и слажу! Вот и ты, кстати, пришел: старые люди бывалые, сведущие. Может, ты мне, что и присоветуешь.

Старичок говорит:

— Ну, коли просишь совет тебе подать, слушай: возьми-ка ты свой топор и отеши эту сосну с боков: вот этак!

И показал, как надо обтесывать.

Послушался дурень старичка — обтесал сосну так, как он показывал. Обтесывает он, диву дается: топор так сам и ходит, так и ходит!

— Теперь, — говорит старичок, — обделывай сосну с концов: вот так и вот этак!

Дурень старичковы слова мимо ушей не пропускает: как старичок показывает, так он и делает.

Закончил он работу, старичок похвалил его и говорит:

— Ну, теперь не грех передохнуть да закусить малость.

— Эх, дедушка, — говорит дурень, — для меня-то еда найдется, вот эта краюха черствая. А тебя-то чем угостить? Ты небось и не угрызешь мое угощение?

— А ну-ка, дитяtko, — говорит старичок, — дай сюда свою краюху!

Дурень подал ему краюху. Старичок взял ее в руки, осмотрел, пощупал да и говорит:

— Не такая уж черствая твоя краюха!

И подал ее дурню. Взял дурень краюху — глазам своим не верит: превратилась краюха в мягкий да белый каравай.

Как поели они, старик и говорит:

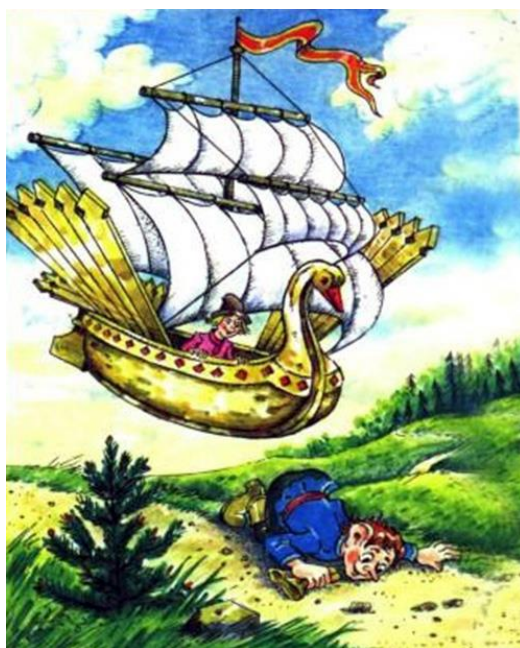
— Ну, теперь станем паруса прилаживать!

И достал из-за пазухи кусок холста. Старичок показывает, дурень старается, на совесть все делает — и паруса готовы, прилажены.

— Садись теперь в свой корабль, — говорит старичок, — и лети, куда тебе надобно. Да смотри, помни мой наказ: по пути сажай в свой корабль всякого встречного!

Тут они и распрощались. Старичок своей дорогой пошел, а дурень на летучий корабль сел, паруса расправил. Надулись паруса, взмыл корабль в небо, полетел быстрее сокола. Летит чуть ниже облаков ходячих, чуть повыше лесов стоячих...

Летел-летел дурень и видит: лежит на дороге человек — ухом к сырой земле припал. Спустился он и говорит:

- Здорово, дядюшка!
- Здорово, молодец!
- Что это ты делаешь?
- Слушаю я, что на том конце земли делается.
- А что же там делается, дядюшка?
- Поют-заливаются там пташки голосистые, одна другой лучше!
- Экой ты, какой слухменный! Садись ко мне на корабль, полетим вместе.

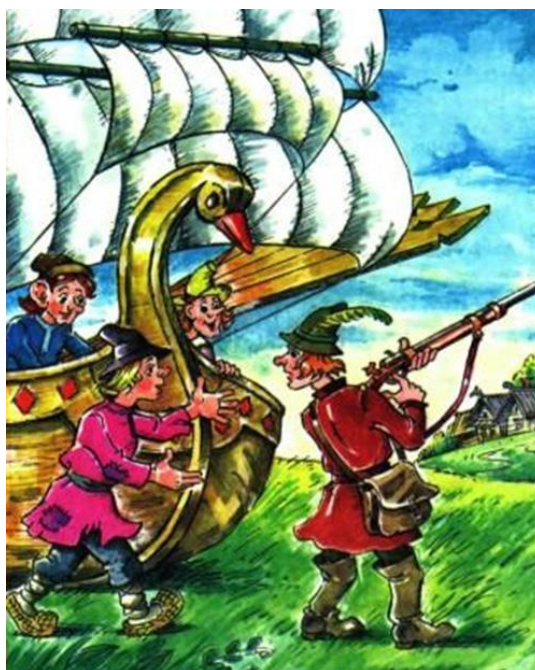
Слухало не стал отговариваться, сел на корабль, и полетели они дальше.

Летели-летели, видят — идет по дороге человек, идет на одной ноге, а другая нога к уху привязана.

- Здорово, дядюшка!
- Здорово, молодец!
- Что это ты на одной ноге скачешь?
- Да если я другую ногу отвяжу, так за три шага весь свет перешагну!
- Вот ты, какой быстрый! Садись к нам.

Скороход отказываться не стал, взобрался на корабль, и полетели они дальше.

Много ли, мало ли пролетели, глядь — стоит человек с ружьем, целится. А во что целится — неведомо.

— Здорово, дядюшка! В кого это ты целишься — ни зверя, ни птицы кругом не видно.

— Экие вы! Да я и не стану близко стрелять. Целюсь я в тетерку, что сидит на дереве верст за тысячу отсюда. Вот такая стрельба по мне.

— Садись с нами, полетим вместе!

Сел и Стреляло, и полетели все они дальше.

Летели они, летели и видят: идет человек, несет за спиною большущий мешок хлеба.

— Здорово, дядюшка! Куда идешь?

— Иду добывать хлеба себе на обед.

— На что тебе еще хлеб? У тебя и так полон мешок!

— Что тут! Этот хлеб мне в рот положить да проглотить. А чтобы досыта наестся, мне надобно сто раз по столько!

— Ишь ты какой! Садись к нам в корабль, полетим вместе.

Сел и Объедало на корабль, полетели они дальше.

Над лесами летят, над полями летят, над реками летят, над селами да деревнями летят.

Глядь: ходит человек возле большого озера, головой качает.

— Здорово, дядюшка! Что это ты ищешь?

— Пить хочется, вот и ищу, где бы напиться.

— Да перед тобой целое озеро. Пей в свое удовольствие!

— Да этой воды мне всего на один глоточек станет.

Подивился дурень, подивились его товарищи и говорят:

— Ну, не горюй, найдется для тебя вода. Садись с нами на корабль, полетим далеко, будет для тебя много воды!

Опивало сел в корабль, и полетели они дальше.

Сколько летели — неведомо, только видят: идет человек в лес, а за плечами у него вязанка хвороста.

— Здорово, дядюшка! Скажи ты нам: зачем это ты в лес хворост тащишь?

— А это не простой хворост. Коли разбросать его, тотчас целое войско появится.

— Садись, дядюшка, с нами!

И этот сел к ним. Полетели они дальше.

Летели-летели, глядь: идет старик, несет куль соломы.

— Здорово, дедушка, седая головушка! Куда это ты солому несешь?

— В село.

— А разве в селе мало соломы?

— Соломы много, а такой нету.

— Какая же она у тебя?

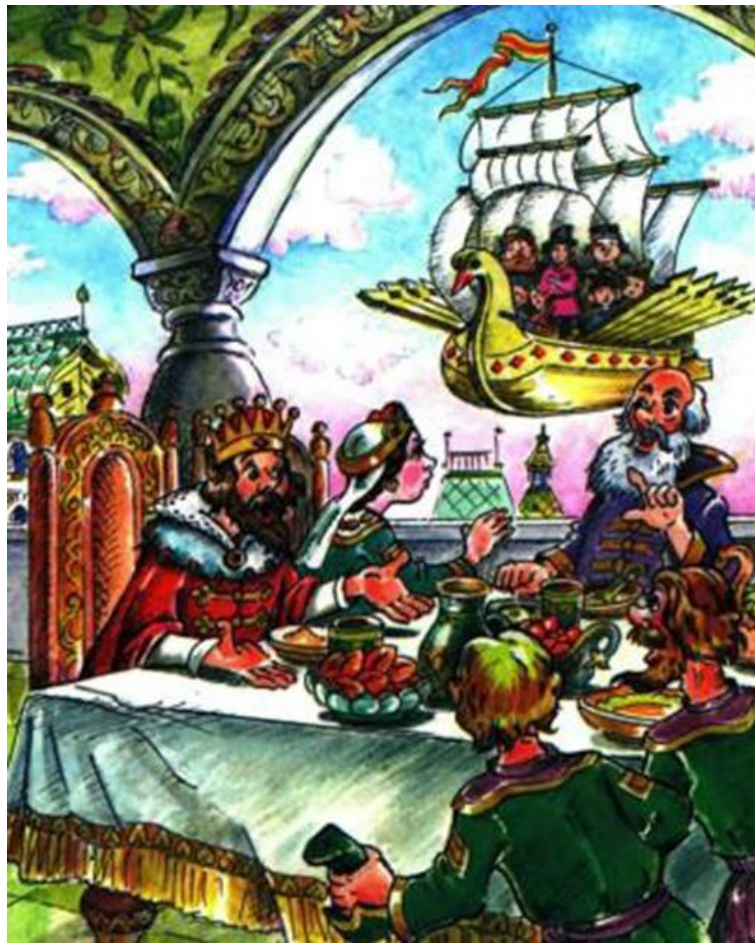
— А вот такая: стоит мне разбросать ее в жаркое лето — и станет враз холодно: снег выпадет, мороз затрещит.

— Коли так, правда твоя: в селе такой соломы не найдешь. Садись с нами!

Холодило взобрался со своим кулем в корабль, и полетели они дальше.

Летели-летели и прилетели к царскому двору.

Царь в ту пору за обедом сидел. Увидел он летучий корабль и послал своих слуг:

— Ступайте спросите: кто на том корабле прилетел — какие заморские царевичи и королевичи?

Слуги подбежали к кораблю и видят — сидят на корабле простые мужики.

Не стали царские слуги и спрашивать у них: кто таковы и откуда прилетели. Воротились и доложили царю:

— Так и так! Нет на корабле ни одного царевича, нет ни одного королевича, а все черная кость — мужики простые. Что прикажешь с ними делать?

«За простого мужика нам дочку выдавать зазорно, — думает царь. — Надобно от таких женихов избавиться».

Спросил он у своих придворных — князей да бояр:

— Что нам теперь делать, как быть?

Они и присоветовали:

— Надо жениху задавать разные трудные задачи, авось он их и не разгадает. Тогда мы ему от ворот поворот и покажем!

Обрадовался царь, сейчас же послал слуг к дурню с таким приказом:

— Пусть жених достанет нам, пока наш царский обед не кончится, живой и мертвой воды!

Задумался дурень:

— Что же я теперь делать буду? Да я и за год, а может быть, и весь свой век не найду такой воды.

— А я на что? — говорит Скороход. — Мигом за тебя справлюсь.

Отвязал он ногу от уха и побежал за тридевять земель в тридесятое царство. Набрал два кувшина воды живой и мертвой, а сам думает: «Времени впереди много осталось, дай-ка малость посижу — успею к сроку возвратиться!»

Присел под густым развесистым дубом, да и задремал...

Царский обед к концу подходит, а Скорохода нет как нет.

Загоревали все на летучем корабле — не знают, что и делать. А Слухало приткнуло ухо к сырой земле, прислушался и говорит:

— Экой сонливый да дремливый! Спит себе под деревом, храпит вовсю!

— А вот я его сейчас разбужу! — говорит Стреляло.

Схватил он свое ружье, прицелился и выстрелил в дуб, под которым Скороход спал. Посыпались с дуба желуди — прямо на голову Скороходу. Проснулся тот.

— Батюшки, да, никак, я заснул!

Вскочил он и в ту же минуту принес кувшины с водой:

— Получайте!

Встал царь из-за стола, глянул на кувшины и говорит:

— А может, эта вода не настоящая?

Поймали петуха, оторвали ему голову и sprыснули мертвой водой. Голова вмиг приросла. Sprыснули живой водой — петух на ноги вскочил, крыльями захлопал, «ку-ка-реку!» закричал.

Досадно стало царю.

— Ну, — говорит он дурню, — эту мою задачу ты выполнил. Задам теперь другую! Коли ты такой ловкий, съешь со своими сватами за один присест двенадцать быков жареных да столько хлебов, сколько в сорока печах испечено!

Опечалился дурень, говорит своим товарищам:

— Да я и одного хлеба за целый день не съем!

— А я на что? — говорит Обьедало. — Я и с быками и с хлебами их один управлюсь. Еще мало будет!

Велел дурень сказать царю:

— Тащите быков и хлебы. Будем есть!

Привезли двенадцать быков жареных да столько хлебов, сколько в сорока печах испечено.

Обьедало давай быков поедать — одного за другим. А хлебы так в рот и мечет каравай за караваем. Все возы опустели.

— Давайте еще! — кричит Обьедало. — Почему так мало припасли? Я только во вкус вошел!

А у царя больше ни быков, ни хлебов нет.

— Теперь, — говорит он, — новый вам приказ: чтобы выпито было зараз сорок бочек пива, каждая бочка по сорок ведер.

— Да я и одного ведра не выпью, — говорит дурень своим сватам.

— Эка печаль! — отвечает Опивало. — Да я один все у них пиво выпью, еще мало будет!

Прикатали сорок бочек-сороковок. Стали черпать пиво ведрами да подавать Опивале. Он как глотнет — ведро и пусто.

— Что это вы мне ведрами подносите? — говорит Опивало. — Этак мы целый день проканителемся!

Поднял он бочку да и опорожнил ее зараз, без роздыху. Поднял другую бочку — и та пустая откатилась. Так все сорок бочек и осушил.

— Нет ли, — спрашивает, еще пивца? Не вволю я напился! Не промочил горло!

Видит царь: ничем дурня нельзя взять. Решил погубить его хитростью.

— Ладно, — говорит, — выдам я за тебя свою дочку, готовься к венцу! Только перед свадьбой сходи в баню, вымойся-выпарься хорошенько.

И приказал топить баню.

А баня-то была вся чугунная.

Трое суток баню топили, докрасна раскалили. Огнем-жаром от нее пышет, за пять саженей к ней не подойти.

— Как буду мыться? — говорит дурень. — Сгорю заживо.

— Не печалься, — отвечает Холодило. — Я с тобой пойду!

Побежал он к царю, спрашивает:

— Не разрешите ли и мне с женихом в баню сходить? Я ему соломки подстелю, чтобы он пятки не испачкал!

Царю что? Он дозволил: «Что один сгорит, что оба!»

Привели дурня с Холодилой в баню, заперли там.

А Холодило разбросал в бане солому — и стало холодно, стены инеем подернулись, в чугунах вода замерзла.

Сколько-то времени прошло, отворили слуги дверь. Смотрят, а дурень жив-здоров, и старичок тоже.

— Эх, вы, — говорит дурень, — да в вашей бане не париться, а разве на салазках кататься!

Побежали слуги к царю. Доложили: Так, мол, и так. Заметался царь, не знает, что и делать, как от дурня избавиться.

Думал-думал и приказал ему:

— Выстави поутру перед моим дворцом целый полк солдат. Выставишь — выдам за тебя дочку. Не выставишь — вон прогоню!

А у самого на уме: «Откуда простому мужику войско достать? Уж этого он выполнить не сможет. Тут-то мы его и выгоним в шею!»

Услышал дурень царский приказ — говорит своим сватам:

— Выручали вы меня, братцы, из беды не раз и не два... А теперь что делать будем?

— Эх, ты, нашел о чем печалиться! — говорит старичок с хвостом. — Да я хоть семь полков с генералами выставлю! Ступай к царю, скажи — будет ему войско!

Пришел дурень к царю.

— Выполню, — говорит, — твой приказ, только в последний раз. А если отговариваться будешь — на себя пеняй!

Рано поутру старик с хвостом кликнул дурня и вышел с ним в поле. Раскидал он вязанку, и появилось несметное войско — и пешее, и конное, и с пушками. Трубачи в трубы трубят, барабанщики в барабаны бьют, генералы команды подают, кони в землю копытами бьют...

Дурень впереди стал, к царскому двору войско повел. Остановился перед дворцом, приказал громче в трубы трубить, сильнее в барабаны бить.

Услышал царь, выглянул в окошко, от испугу белее полотна стал. Приказал он воеводам свое войско выводить, на дурня войной идти.

Бывели воеводы царское войско, стали в дурня стрелять да палить. А дурневы солдаты стеной идут, царское войско мнут, как траву. Напугались воеводы и побежали вспять, а за ними вслед и все царское войско.

Вылез царь из дворца, на коленках перед дурнем ползает, просит дорогие подарки принять да с царевной скорее венчаться.

Говорит дурень царю:

— Теперь ты нам не указчик! У нас свой разум есть!

Прогнал он царя прочь и не велел никогда в то царство возвращаться. А сам на царевне женился.

— Царевна — девка молодая да добрая. На ней никакой вины нет!

И стал он в том царстве жить, всякие дела вершить.

Русская народная сказка

«Добрыня Никитич и Змей Горыныч» — русская народная сказка

Жила-была под Киевом вдова Мамелфа Тимофеевна. Был у нее любимый сын богатырь Добрынюшка. По всему Киеву о Добрыне слава шла: он и статен, и высок, и грамоте обучен, и в бою смел, и на пиру весел. Он и песню сложит, и на гуслях сыграет, и умное слово скажет. Да и нрав Добрыни спокойный, ласковый, никогда он грубого слова не скажет, никого зря не обидит. Недаром прозвали его «тихий Добрынюшка».

Вот раз в жаркий летний день захотелось Добрыне в речке искупаться. Пошел он к матери Мамелфе Тимофеевне:

- Отпусти меня, матушка, съездить к Пучай-реке, в студеной воде искупаться, истомила меня жара летняя.

Разохлаась Мамелфа Тимофеевна, стала Добрыню отговаривать:

- Милый сын мой Добрынюшка, ты не ездил к Пучай-реке. Пучай-река свирепая, сердитая. Из первой струйки огонь сечет, из второй струйки искры сыплются, из третьей струйки дым столбом валит.

- Хорошо, матушка, отпусти хоть по берегу поездить, свежим воздухом подышать.

Отпустила Добрыню Мамелфа Тимофеевна.

Надел Добрыня платье дорожное, покрылся высокой шляпой греческой, взял с собой копье да лук со стрелами, саблю острую да плеточку.

Сел на доброго коня, позвал с собой молодого слугу да в путь и отправился. Едет Добрыня час-другой, жарко палит солнце летнее, припекает Добрыню голову. Забыл Добрыня, что ему матушка наказывала, повернул коня к Пучай-реке.

От Пучай-реки прохладой несет.

Соскочил Добрыня с коня, бросил поводья молодому слуге.

- Ты постой здесь, покарауль коня.

Снял он с головы шляпу греческую, снял одежду дорожную, все оружие на коня сложил и в реку бросился.

Плывет Добрыня по Пучай-речке, удивляется:

- Что мне матушка про Пучай-реку рассказывала? Пучай-река не свирепая, Пучай-река тихая, словно лужица дождевая.

Не успел Добрыня сказать – вдруг потемнело небо, а тучи на небе нет, и дождя-то нет, а гром гремит, и грозы-то нет, а огонь блестит...

Поднял голову Добрыня и видит, что летит к нему Змей Горыныч, страшный змей о трех головах, о семи хвостах, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит, медные когти на лапах блестят.

Увидал Змей Добрыню, громом загремел:

- Эх, старые люди пророчили, что убьет меня Добрыня Никитич, а Добрыня сам в мои лапы пришел. Захочу теперь – живым сожру,

захочу – в свое логово унесу, в плен возьму. Немало у меня в плену русских людей, не хватало только Добрыни.

А Добрыня говорит тихим голосом:

- Ах ты, змея проклятая, ты сначала возьми Добрынюшку, а потом и хвастайся, а пока Добрыня не в твоих руках.

Хорошо Добрыня плавать умел, он нырнул на дно, поплыл под водой, вынырнул у крутого берега, выскочил на берег да к коню своему бросился. А коня и след простыл: испугался молодой слуга рыка змеиноного, вскочил на коня, да и был таков. И увез все оружие Добрынино.

Нечем Добрыне со Змеем Горынычем биться.

А Змей опять к Добрыне летит, сыплет искрами горячими, жжет Добрыне тело белое.

Дрогнуло сердце богатырское.

Поглядел Добрыня на берег – нечего ему в руки взять: ни дубинки нет, ни камешка, только желтый песок на крутом берегу, да валяется его шляпа греческая.

Ухватил Добрыня шляпу греческую, насыпал в нее песку желтого ни много ни мало – пять пудов, да как ударит шляпой Змея Горыныча – и отшиб ему голову.

Повалил он Змея с размаху на землю, придавил ему грудь коленками, хотел отбить еще две головы...

Как взмолился тут Змей Горыныч:

- Ох, Добрынюшка, ох, богатырь, не убивай меня, пусти по свету летать, буду я всегда тебя слушаться. Дам тебе я великий обет: не летать мне к вам на широкую Русь, не брать в плен русских людей. Только ты меня помилуй, Добрынюшка, и не трогай моих змеенышей.

Поддался Добрыня на лукавую речь, поверил Змею Горынычу, отпустил его проклятого.

Только поднялся Змей под облака, сразу повернул к Киеву, полетел к саду князя Владимира. А в ту пору в саду гуляла молодая Забава Путятишна, князя Владимира племянница. Увидал Змей княжну, обрадовался, кинулся на нее из-под облака, ухватил в свои медные когти и унес на горы Сорочинские.

В это время Добрыня слугу нашел, стал надевать платье дорожное, - вдруг потемнело небо, гром загремел. Поднял голову Добрыня и видит: летит Змей Горыныч из Киева, несет в когтях Забаву Путятишну!

Тут Добрыня запечалился – запечалился, закручинился, домой приехал нерадостен, на лавку сел, слова не сказал.

Стала его мать расспрашивать:

- Ты чего, Добрынюшка, невесел сидишь? Ты об чем, мой свет, печалишься?

- Ни об чем не кручинюсь, ни об чем я не печалюсь, а дома мне сидеть невесело. Поеду я в Киев к князю Владимиру, у него сегодня веселый пир.

- Не езжай, Добрынюшка, к князю, недоброе чует мое сердце. Мы и дома пир заведем.

Не послушался Добрыня матушки и поехал в Киев к князю Владимиру.

Приехал Добрыня в Киев, прошел в княжескую горницу. На пиру столы от кушаний ломятся, стоят бочки меда сладкого, а гости не едят, не пьют, опустив головы сидят.

Ходит князь по горнице, гостей не потчует. Княгиня фатой закрылась, на гостей не глядит.

Вот Владимир-князь и говорит:

- Эх, гости мои любимые, невеселый у нас пир идет! И княгине горько, и мне нерадостно. Унес проклятый Змей Горыныч любимую нашу племянницу, молодую Забаву Путятишну. Кто из вас съездит на гору Сорочинскую, отыщет княжну, освободит ее?!

Куда там! Прячутся гости друг за дружку, большие за средних, средние за меньших, а меньшие и рот закрыли.

Вдруг выходит из-за стола молодой богатырь Алеша Попович.

- Вот что, князь Красное Солнышко, был я вчера в чистом поле, видел у Пучай-реки Добрынюшку. Он со Змеем Горынычем побратался, назвал его братом меньшим. Ты пошли к Змею Добрынюшку. Он тебе любимую племянницу без бою у названного братца вы просит.

Рассердился Владимир-князь:

- Коли так, садись, Добрыня, на коня, поезжай на гору Сорочинскую, добывай мне любимую племянницу. А не добудешь Забавы Путятишны – прикажу тебе голову срубить!

Опустил Добрыня буйну голову, ни словечка не ответил, встал из-за стола, сел на коня и домой поехал.

Вышла ему навстречу матушка, видит – на Добрыне лица нет.

- Что с тобой, Добрынюшка, что с тобой, сынок, что на пиру случилось? Обидели тебя или чарой обнесли, или на худое место посадили?

- Не обидели меня, и чарой не обнесли, и место мне было по чину, по званию.

- А чего же ты, Добрыня, голову повесил?

- Велел мне Владимир-князь сослужить службу великую: съездить на гору Сорочинскую, отыскать и добыть Забаву Путятишну. А Забаву Путятишну Змей Горыныч унес.

Ужаснулась Мамелфа Тимофеевна, да не стала плакать и печалиться, а стала над делом раздумывать.

- Ложись-ка, Добрынюшка, спать поскорей, набирайся силушки. Утро вечера мудреней, завтра будем совет держать.

Лег Добрыня спать. Спит, храпит, что поток шумит.

А Мамелфа Тимофеевна спать не ложится, на лавку садится и плетет всю ночь из семи шелков плеточку-семихвосточку.

Утром-светом разбудила мать Добрыню Никитича:

- Вставай, сынок, одевайся, обряжайся, иди в старую конюшню. В третьем стойле дверь не открывается, наполовину в навоз ушла. Понатужься, Добрынюшка, отвори дверь, там увидишь дедова коня Бурушку. Стоит Бурка в стойле пятнадцать лет, по колено ноги в навоз ушли. Ты его почисти, накорми, напои, к крыльцу приведи.

Пошел Добрыня в конюшню, сорвал дверь с петель, вывел Бурушку, привел ко крыльцу. Стал Бурушку заседлывать. Положил на него потничек, сверху потничка войлочек, потом седло черкасское, ценными шелками вышитое, золотом изукрашенное, подтянул двенадцать подпруг, зауздал золотой уздой. Вышла Мамелфа Тимофеевна, подала ему плетку-семихвостку:

- Как приедешь, Добрыня, на гору Сорочинскую, Змея Горыныча дома не случится. Ты конем налети на логово и начни топтать змеенышей. Будут змееныши Бурке ноги оббивать, а ты Бурку плеткой меж ушей хлещи. Станет Бурка подскакивать, с ног змеенышей отряхивать и всех притопчет до единого.

Отломила веточка от яблони, откатилось яблоко от яблоньки, уезжал сын от родимой матушки на трудный, на кровавый бой.

День уходит за днем, будто дождь дождит, а неделя за неделей как река бежит. Едет Добрыня при красном солнышке, едет Добрыня при светлом месяце, выехал на гору Сорочинскую.

А на горе у змеиного логова кишма кишат змееныши. Стали они Бурушке ноги оббивать, стали копыта подтачивать. Бурушка скакать не может, на колени падает. Вспомнил тут Добрыня наказ матери, выхватил плетку семи шелков, стал Бурушку меж ушами бить, приговаривать:

- Скачи, Бурушка, подскакивай, прочь от ног змеенышей отряхивай.

От плетки у Бурушки силы прибыло, стал он высоко скакать, за версту камешки откидывать, стал прочь от ног змеенышей

отряхивать. Он их копытом бьет и зубами рвет и притоптал всех до единого.

Сошел Добрыня с коня, взял в правую руку саблю острую, в левую – богатырскую палицу и пошел к змеиным пещерам.

Только шаг ступил – потемнело небо, гром загремел: летит Змей Горыныч, в когтях мертвое тело держит. Из пасти огонь сечет, из ушей дым валит, медные когти как жар горят...

Увидал Змей Добрынюшку, бросил мертвое тело наземь, зарычал громким голосом:

- Ты зачем, Добрыня, наш обет сломал, потоптал моих детенышей?

- Ах ты, змея проклятая! Разве я слово наше нарушил, обет сломал? Ты зачем летал, Змей, к Киеву, ты зачем унес Забаву Путятишну?! Отдавай мне княжну без боя, так я тебя прощу.

- Не отдам я Забаву Путятишну, я ее сожру, и тебя сожру, и всех русских людей в полон возьму!

Рассердился Добрыня и на Змея бросился.

И пошел тут жестокий бой.

Горы Сорочинские посыпались, дубы с корнями вы вернулись, трава на аршин в землю ушла...

Бьются они три дня и три ночи; стал Змей Добрыню одолевать, стал подкидывать, стал подбрасывать... Вспомнил тут Добрыня про плеточку, выхватил ее и давай Змея между ушей стегать. Змей Горыныч на колени упал, а Добрыня его левой рукой к земле при жал, а правой рукой плеткой охаживает. Бил, бил его плеткой шелковой, укротил как скотину и отрубил все головы.

Хлынула из Змея черная кровь, разлилась к востоку и к западу, залила Добрыню до пояса.

Трое суток стоит Добрыня в черной крови, стынут его ноги, холод до сердца добирается. Не хочет русская земля змеиную кровь принимать.

Видит Добрыня, что ему конец пришел, вынул плеточку семи шелков, стал землю хлестать, приговаривать:

- Расступись ты, мать-сыра земля, и пожри кровь змеиную.

Расступилась сырая земля и пожрала кровь змеиную.

Отдохнул Добрыня Никитич, вымылся, пообчистил доспехи богатырские и пошел к змеиным пещерам. Все пещеры медными дверями затворены, железными засовами заперты, золотыми замками увешаны.

Разбил Добрыня медные двери, сорвал замки и за совы, зашел в первую пещеру. А там видит царей и царевичей, королей и королевичей с сорока земель, с сорока стран, а простых воинов и не сосчитать.

Говорит им Добрынюшка:

- Эй же вы, цари иноземные и короли чужестранные и простые воины! Выходите на вольный свет, разъезжайтесь по своим местам да вспоминайте русского богатыря. Без него вам бы век сидеть в змеином плену.

Стали выходить они на волю, в землю Добрыне кланяться:

- Век мы тебя помнить будем, русский богатырь!

А Добрыня дальше идет, пещеру за пещерой открывает, пленных людей освобождает. Выходят на свет и старики, и молодухи, детки малые и бабки старые, русские люди и из чужих стран, а Забавы Путятишны нет как нет.

Так прошел Добрыня одиннадцать пещер, а в двенадцатой нашел Забаву Путятишну: висит княжна на сырой стене, за руки золотыми цепями прикована. Оторвал цепи Добрынюшка, снял княжну со стены, взял на руки, на вольный свет из пещеры вынес.

А она на ногах стоит-шатается, от света глаза закрывает, на Добрыню не смотрит. Уложил ее Добрыня на зеленую траву, накормил-напоил, плащом прикрыл, сам отдохнуть прилег.

Вот скатилось солнце к вечеру, проснулся Добрыня, оседлал Бурушку и разбудил княжну. Сел Добрыня на коня, посадил Забаву

вперед себя и в путь тронулся. А кругом народу и счету нет, все Добрыне в пояс кланяются, за спасение благодарят, в свои земли спешат.

Выехал Добрыня в желтую степь, пришпорил коня и повез Забаву Путятишну к Киеву.

«Иван царевич и серый волк»

В некотором было царстве, в некотором государстве был-жил царь, по имени Выслав Андронович. У него было три сына-царевича: первый — Димитрий-царевич, другой — Василий-царевич, а третий — Иван-царевич.

У того царя Выслава Андроновича был сад такой богатый, что ни в котором государстве лучше того не было; в том саду росли разные дорогие деревья с плодами и без плодов, и была у царя одна яблоня любимая, и на той яблоне росли яблочки все золотые. Повадилась к царю Выславу в сад летать жар-птица; на ней перья золотые, а глаза восточному хрусталию подобны. Летала она в тот сад каждую ночь и садилась на любимую Выслава-царя яблоню, срывала с нее золотые яблочки и опять улетала.

Царь Выслав Андронович весьма крушился о той яблоне, что жар-птица много яблок с нее сорвала; почему призвал к себе трех своих сыновей и сказал им:

— Дети мои любезные! Кто из вас может поймать в моем саду жар-птицу? Кто изловит ее живую, тому еще при жизни моей отдам половину царства, а по смерти и все.

Тогда дети его царевичи возопили единогласно:

— Милостивый государь-батюшка, ваше царское величество! Мы с великою радостью будем стараться поймать жар-птицу живую. На первую ночь пошел караулить в сад Димитрий-царевич и, усевшись под ту яблоню, с которой жар-птица яблочки срывала, заснул и не слышал, как та жар-птица прилетала и яблок весьма много ощипала.

Поутру царь Выслав Андронович призвал к себе своего сына Димитрия-царевича и спросил:

— Что, сын мой любезный, видел ли ты жар-птицу или нет?

Он родителю своему отвечал:

— Нет, милостивый государь-батюшка! Она эту ночь не прилетала. На другую ночь пошел в сад караулить жар-птицу Василий-царевич. Он сел под ту же яблоню и, сидя час и другой ночи, заснул так крепко, что не слышал, как жар-птица прилетала и яблочки щипала.

Поутру царь Выслав Призвал его к себе и спрашивал:

— Что, сын мой любезный, видел ли ты жар-птицу или нет?

— Милостивый государь-батюшка! Она эту ночь не прилетала.

На третью ночь пошел в сад караулить Иван-царевич и сел под ту же яблонь; сидит он час, другой и третий — вдруг осветило весь сад так, как бы он многими огнями освещен был: прилетела жар-птица, села на яблоню и начала щипать яблочки.

Иван-царевич подкрался к ней так искусно, что ухватил ее за хвост; однако не мог ее удержать: жар-птица вырвалась и полетела, и осталось у Ивана-царевича в руке только одно перо из хвоста, за которое он весьма крепко держался.

Поутру, лишь только царь Выслав от сна пробудился, Иван-царевич пошел к нему и отдал ему перышко жар-птицы.

Царь Выслав весьма был обрадован, что меньшому его сыну удалось хотя одно перо достать от жар-птицы.

Это перо было так чудно и светло, что ежели принести его в темную горницу, то оно так сияло, как бы в том покое было зажжено великое множество свеч. Царь Выслав положил то перышко в свой кабинет как такую вещь, которая должна вечно храниться. С тех пор жар-птица не латала уже в сад.

Царь Выслав опять призвал к себе детей своих и говорил им:

— Дети мои любезные! Поезжайте, я даю вам свое благословение, отыщите жар-птицу и привезите ко мне живую; а что прежде я обещал, то, конечно, получит тот, кто жар-птицу ко мне привезет. Димитрий и Василий-царевичи начали иметь злобу на меньшего своего брата Ивана-царевича, что ему удалось выдернуть у жар-птицы из хвоста перо; взяли они у отца своего благословение и поехали двое отыскивать жар-птицу.

А Иван-царевич также начал у родителя своего просить на то благословения. Царь Выслав сказал ему:

— Сын мой любезный, чадо мое милое! Ты еще молод и к такому дальнему и трудному пути непривычен; зачем тебе от меня отлучаться? Ведь братья твои и так поехали. Ну, ежели и ты от меня уедешь, и вы все трое долго не возвратитесь? Я уже при старости и хожу под богом; ежели во время отлучки вашей господь бог отымет мою жизнь, то кто вместо меня будет управлять моим царством? Тогда может сделаться бунт или несогласие между нашим народом, а унять будет некому; или неприятель под наши области подступит, а управлять войсками нашими будет некому.

Однако сколько царь Выслав ни старался удерживать Ивана-царевича, но никак не мог не отпустить его, по его неотступной просьбе. Иван-царевич взял у родителя своего благословение, выбрал себе коня, и поехал в путь, и ехал, сам не зная, куды едет. Едучи путем-дорогою, близко ли, низко ли, высоко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, наконец приехал он в чистое поле, в зеленые луга. А в чистом поле стоит столб, а на столбу написаны эти слова: «Кто поедет от столба сего прямо, тот будет голоден и холоден; кто поедет в правую сторону, тот будет здоров и жив, а конь его будет мертв; а кто поедет в левую сторону, тот сам будет убит, а конь его жив и здоров останется».

Иван-царевич прочел эту надпись и поехал в правую сторону, держа на уме: хотя конь его и убит будет, зато сам жив останется и со временем может достать себе другого коня.

Он ехал день, другой и третий — вдруг вышел ему навстречу пребольшой серый волк и сказал:

— Ох ты гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! Ведь ты читал, на столбе написано, что конь твой будет мертв; так зачем сюда едешь? Волк вымолвил эти слова, разорвал коня Ивана-царевича надвое и

пошел прочь в сторону.

Иван-царевич вельми сокрушался по своему коню, заплакал горько и пошел пеший.

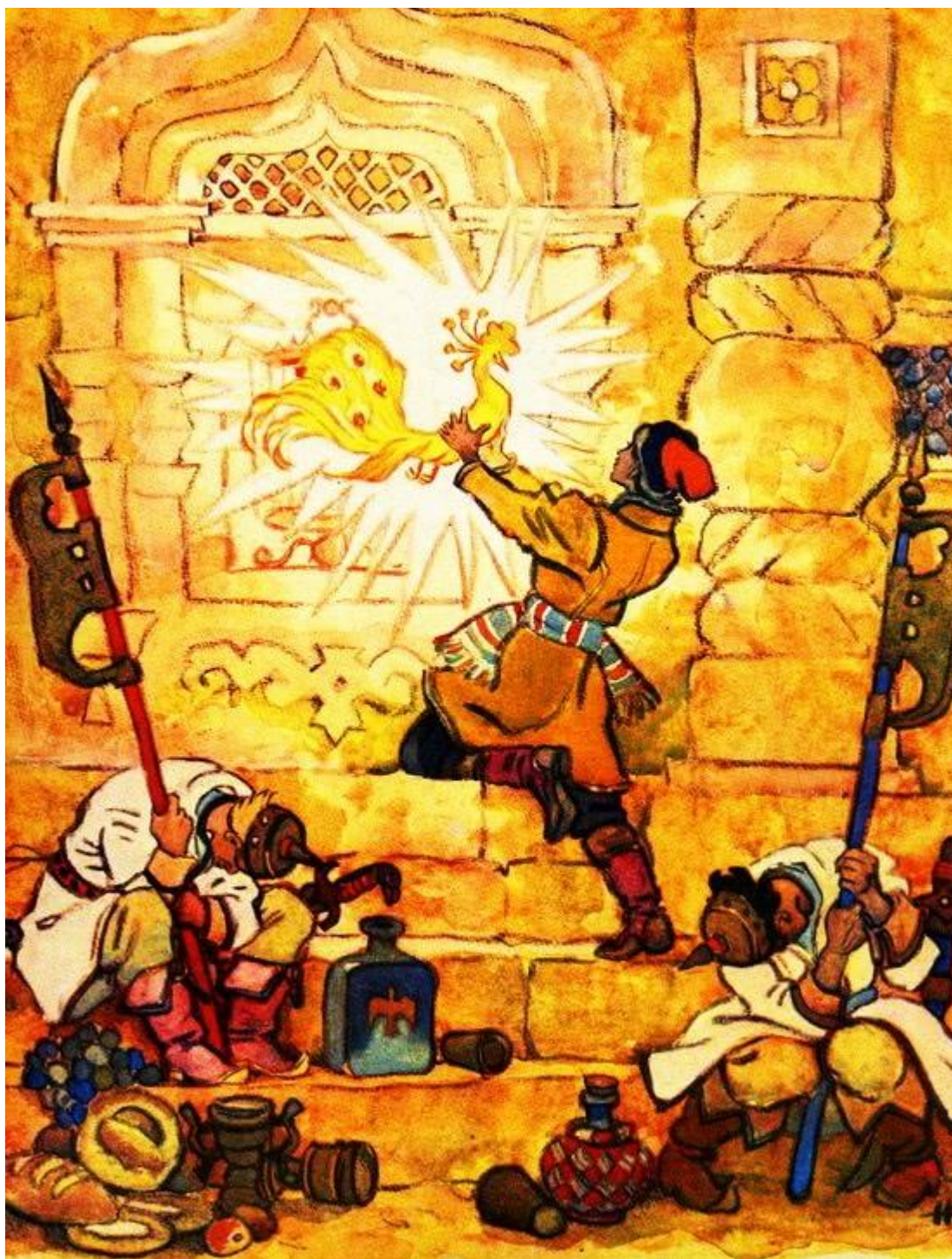
Он шел целый день и устал несказанно и только что хотел присесть отдохнуть, вдруг нагнал его серый волк и сказал ему:

— Жаль мне тебя, Иван-царевич, что ты пеш изнурился; жаль мне и того, что я заел твоего доброго коня. Добро! Садись на меня, на серого волка, и скажи, куда тебя везти и зачем?

Иван-царевич сказал серому волку, куды ему ехать надобно; и серый волк помчался с ним пуще коня и чрез некоторое время как раз ночью привез Ивана-царевича к каменной стене не гораздо высокой, остановился и сказал:

— Ну, Иван-царевич, слезай с меня, с серого волка, и полезай через эту каменную стену; тут за стеною сад, а в том саду жар-птица сидит в золотой клетке. Ты жар-птицу возьми, а золотую клетку не трогай; ежели клетку возьмешь, то тебе оттуда не уйти будет: тебя тотчас поймают!

Иван-царевич перелез через каменную стену в сад, увидел жар-птицу в золотой клетке и очень на нее прельстился. Вынул птицу из клетки и пошел назад, да потом одумался и сказал сам себе:

— Что я взял жар-птицу без клетки, куда я ее посажу?

Воротился и лишь только снял золотую клетку — то вдруг пошел стук и гром по всему саду, ибо к той золотой клетке были струны приведены. Караульные тотчас проснулись, прибежали в сад,

поймали Ивана-царевича с жар-птицею и привели к своему царю, которого звали Долматом.

Царь Долмат весьма разгневался на Ивана-царевича и вскричал на него громким и сердитым голосом:

— Как не стыдно тебе, молодой юноша, воровать! Да кто ты таков, и которых земли, и какого отца сын, и как тебя по имени зовут?

Иван-царевич ему молвил:

— Я есмь из царства Выславова, сын царя Выслава Андроновича, а зовут меня Иван-царевич. Твоя жар-птица повадилась к нам летать в сад по всякую ночь, и срывала с любимой отца моего яблони золотые яблочки, и почти все дерево испортила; для того послал меня мой родитель, чтобы сыскать жар-птицу и к нему привезть.

— Ох ты, молодой юноша, Иван-царевич, — молвил царь Долмат, — пригоже ли так делать, как ты сделал? Ты бы пришел ко мне, я бы тебе жар-птицу честью отдал; а теперь хорошо ли будет, когда я разошлю во все государства о тебе объявить, как ты в моем государстве нечестно поступил? Однако слушай, Иван-царевич! Ежели ты сослужишь мне службу — съездишь за тридевять земель, в тридесятое государство, и достанешь мне от царя Афрона коня златогривого, то я тебя в твоей вине прощу и жар-птицу тебе с великою честью отдам; а ежели не сослужишь этой службы, то дам о тебе знать во все государства, что ты нечестный вор.

Иван-царевич пошел от царя Долмата в великой печали, обещая ему достать коня златогривого.

Пришел он к серому волку и рассказал ему обо всем, что ему царь Долмат говорил.

— Ох ты гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! — молвил ему серый волк. — Для чего ты слова моего не слушался и взял золотую клетку?

— Виноват я перед тобою, сказал волку Иван-царевич.

— Добро, быть так! — молвил серый волк. — Садись на меня, на серого волка; я тебя свезу, куды тебе надобно.

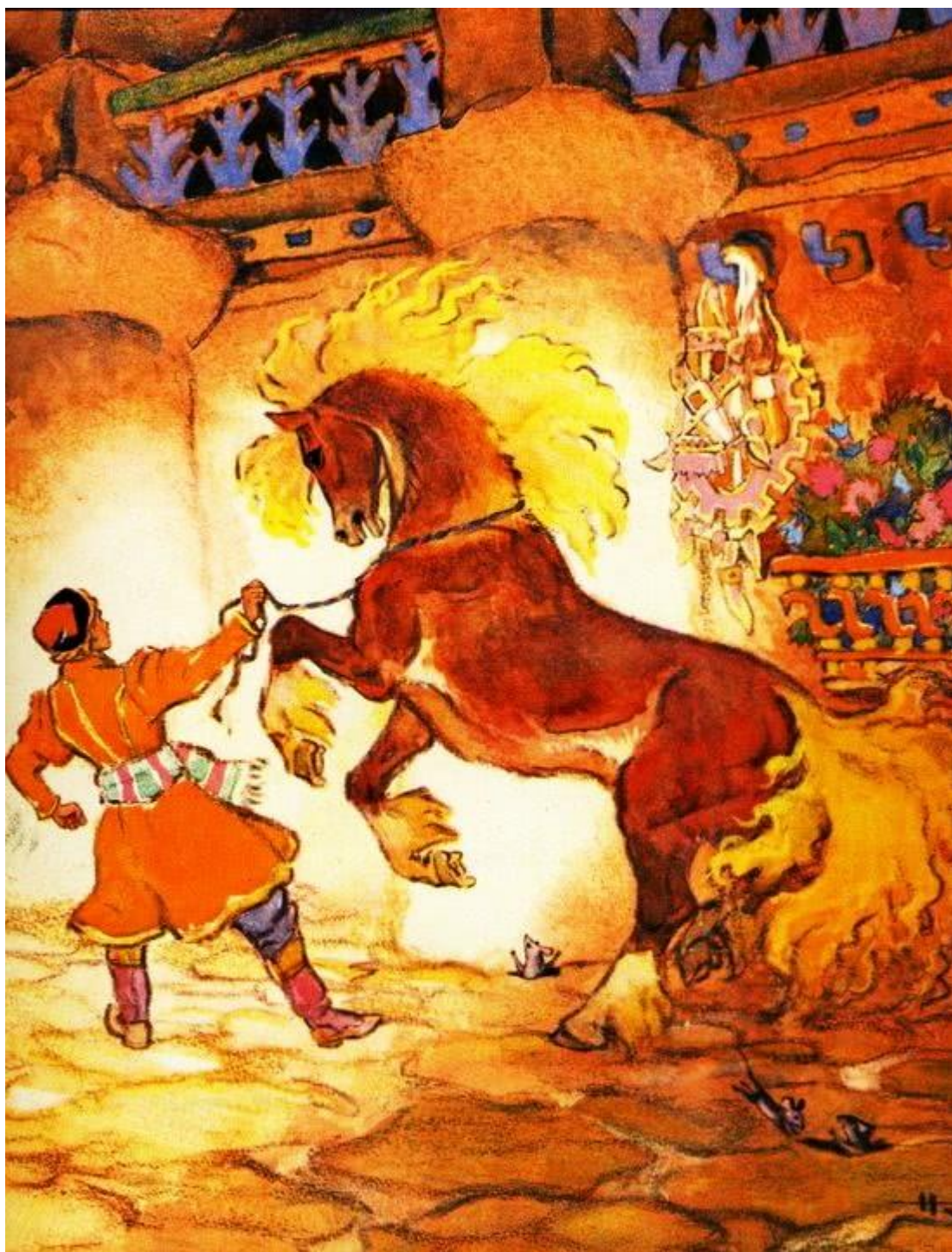

Иван-царевич сел серому волку на спину; а волк побежал так скоро, аки стрела, и бежал он долго ли, коротко ли, наконец прибежал в государство царя Афрона ночью.

И, пришедши к белокаменным царским конюшням, серый волк Ивану-царевичу сказал:

— Ступай, Иван-царевич, в эти белокаменные конюшни (теперь караульные конюхи все крепко спят!) и бери ты коня златогривого. Только тут на стене висит золотая узда, ты ее не бери, а то худо тебе будет.

Иван-царевич, вступя в белокаменные конюшни, взял коня и пошел было назад; но увидел на стене золотую узду и так на нее прельстился, что снял ее с гвоздя, и только что снял — как вдруг пошел гром и шум по всем конюшням, потому что к той узде были струны приведены. Караульные конюхи тотчас проснулись, прибежали, Ивана-царевича поймали и повели к царю Афрону.

Царь Афрон начал его спрашивать:

— Ох ты гой еси, молодой юноша! Скажи мне, из которого ты государства, и которого отца сын, и как тебя по имени зовут?

На то отвечал ему Иван-царевич:

— Я сам из царства Выславова, сын царя Выслава Андроновича, а зовут меня Иваном-царевичем.

— Ох ты, молодой юноша, Иван-царевич! — сказал ему царь Афрон.

— Честного ли рыцаря это дело, которое ты сделал? Ты бы пришел ко мне, я бы тебе коня златогривого с честью отдал. А теперь хорошо ли тебе будет, когда я разошлю во все государства объявить, как ты нечестно в моем государстве поступил? Однако слушай, Иван-царевич! Ежели ты сослужишь мне службу и съездишь за тридевять земель, в тридесятое государство, и достанешь мне королевну Елену Прекрасную, в которую я давно и душою и сердцем влюбился, а достать не могу, то я тебе эту вину прощу и коня златогривого с золотою уздою честно отдам. А ежели этой службы мне не сослужишь, то я о тебе дам знать во все государства, что ты нечестный вор, и пропишу все, как ты в моем государстве дурно сделал.

Тогда Иван-царевич обещался царю Афрону королевну Елену Прекрасную достать, а сам пошел из палат его и горько заплакал. Пришел к серому волку и рассказал все, что с ним случилось.

— Ох ты гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! — молвил ему серый волк. — Для чего ты слова моего не слушался и взял золотую узду?

— Виноват я пред тобою, — сказал волку Иван-царевич.

— Добро, быть так! — продолжал серый волк. — Садись на меня, на серого волка; я тебя свезу, куды тебе надобно.

Иван-царевич сел серому волку на спину; а волк побежал так скоро, как стрела, и бежал он, как бы в сказке сказать, недолгое время и, наконец, прибежал в государство королевны Елены Прекрасной. И, пришедши к золотой решетке, которая окружала чудесный сад, волк сказал Ивану-царевичу:

— Ну, Иван-царевич, слезай теперь с меня, с серого волка, и ступай назад по той же дороге, по которой мы сюда пришли, и ожидай меня в чистом поле под зеленым дубом.

Иван-царевич пошел, куда ему велено. Серый же волк сел близ той золотой решетки и дожидался, покуда пойдет прогуляться в сад королевна Елена Прекрасная.

К вечеру, когда солнышко стало гораздо опускаться к западу, почему и в воздухе было не очень жарко, королевна Елена Прекрасная пошла в сад прогуливаться со своими нянюшками и с придворными боярынями. Когда она вошла в сад и подходила к тому месту, где серый волк сидел за решеткою, — вдруг серый волк перескочил через решетку в сад и ухватил королевну Елену

Прекрасную, перескочил назад и побежал с нею что есть силы-мочи. Прибежал в чистое поле под зеленый дуб, где его Иван-царевич дожидался, и сказал ему:

— Иван-царевич, садись поскорее на меня, на серого волка!

Иван-царевич, сел на него, а серый волк помчал их обоих к государству царя Афрона.

Няньки, и мамки, и все боярыни придворные, которые гуляли в саду с прекрасною королевною Еленою, побежали тотчас во дворец и послали в погоню, чтоб догнать серого волка; однако сколько гонцы ни гнались, не могли нагнать и воротились назад.

Иван-царевич, сидя на сером волке вместе с прекрасною королевною Еленою, возлюбил ее сердцем, а она Ивана-царевича; и когда серый волк прибежал в государство царя Афрона и Ивану-царевичу надобно было отвести прекрасную королевну Елену во дворец и отдать царю, тогда царевич весьма запечалился и начал слезно плакать.

Серый волк спросил его:

— О чем ты плачешь, Иван-царевич?

На то ему Иван-царевич отвечал:

— Друг мой, серый волк! Как мне, доброму молодцу, не плакать и не крушиться? Я сердцем возлюбил прекрасную королевну Елену, а теперь должен отдать ее царю Афрону за коня златогривого, а ежели ее не отдам, то царь Афрон обесчестит меня во всех государствах.

— Служил я тебе много, Иван-царевич, — сказал серый волк, — сослужу и эту службу. Слушай, Иван-царевич; я сделаюсь прекрасной королевной Еленой, и ты меня отведи к царю Афрону и возьми коня златогривого; он меня почтет за настоящую королевну. И когда ты сядешь на коня златогривого и уедешь далеко, тогда я выпрошусь у царя Афрона в чистое поле погулять; и как он меня отпустит с нянюшками, и с мамушками, и со всеми придворными боярынями и буду я с ними в чистом поле, тогда ты меня вспомни — и я опять у тебя буду.

Серый волк вымолвил эти речи, ударился о сыру землю — и стал прекрасною королевною Еленою, так что никак и узнать нельзя, чтоб то не она была.

Иван-царевич взял серого волка, пошел во дворец к царю Афрону, а прекрасной королевне Елене велел дожидаться за городом.

Когда Иван-царевич пришел к царю Афрону с мнимою Еленою Прекрасною, то царь вельми возрадовался в сердце своем, что получил такое сокровище, которого он давно желал. Он принял ложную королевну, а коня златогривого вручил Ивану-царевичу. Иван-царевич сел на того коня и выехал за город; посадил с собою Елену Прекрасную и поехал, держа путь к государству царя Долмата. Серый же волк живет у царя Афрона день, другой и третий вместо прекрасной королевны Елены, а на четвертый день пришел к царю Афрону проситься в чистом поле погулять, чтоб разбить тоску-печаль лютую. Как возговорил ему царь Афрон:

— Ах, прекрасная моя королевна Елена! Я для тебя все сделаю, отпущу тебя в чистое поле погулять.

И тотчас приказал нянюшкам, и мамушкам, и всем придворным боярыням с прекрасною королевною идти в чистое поле гулять.

Иван же царевич ехал путем-дорогою с Еленою Прекрасною, разговаривал с нею и забыл было про серого волка; да потом вспомнил:

— Ах, где-то мой серый волк?

Вдруг откуда ни взялся — стал он перед Иваном-царевичем и сказал ему:

— Садись, Иван-царевич, на меня, на серого волка, а прекрасная королевна пусть едет на коне златогривом.

Иван-царевич сел на серого волка, и поехали они в государство царя Долмата. Ехали они долго ли, коротко ли и, доехав до того государства, за три версты от города остановились. Иван-царевич начал просить серого волка:

— Слушай ты, друг мой любезный, серый волк! Сослужил ты мне

много служб, сослужи мне и последнюю, а служба твоя будет вот какая: не можешь ли ты оборотиться в коня златогривого наместо этого, потому что с этим златогривым конем мне расстаться не хочется.

Вдруг серый волк ударился о сырую землю — и стал конем златогривым.

Иван-царевич, оставя прекрасную королевну Елену в зеленом лугу, сел на серого волка и поехал во дворец к царю Долмату.

И как скоро туда приехал, царь Долмат увидел Ивана-царевича, что едет он на коне златогривом, весьма обрадовался, тотчас вышел из палат своих, встретил царевича на широком дворе, поцеловал его во уста сахарные, взял его за правую руку и повел в палаты белокаменные.

Царь Долмат для такой радости велел сотворить пир, и они сели за столы дубовые, за скатерти браные; пили, ели, забавлялись и веселились ровно два дня, а на третий день царь Долмат вручил Ивану-царевичу жар-птицу с золотою клеткою.

Царевич взял жар-птицу, пошел за город, сел на коня златогривого вместе с прекрасной королевной Еленою и поехал в свое отечество, в государство царя Выслава Андроновича.

Царь же Долмат вздумал на другой день своего коня златогривого объездить в чистом поле; велел его оседлать, потом сел на него и поехал в чистое поле; и лишь только разъярил коня, как он сбросил с себя царя Долмата и, оборотясь по-прежнему в серого волка, побежал и нагнал Ивана-царевича.

— Иван-царевич! — сказал он. — Садись на меня, на серого волка, а королевна Елена Прекрасная пусть едет на коне златогривом.

Иван-царевич сел на серого волка, и поехали они в путь. Как скоро довез серый волк Ивана-царевича до тех мест, где его коня разорвал, он остановился и сказал:

— Ну, Иван-царевич, послужил я тебе довольно верою и правдою.

Вот на сем месте разорвал я твоего коня надвое, до этого места и довез тебя. Слезай с меня, с серого волка, теперь есть у тебя конь златогривый, так ты сядь на него и поезжай, куда тебе надобно; а я тебе больше не слуга.

Серый волк вымолвил эти слова и побежал в сторону; а Иван-царевич заплакал горько по сером волке и поехал в путь свой с прекрасною королевною.

Долго ли, коротко ли ехал он с прекрасною королевною Еленою на коне златогривом и, не доехав до своего государства за двадцать верст, остановился, слез с коня и вместе с прекрасною королевною лег отдохнуть от солнечного зною под деревом; коня златогривого привязал к тому же дереву, а клетку с жар-птицею поставил подле себя.

Лежа на мягкой траве и ведя разговоры любовные, они крепко уснули.

В то самое время братья Ивана-царевича, Дмитрий и Василий-царевичи, езда по разным государствам и не найдя жар-птицы, возвращались в свое отечество с порожними руками; нечаянно наехали они на своего сонного брата Ивана-царевича с прекрасною королевною Еленою.

Увидя на траве коня златогривого и жар-птицу в золотой клетке, весьма на них прельстились и вздумали брата своего Ивана-царевича убить до смерти.

Дмитрий-царевич вынул из ножен меч свой, заколол Ивана-царевича и изрубил его на мелкие части; потом разбудил прекрасную королевну Елену и начал ее спрашивать:

— Прекрасная девица! Которого ты государства, и какого отца дочь, и как тебя по имени зовут?

Прекрасная королевна Елена, увидя Ивана-царевича мертвого, крепко испугалась, стала плакать горькими слезами и во слезах говорила:

— Я королевна Елена Прекрасная, а достал меня Иван-царевич,

которого вы злой смерти предали. Вы тогда б были добрые рыцари, если б выехали с ним в чистое поле да живого победили, а то убили сонного и тем какую себе похвалу получите? Сонный человек — что мертвый!

Тогда Димитрий-царевич приложил свой меч к сердцу прекрасной королевны Елены и сказал ей:

— Слушай, Елена Прекрасная! Ты теперь в наших руках; мы повезем тебя к нашему батюшке, царю Выславу Андроновичу, и ты скажи ему, что мы и тебя достали, и жар-птицу, и коня златогривого. Ежели этого не скажешь, сейчас тебя смерти предам!

Прекрасная королевна Елена, испугавшись смерти, обещалась им и клялась всею святынею, что будет говорить так, как ей велено.

Тогда Димитрий-царевич с Васильем-царевичем начали метать жребий, кому достанется прекрасная королевна Елена и кому конь златогривый? И жребий пал, что прекрасная королевна должна достаться Василию-царевичу, а конь златогривый Димитрию-царевичу.

Тогда Василий-царевич взял прекрасную королевну Елену, посадил на своего доброго коня, а Димитрий-царевич сел на коня златогривого и взял жар-птицу, чтобы вручить ее родителю своему, царю Выславу Андроновичу, и поехали в путь.

Иван-царевич лежал мертв на том месте ровно тридцать дней, и в то время набежал на него серый волк и узнал по духу Ивана-царевича. Захотел помочь ему — оживить, да не знал, как это сделать.

В то время увидел серый волк одного ворона и двух воронят, которые летали над трупом и хотели спуститься на землю и наесться мяса Ивана-царевича. Серый волк спрятался за куст, и как скоро воронята спустились на землю и начали есть тело Ивана-царевича, он выскочил из-за куста, схватил одного вороненка и хотел было разорвать его надвое. Тогда ворон спустился на землю, сел поодаль от серого волка и сказал ему:

— Ох ты гой еси, серый волк! Не трогай моего младого детища;

ведь он тебе ничего не сделал.

— Слушай, ворон воронович! — молвил серый волк. — Я твоего детища не трону и отпущу здрава и невредима, когда ты мне сослужишь службу: слетаешь за тридевять земель, в тридесятое государство, и принесешь мне мертвой и живой воды.

На то ворон воронович сказал серому волку:

— Я тебе службу эту сослужу, только не тронь ничем моего сына.

Выговоря эти слова, ворон полетел и скоро скрылся из виду.

На третий день ворон прилетел и принес с собой два пузырька: в одном — живая вода, в другом — мертвая, и отдал те пузырьки серому волку.

Серый волк взял пузырьки, разорвал вороненка надвое, sprysнул его мертвою водою — и тот вороненок сросся, sprysнул живою водою — вороненок встрепенулся и полетел. Потом серый волк sprysнул Ивана-царевича мертвою водою — его тело сросло, sprysнул живою водою — Иван-царевич встал и промолвил:

— Ах, куды как я долго спал!

На то сказал ему серый волк:

— Да, Иван-царевич, спать бы тебе вечно, кабы не я; ведь тебя братья твои изрубили и прекрасную королевну Елену, и коня златогривого, и жар-птицу увезли с собою. Теперь поспешай как можно скорее в свое отечество; брат твой, Василий-царевич, женится сегодня на твоей невесте — прекрасной королевне Елене. А чтоб тебе поскорее туда поспеть, садись лучше на меня, на серого волка; я тебя на себе донесу.

Иван-царевич сел на серого волка, волк побежал с ним в государство царя Выслава Андроновича и долго ли, коротко ли, — прибежал к городу.

Иван-царевич слез с серого волка, пошел в город и, пришедши во дворец, застал, что брат его Василий-царевич женится на прекрасной королевне Елене: воротился с нею от венца и сидит за столом.

Иван-царевич вошел в палаты, и как скоро Елена Прекрасная увидела его, тотчас выскочила из-за стола, начала целовать его в уста сахарные и закричала:

— Вот мой любезный жених, Иван-царевич, а не тот злодей, который за столом сидит!

Тогда царь Выслав Андронович встал с места и начал прекрасную королевну Елену спрашивать, что бы такое то значило, о чем она говорила? Елена Прекрасная рассказала ему всю истинную правду, что и как было: как Иван-царевич добыл ее, коня златогривого и жар-птицу, как старшие братья убили его сонного до смерти и как страшали ее, чтоб говорила, будто все это они достали.

Царь Выслав весьма осердился на Димитрия и Василья-царевичей и посадил их в темницу; а Иван-царевич женился на прекрасной королевне Елене и начал с нею жить дружно, любовно, так что один без другого ниже единой минуты пробыть не могли.

Илья-Муромец и Соловей-Разбойник

Скачет Илья Муромец во всю конскую прыть. Его конь, Бурушка-Косматушка с горы на гору перескакивает, реки-озера перепрыгивает, холмы перелетает. Доскакали они до Брынских лесов, дальше Бурушке скакать нельзя: разлеглись болота зыбучие, конь по брюхо в воде тонет. Соскочил Илья с коня. Он левой рукой Бурушку поддерживает, а правой рукой дубы с корнем рвет, настилает через болото настилы дубовые. Тридцать верст Илья настилов настелил - до сих пор по ним люди добрые ездят.

Так дошел Илья до речки Смородиной. Течет река широкая, бурливая, с камня на камень перекачивается. Заржал конь Бурушка, взвился выше темного леса и одним скачком перепрыгнул реку. А за рекой сидит Соловей-разбойник на трех дубах, на девяти суках. Мимо тех дубов ни сокол не пролетит, ни зверь не пробежит, ни змей не проползет. Все боятся Соловья-разбойника, никому умирать не хочется... Услыхал Соловей конский скок, привстал на дубах, закричал страшным голосом:

- Что это за невежа проезжает тут, мимо моих заповедных дубов? Спать не дает Соловью-разбойнику!

Да как засвищет он по-соловьиному, зарычит по-звериному, зашипит по-змеиному, так вся земля дрогнула, столетние дубы покачнулись, цветы осыпались, трава полегла. Бурушка-Косматушка на колени упал. А Илья в седле сидит, не шевельнется, русые кудри на голове не дрогнут. Взял он плетку шелковую, ударил коня по крутым бокам.

- Травяной ты мешок, не богатырский конь. Не слыхал ты разве писка птичьего, шипения гадючьего. Вставай на ноги, подвези меня ближе к Соловьиному гнезду, не то волкам тебя брошу на съедение.

Тут вскочил Бурушка на ноги, подскакал к Соловьиному гнезду. Удивился Соловей-разбойник

- Это что такое?

Из гнезда высунулся. А Илья, ни минуточки не мешкая, натянул тугой лук, спустил каленую стрелу, небольшую стрелу, весом в целый пуд. Взвыла тетива, полетела стрела, угодила Соловью в правый глаз, вылетела через левое ухо. Покатился Соловей из гнезда, словно овсяной сноп. Подхватил его Илья на руки, связал крепко ремнями сыромятными, подвязал к левому стремени.

Глядит Соловей на Илью, слово вымолвить боится.

- Что глядишь на меня, разбойник, или русских богатырей не видывал?

- Ох, попал я в крепкие руки, видно не бывать мне больше на волюшке!

Поскакал Илья дальше по прямой дороге и прискакал на подворье Соловья-разбойника. У него двор на семи верстах, на семи столбах, у него вокруг железный тын, на каждой тычинке по маковке, на каждой маковке голова богатыря убитого. А на дворе стоят палаты белокаменные, как жар горят крылечки золоченые.

Увидала дочка Соловья богатырского коня, закричала на весь двор:

- Едет, едет наш батюшка Соловей Рахманович, везет у стремени мужичишку-деревенщину.

Выглянула в окно жена Соловья-разбойника, руками всплеснула:

- Что ты говоришь, неразумная! Это едет мужик-деревенщина и у стремени везет нашего батюшку - Соловья Рахмановича!

Выбежала старшая дочка Соловья - Пелька - во двор, ухватила доску железную, весом в девяносто пудов и метнула ее в Илью Муромца. Но Илья ловок да увертлив был, отмахнулся он от доски богатырской рукой, полетела доска обратно, попала в Пельку и убила ее до смерти. Бросилась жена Соловья Илье в ноги:

- Ты возьми у нас, богатырь, серебра, золота, бесценного жемчуга, сколько может увезти твой богатырский конь, отпусти только нашего батюшку, Соловья-разбойника.

Говорит ей Илья в ответ:

- Мне подарков несправедливых не нужно. Они добыты слезами детскими, они политы кровью русской, нажиты нуждой крестьянской. Как в руках разбойник - он всегда тебе друг, а отпустишь - снова с ним заплачешься. Я свезу Соловья в Киев-город, там на квас пропью, на калачи проем.

Повернул Илья коня и поскакал к Киеву. Приумолк Соловей, не шелохнется. Едет Илья по Киеву, подъезжает к палатам княжеским. Привязал он коня к столбику точеному, оставил на нем Соловья-разбойника, а сам пошел в светлую горницу. Там у князя Владимира пир идет, за столами сидят богатыри русские. Вошел Илья, поклонился, стал у порога:

- Здравствуй, князь Владимир с княгиней Апраксией, принимаешь ли к себе заезжего молодца?

Спрашивает его Владимир Красное Солнышко:

- Ты откуда, добрый молодец, как тебя зовут? Какого ты роду-племени?

- Зовут меня Ильей. Я из-под Муром. Крестьянский сын из села Карачарова. Ехал я из Чернигова дорогой прямой, широкой. Я привез тебе, князь, Соловья-разбойника, он на твоём дворе у коня моего привязан. Ты не хочешь ли поглядеть на него?

Повскакали тут с мест князь с княгиней и все богатыри, поспешили за Ильей на княжеский двор. Подбежали к Бурушке-Косматушке. А разбойник висит у стремени, травяным мешком висит, по рукам-ногам ремнями связан. Лёвым глазом он глядит на Киев и на князя Владимира.

Говорит ему князь Владимир:

- Ну-ка засвищи по-соловьёному, зарычи по-звериному!

Не глядит на него Соловей-разбойник, не слушает:

- Не ты меня с бою брал, не тебе мне приказывать.

Просит тогда Владимир-князь Илью Муромца:

- Прикажи ты ему, Илья Иванович.

- Хорошо, только ты на меня, князь, не гневайся, закрою я тебя с княгиней полами моего кафтана крестьянского, не то, как бы беды не было. А ты, Соловей Рахманович, делай, что тебе приказано.

- Не могу я свистеть, у меня во рту запеклось.

- Дайте Соловью чару сладкого вина в полтора ведра, да другую пива горького, да третью меду хмельного, закусить дайте калачом ржаным, тогда он засвищет, потешит нас...

Напоили Соловья, накормили, приготовился Соловей свистать.

- Ты смотри, Соловей, - говорит Илья, - ты не смей свистать во весь голос, а свистни ты полусвистом, зарычи полурыком, а то будет худо тебе.

Не послушал Соловей наказа Ильи Муромца, захотел он разорить Киев-город, захотел убить князя с княгиней и всех русских богатырей. Засвистел он во весь соловьиный свист, заревел во всю мочь, зашипел во весь змеиный шип.

Что тут сделалось! Башенки на теремах покривились, крылечки от стен отвалились, стекла в горницах полопались, разбежались кони из конюшен, все богатыри на землю упали, на четвереньках по двору расползлись. Сам князь Владимир еле живой стоит, шатается, у Ильи под кафтаном прячется.

Рассердился Илья на разбойника:

- Я велел тебе князя с княгиней потешить, а ты сколько бед натворил. Ну, теперь я с тобой за все рассчитаюсь. Полно тебе обижать отцов-матерей, полно вдовить молодущек, сиротить детей, полно разбойничать. Взял Илья саблю острую и отрубил Соловью голову. Тут и конец Соловья настал.

- Спасибо тебе, Илья Муромец, - говорит Владимир-князь. - Оставайся в моей дружине, будешь старшим богатырем, над другими богатырями начальником. И живи ты у нас в Киеве, век живи, отныне и до смерти.

У каждого дела
Запах особый:
В булочной пахнет
Тестом и сдобой.

Мимо столярной
Идёшь мастерской -
Стружкой пахнет
И свежей доской.

Пахнет маляр
Скипидаром и краской.
Пахнет стекольщик
Оконной замазкой.

Куртка шофёра
Пахнет бензином.
Блуза рабочего -
Маслом машинным.

Пахнет кондитер
Орехом мускатным.

Доктор в халате -
Лекарством приятным.

Рыхлой землёю,
Поле и лугом
Пахнет крестьянин,
Идущий за плугом.

Рыбой и морем
Пахнет рыбак.
Только безделье
Не пахнет никак.

Сколько ни душится
Лодырь богатый,
Очень неважно
Он пахнет ребята!

Вячеслав Кузнецов « У монумента Разорванное кольцо»

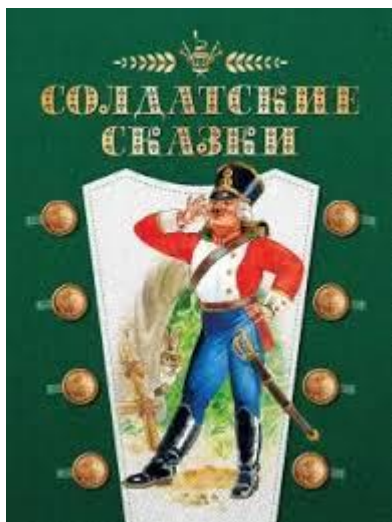

Не просто павшим —
нет,
а с думой о грядущем
воздвигнут монумент
и ныне всем живущим.

Та слава на века
принадлежит отчизне.
Да, нет черновика —
и не было! —
у жизни.

Все подлинно,
все так.
Стояли насмерть грудью
в кольце,
в дыму атак...
Такие были люди.

...Разорвано кольцо,
и в огненной метели
они в те дни
лицо
Победы разглядели.

Русская народная сказка

Солдатская загадка

Старуха сварила во щах гуся. Приходит к ней на квартиру солдат... «А что, служивый, — спрашивает старуха, — не бывал ли ты в городе Горшанске, не знавал ли там Гагатея Гагатеевича?» — «Как не знать! Только теперь его там нету: Гагатея Гагатеевич вышел оттудова в город Кошелянск, в село Заплечанское, а вместо его в город Горшанск приехал Плетухан Плетуханович, сын Ковырялкин». Тут ударили сбор; солдат простился с старухой и пошел в поход. Идет с товарищами, глядь — лежит на дороге зуб от бороны; поднял его и спрятал в карман.

Пришли в другую деревню. Досталось нашему солдату опять к глупой бабе на квартиру. Сел обедать, вынул зуб, что дорогой нашел, и ну мешать щи. Подает ему хозяйка солонку: «На, посоли, служивый!» — «Не надо мне твоей соли! Я вот этим зубом помешаю — все одно что солью посыпал!» (А уж он давно посолил щи своей солью). «Вишь, диво какое, — думает хозяйка, — с таким добром и соли покупать не надо!» Попробовали щи — как есть солонь! «Не продашь ли зуб?» — «Купи». — «А что возьмешь?» — «Рубль серебра да двадцать аршин холста». На том и поладили. «Вот тебе зуб, — говорит солдат, — как станешь щи мешать, приговаривай:

шуны-буны, будьте щи солоны! Муж приедет, будут шлепанцы-хлопанцы». Взял рубль денег да кусок холста и пошел куда надо.

После того воротился мужик домой и спросил обедать. Налила ему баба щей, а соли не дает. «Что ж ты, про соль позабыла?» — «Нет, хозяин! У меня теперь есть такая штука, что и соли покупать не станем!» Вытащила зуб и зачала мешать в миске да приговаривать: «Шуны-буны, будьте щи солоны! Муж приедет, будут шлепанцы-хлопанцы!» Мужик попробовал щи — совсем без соли. «А что дала за эту штуку?» — «Рубль серебра да двадцать аршин холста». Схватил ее муж за косу и пошел таскать: «Вот тебе шлепанцы, вот тебе хлопанцы!»

Пересказал: А. Н. Афанасьев

С.Я. Маршак. Почта военная

- 1 -

**Кто стучится в дверь ко мне
С толсти сумкой на ремне?
С цифрой 5 на медной бляшке,
В старой форменной фуражке?
Это - он,
Это - он,
Ленинградский почтальон!**

**С ним я встретился по-братски,
И узнал я с первых слов,
Что земляк мой ленинградский,
В общем, весел и здоров.**

**Уцелел со всем семейством.
Горе нынче позади.
И медаль с Адмиралтейством
На его блестит груди.**

**Он - защитник Ленинграда,
И не раз на мостовой
Он слышал полет снаряда
У себя над головой.**

**Но походкою спокойной,
Как и двадцать лет назад,
Он обходит город стройный,
Город славы - Ленинград.**

- 2 -

**Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне?
С цифрой 5 на медной бляшке,
В старой форменной фуражке?
Это - он,
Это - он,
Ленинградский почтальон!**

**Скоро год пойдет двадцатый,
Как со мною он знаком.
Он будил меня когда-то
Каждый день своим звонком.**

Сколько раз в подъездах зданий
И под сводами ворот
Мне встречался этот ранний,
Одинокий пешеход.

Дождь стучал по крышам гулко,
Снег ли падал в тишине, -
Он шагал по переулку
С толстой сумкой на ремне.

Обходил походкой мерной
Он домов по двадцати.
Красный замок Инженерный
Был в конце его пути.

Жил со мной тогда приятель
И герой моих стихов -
Замечательный писатель
И чудака Борис Житков.

Черноморец, штурман старый,
Он объехал целый свет,
И кругом земного шара
Шло письмо за ним вослед.

Шло письмо по разным странам,
По воде и по земле
И над синим океаном
На воздушном корабле.

Облетело пояс жаркий,
Посмотрело, как живет
Не в Московском зоопарке,
А на воле бегемот.

Посмотрело, как фламинго
Чистит перья поутру,
Как бежит собака динго
За хвостатым кенгуру.

Как рабы, склоняясь низко,
Носят к пристани зерно,
А торговцы в Сан-Франциско
К рыбам шлют его на дно...

Все в наклейках и помарках
В Ленинград пришло письмо,

**И на всех почтовых марках
Было разное клеймо.**

**Это Дублин - город Эйре,
Это - остров Тринидад,
Дарвин,
Рио-де-Жанейро,
Сан-Франциско,
Ленинград.**

**Кто вручил письмо Житкову?
Ну конечно, это он -
Воин армии почтовой,
Ленинградский почтальон!**

- 3 -

**Дети Тулы и Ростова,
Барнаула и Черкасс
Про товарища Житкова
Прочитали мой рассказ.**

**Но Житкова нет на свете.
А читатели мои -
Этих лет минувших дети -
На фронтах ведут бои.**

**К ним идет письмо без марки
Сквозь огонь и град свинца,
И дороже, чем подарки,
Строчки писем для бойца.**

**Эти письма - словно стая
Белых, синих, серых птиц -
Со всего родного края,
Из поселков и станиц.**

**Пишут матери и жены,
Пишут дети в первый раз.
Шлют приветы и поклоны
Все, кто дороги для нас.**

**Почтальоны возят вести
По дорогам фронтовым,
И лежат в их сумках вместе
Письма к павшим и живым.**

С каждой нашею победой,
С каждым новым днем войны
Письма дальше, дальше едут -
К рубежам родной страны.

И случиться может снова,
Что придет письмо в Берлин
Для товарища Житкова,
Не для прежнего - другого
(У него на фронте сын).

- 4 -

Где вчера кипела схватка,
Стлался дым пороховой, -
Там раскинута палатка
Нашей почты полевой.

Снова слышен русский говор,
И гармоника поет,
И бойцам советским повар
Щи и кашу раздает.
По дорогам Украины
Меж садов, баштанов, хат
В бой идут бронемашины
И повозки тарахтят.

По следам кровавым боя
Едут письма, и порой
Отдает письмо герою
Письмоносец - сам герой.

По лесам и горным склонам,
По тропинкам потаенным
Ходит почта на войне.

Слава честным почтальонам,
Полковым и батальонным.
Слава честным почтальонам
С толстой сумкой на ремне!

- 5 -

В далеком южном городке
С утра пылает зной,
А снег на склонах вдалеке
Сияет белизной.

Под темной зеленью ветвей
В саду среди двора
Шумит ручей, а у детей
Весь день идет игра.

Какие игры у детей?
Они ведут войну,
Они форсируют ручей,
И враг у них в плену.

Во двор заходит почтальон,
Обходит все дома,
П слышит он со всех сторон:
- А нет ли нам письма?

- Вам не успели написать.
Сегодня письма есть
В квартиру номер двадцать пять
И номер двадцать шесть!

- Мы из квартиры двадцать шесть.
Письмо отдайте нам!
- А вы сумеете прочесть?
- Сумеем по складам!

Бегут с высокого крыльца
Ребята за письмом.

- Письмо Петровым от отца! -
Молва идет кругом.

Не рассказать, как был бы рад
Взглянуть издалека
На этот дом и этот сад
Петров - герой полка.

Вот здесь во флигеле он жил,
Где тополь под окном.
Здесь во дворе он и служил -
На складе нефтяном.

Здесь на крыльце с детьми, с женой,
Усевшись на ступень,
Встречал он день свой выходной,
Последний мирный день...

Где он? Воюет, если жив.
А может, пал в бою,
За близких голову сложив,
За Родину свою.

Кто знает!.. Письма говорят
О том, что был здоров
Недели ари тому назад
Сержант Сергей Петров...

- 6 -

Сын письмо писал отцу
И поставил точку.
Дочка тоже к письмецу
Приписала строчку.

Много дней письму идти,
Чтоб дойти до цели.
Будут горы на пути,
Гулкие туннели.

Будет ветер гнать песок
За стеклом вагона.
А потом мелькнет лесок,
Садик станционный.

А потом пойдут поля
И леса густые,
Пашен черная земля -
Средняя Россия.

Через всю пройдут страну
Два листка в конверте
И приедут на войну,
В край огня и смерти.

Привезет на фронт вагон
Этот груз почтовый.
Там получит почтальон
Свой мешок холщовый.

И помчит грузовичок
Этот серый, плотный,
Полный письмами мешок
В Энский полк пехотный.

Долог путь от городка
У границ Китая
До пехотного полка
На переднем крае...

- 7 -

На одной из станций
Вместе
Ожидали поездов
Запечатанные
Вести
Из десятков городов.

И шептались меж собою
Груды писем:
- Вам куда?
- В Киров.
- Горький.
- Боровое.
- Кзыл-Орда.
- Караганда.

Так болтали до погрузки
Письма в сумках и метках
По-казахски, и по-русски,
И на прочих языках.

Говорить они не могут -
Не слышны их голоса.
Но за письма всю дорогу
Говорят их адреса.

Знают письма и открытки
Город, улицу, район.
Знают номер той калитки,
Что откроет почтальон...

Но не названы квартиры,
Не указаны дома,
Где бойцы и командиры
Ждут желанного письма.

Станет поезд ночью где-то...
- Выходи, ребята! Фронт!
Точно молнии, ракеты
Освещают горизонт.

Слышен рокот самолета.
Эго вражий или наш?
Что там ждать! Давай работай,
Выгружай скорей багаж!..

По лесам и горным склонам,
По тропинкам потаенным
Ходит почта на войне.

Слава честным почтальонам,
В жарких битвах закаленным.
Слава честным почтальонам
С толстой сумкой на ремне!

- 8 -

Человек он незаметный -
Ротный почтальон,
Но почти что кругосветный
Путь проходит он.

Через поле до траншеи
Сотни три шагов,
Да намного путь длиннее
Под огнем врагов.

Над тобою тонко-тонко
Пули засвистят.
На пути твоём воронку
Выроет снаряд.

Под огнем идешь - не мешкай.
Гибнуть не расчет.
Где ползком, где перебежкой
Движешься вперед.

Ближе падают снаряды.
Столб земли, огня...
Рвут поводья у ограды
Два гнедых коня.

Почтальон коней руною
Треплет по спине.
"Вам, мол, тоже нет покою,
Кони, на войне!"

И пошел... Вдруг туча пыли
Замутила свет.
Там, где кони прежде были,
И следа их нет.

Не остыло на ладони
Конское тепло...
Будто вас, гнедые кони,
Бурей унесло!

Через поле до траншеи
Сотни три шагов,
А насколько путь длиннее
Под огнем врагов!

- 9 -

Вот в траншею адресата
Входит почтальон.
Свой ремень молодцевато
Поправляет он.

Все кричат ему: - Здорово! -
Рады от души.
- Нет ли здесь у вас Петрова?
Ну, сержант, пляши!

Жарко нынче, точно в бане,
Некогда читать.
Да с таким письмом в кармане
Легче воевать!

- 10 -

С каждой нашею победой,
С бою взятой у врагов,
Письма дальше, дальше едут
От родимых очагов.

От бойцов не отставая,
Шаг за шагом, день за днем
Едет почта полевая,
Пробираясь под огнем...

По лесам и горным склонам,
По тропинкам потаенным
Ходит почта на войне.

**Слава честным почтальонам,
Полковым и батальонным.
Слава честным почтальонам
С толстой сумкой на ремне!**

«Никита Кожемяка» — русская народная сказка, на примере которой воспитан не один мальчишка. В ней показана жизнь киевлян в древние времена, когда их стал притеснять и похищать змей. Всех унесенных в логово людей гад съедал, только царскую дочь заточил под замок. Кто ее выручит, как и что за это возьмет, узнайте из сказки. Она познакомит ребят с народными героями. Сказка покажет детям, что нужно быть милосердным, сострадательным и справедливым и защищать сограждан в трудное время.

В старые годы появился недалеко от Киева страшный змей. Много народа из Киева потаскал в свою берлогу, потаскал и поел. Утащил змей и царскую дочь, но не съел ее, а крепко-накрепко запер в своей берлоге. Увязалась за царевной из дому маленькая собачонка. Как улетит змей на промысел, царевна напишет записочку к отцу, к матери, привяжет записочку собачонке на шею и пошлет ее домой. Собачонка записочку отнесет и ответ принесет.

Вот раз царь и царица пишут царевне: узнай-де от змея, кто его сильнее. Стала царевна от змея допытываться и допыталась.

— Есть, — говорит змей, — в Киеве Никита Кожемяка — тот меня сильнее.

Как ушел змей на промысел, царевна и написала к отцу, к матери записочку: есть-де в Киеве Никита Кожемяка, он один сильнее змея. Пошлите Никиту меня из неволи выручить.

Сыскал царь Никиту и сам с царицею пошел его просить выручить их дочку из тяжелой неволи. В ту пору мят Кожемяка разом двенадцать воловьих кож. Как увидел Никита царя — испугался: руки у Никиты задрожали, и разорвал он разом все двенадцать кож. Рассердился тут Никита, что его испугали и ему убытку наделали, и, сколько ни упрашивали его царь и царица пойти выручить царевну, не пошел.

Вот и придумал царь с царицей собрать пять тысяч малолетних сирот — осиротил их лютый змей, — и послали их просить Кожемяку освободить всю русскую землю от великой беды. Сжалился Кожемяка на сиротские слезы, сам прослезился. Взял он триста пудов пеньки, насолил ее смолою, весь пенькою обмотался и пошел.

Подходит Никита к змеиной берлоге, а змей заперся, бревнами завалился и к нему не выходит.

— Выходи лучше на чистое поле, а не то я всю твою берлогу размечу! — сказал Кожемяка и стал уже бревна руками разбрасывать.

Видит змей беду неминуемую, некуда ему от Никиты спрятаться, вышел в чистое поле.

Долго ли, коротко ли они бились, только Никита повалил змея на землю и хотел его душить. Стал тут змей молить Никиту:

— Не бей меня, Никитушка, до смерти! Сильнее нас с тобой никого на свете нет. Разделим весь свет поровну: ты будешь владеть в одной половине, а я — в другой.

— Хорошо, — сказал Никита. — Надо же прежде между проложить, чтобы потом спору промеж нас не было.

Сделал Никита соху в триста пудов, запряг в нее змея и стал от Киева между прокладывать, борозду пропахивать; глубиной та борозда две сажени с четвертью. Провел Никита борозду от Киева до самого Черного моря и говорит змею:

— Землю мы разделили — теперь давай море делить, чтобы о воде промеж нас спору не вышло.

Стали воду делить — вогнал Никита змея в Черное море, да там его и утопил.

Сделавши святое дело, воротился Никита в Киев, стал опять кожи мять, не взял за свой труд ничего. Царевна же воротилась к отцу, к матери.

Борозда Никитина, говорят, и теперь кое-где по степи видна: стоит она валом сажени на две высоту. Кругом мужички пашут, а борозды не распахивают: оставляют ее на память о Никите Кожемяке.

Ирина Гурина — « Военный праздник»

Праздник есть у нас один.
Этот праздник – день мужчин,
День защитников, солдат.
В этот день пройдет парад!
Мы увидим вертолеты,
Пушки, танки, самолеты.
Мы пройдем военным шагом
Под большим красивым флагом.

Прочитаем поздравление,
Сядем к папе на колени.
Много в армии мужчин,
А такой, как он – один!

«Блокадный Ленинград» Воронов Ю.

По Ленинграду смерть метет,
Она теперь везде,
Как ветер.
Мы не встречаем Новый год —
Он в Ленинграде незаметен.
Дома —
Без света и тепла,
И без конца пожары рядом.
Враг зажигалками дотла
Спалил
Бадаевские склады.
И мы
Бадаевской землей
Теперь сластим пустую воду.
Земля с золой,
Земля с золой —
Наследье
Прожитого года.
Блокадным бедам нет границ:
Мы глохнем
Под снарядным гулом,
От наших довоенных лиц
Остались
Лишь глаза и скулы.
И мы
Обходим зеркала,
Чтобы себя не испугаться...
Не новогодние дела
У осажденных ленинградцев...
Здесь
Даже спички лишней нет.
И мы,
Коптилки зажигая,
Как люди первобытных лет
Огонь
Из камня высекаем.
И тихой тенью
Смерть сейчас
Ползет за каждым человеком.
И все же
В городе у нас

Не будет
Каменного века!
Кто сможет,
Завтра вновь пойдет
Под вой метели
На заводы.
... Мы
не встречаем Новый год,
Но утром скажем:
С Новым годом!

Благинина Е. «Шинель»

Почему ты шинель бережёшь? —
Я у папы спросила.
— Почему не порвёшь, не сожжёшь? —
Я у папы спросила. —

Ведь она и грязна и стара,
Приглядись-ка получше,
На спине вон какая дыра,
Приглядись-ка получше!

— Потому я её берегу, —
Отвечает мне папа, —
Потому не порву, не сожгу, —
Отвечает мне папа, —

Потому мне она дорога,
Что вот в этой шинели
Мы ходили, дружок, на врага
И его одолели.

«Как я маме помогал мыть пол» Голявкина В.В.

Я давно собирался пол вымыть. Только мама не разрешала мне. «Не получится, — говорит, — у тебя...»

— Посмотрим, как не получится!

Трах! — опрокинул ведро и пролил всю воду. Но я решил, так даже лучше. Так гораздо удобнее мыть пол. Вся вода на полу; тряпкой три — и всё дело. Воды маловато, правда. Комната-то у нас большая. Придётся ещё ведро воды на пол вылить. Вылил ещё ведро, вот теперь красота! Тру тряпкой, тру — ничего не выходит. Куда же воду девать, чтобы пол был сухой? Без насоса тут ничего не придумать. Велосипедный насос нужно взять. Перекачать воду обратно в ведро.

Но когда спешешь, всё плохо выходит. Воды на полу не убавилось, и в ведре пусто. Наверно, насос испортился.

Придётся теперь с насосом повозиться.

Тут мама в комнату входит.

— Что такое, — кричит, — почему вода?

— Не беспокойся, мама, всё будет в порядке. Надо только насос починить.

— Какой насос?

— Чтобы воду качать...

Мама взяла тряпку, смочила в воде, потом выжала тряпку в ведро, потом снова смочила, опять в ведро выжала. И так несколько раз подряд. И воды на полу не стало.

Всё оказалось так просто. А мама мне говорит:

— Ничего. Ты мне всё же помог.

Корней Чуковский

Федорино горе

1

Скачет сито по полям,
А корыто по лугам.

За лопатую метла
Вдоль по улице пошла.

Топоры-то, топоры
Так и сыплются с горы.

Испугалася коза,
Растопырила глаза:

«Что такое? Почему?
Ничего я не пойму».

2

Но, как черная железная нога,
Побежала, поскакала кочерга.
И помчались по улице ножи:
«Эй, держи, держи, держи, держи, держи!»
И кастрюля на бегу
Закричала утюгу:
«Я бегу, бегу, бегу,
Удержаться не могу!»

Вот и чайник за кофейником бежит,
Тараторит, тараторит, дребезжит...

Утюги бегут побрякивают,
Через лужи, через лужи
перескакивают.

А за ними блюдца, блюдца —
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!
Вдоль по улице несутся —
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!
На стаканы — дзынь! — натыкаются,
И стаканы — дзынь! — разбиваются.

И бежит, бренчит, стучит сковорода:
«Вы куда? куда? куда? куда? куда?»

А за нею вилки,
Рюмки да бутылки,
Чашки да ложки
Скачут по дорожке.

Из окошка вывалился стол
И пошел, пошел, пошел,
пошел, пошел...

А на нем, а на нем,
Как на лошади верхом,
Самоварище сидит
И товарищам кричит:
«Уходите, бегите, спасайтесь!»

И в железную трубу:
«Бу-бу-бу! Бу-бу-бу!»

3

А за ними вдоль забора
Скачет бабушка Федора:
«Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!
Воротитесь домой!»

Но ответило корыто:
«На Федору я сердито!»
И сказала кочерга:
«Я Федоре не слуга!»

А фарфоровые блюда
Над Федорою смеются:
«Никогда мы, никогда
Не воротимся сюда!»

Тут Федорины коты
Расфуфырили хвосты,
Побежали во всю прыть.
Чтоб посуду воротить:

«Эй вы, глупые тарелки,
Что вы скачете, как белки?
Вам ли бегать за воротами
С воробьями желторотыми?

Вы в канаву упадете,
Вы утонете в болоте.
Не ходите, погодите,
Воротитесь домой!»

Но тарелки выются-выются,
А Федоре не даются:
«Лучше в поле пропадем,
А к Федоре не пойдем!»

4

Мимо курица бежала
И посуду увидала:
«Куд-куда! Куд-куда!
Вы откуда и куда?!»

И ответила посуда:
«Было нам у бабы худо,
Не любила нас она,
Била, била нас она,

Запылила, закоптила,
Загубила нас она!»

«Ко-ко-ко! Ко-ко-ко!
Жить вам было нелегко!»

«Да, — промолвил медный таз, —
Погляди-ка ты на нас:
Мы поломаны, побиты,
Мы помоями облиты.
Загляни-ка ты в кадушку —
И увидишь там лягушку.
Загляни-ка ты в ушат —
Тараканы там кишат,
Оттого-то мы от бабы
Убежали, как от жабы,
И гуляем по полям,
По болотам, по лугам,
А к неряхе-замарахе
Не воротимся!»

5

И они побежали лесочком,
Поскакали по пням и по кочкам.
А бедная баба одна,
И плачет, и плачет она.
Села бы баба за стол,
Да стол за ворота ушел.
Сварила бы баба щи,
Да кастрюлю поди поищи!
И чашки ушли, и стаканы,
Остались одни тараканы.
Ой, горе Федоре,
Горе!

А посуда вперед и вперед
По полям, по болотам идёт.

И чайник шепнул утюгу:
«Я дальше идти не могу».

И заплакали блюдца:
«Не лучше ль вернуться?»

И зарыдало корыто:
«Увы, я разбито, разбито!»

Но блюдо сказала: «Гляди,
Кто это там позади?»

И видят: за ними из темного бора
Идет-ковыляет Федора.

Но чудо случилось с ней:
Стала Федора добрей.
Тихо за ними идет
И тихую песню поет:

«Ой вы, бедные сиротки мои,
Утюги и сковородки мои!
Вы подите-ка, немые, домой,
Я водою вас умою ключевой.
Я почищу вас песочком,
Окачу вас кипяточком,
И вы будете опять,
Словно солнышко, сиять,
А поганых тараканов я повыведу,
Прусаков и пауков я повымету!»

И сказала скалка:
«Мне Федору жалко».

И сказала чашка:
«Ах, она бедняжка!»

И сказали блюдца:
«Надо бы вернуться!»

И сказали утюги:
«Мы Федоре не враги!»

Долго, долго целовала
И ласкала их она,

Поливала, умывала.
Полоскала их она.

«Уж не буду, уж не буду
Я посуду обижать.
Буду, буду я посуду
И любить и уважать!»

Засмеялися кастрюли,
Самовару подмигнули:
«Ну, Федора, так и быть,
Рады мы тебя простить!»

Полетели,
Зазвенели
Да к Федоре прямо в печь!
Стали жарить, стали печь, —
Будут, будут у Федоры и блины и пироги!

А метла-то, а метла — весела —
Заплясала, заиграла, замела,
Ни пылинки у Федоры не оставила.

И обрадовались блюдца:
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!
И танцуют и смеются —
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!

А на белой табуреточке
Да на вышитой салфеточке
Самовар стоит,
Словно жар горит,
И пыхтит, и на бабу поглядывает:
«Я Федорушку прощаю,
Сладким чаем угощаю.
Кушай, кушай, Федора Егоровна!»

Русская народная сказка «Царевна-лягушка» (М. А. Булатов)

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, и было у него три сына. Младшего звали Иван-царевич.

Позвал однажды царь сыновей и говорит им:

— Дети мои милые! Вы теперь все на возрасте, пора вам и о невестах подумать!

— За кого же нам, батюшка, посвататься?

— А вы возьмите по стреле, натяните свои тугие луки и пустите стрелы в разные стороны. Где стрела упадёт, там и сватайтесь.

Вышли братья на широкий отцовский двор, натянули свои тугие луки и выстрелили.

Пустил стрелу старший брат — упала она на боярский двор[2], прямо против девичьего терема[3], и подняла её боярская дочь.

Пустил стрелу средний брат — полетела стрела к богатому купцу во двор и упала у красного крыльца. А на том крыльце стояла дочь купеческая, она и подняла стрелу.

Пустил стрелу Иван-царевич — полетела его стрела прямо в топкое болото, и подняла её лягушка-квакушка.

Старшие братья как пошли искать свои стрелы, сразу их нашли: один — в боярском тереме, другой — на купеческом дворе. А Иван-царевич долго не мог найти своей стрелы. Два дня ходил он по лесам и по горам, а на третий день зашёл в вязкое болото. Смотрит — сидит там лягушка-квакушка, его стрелу держит.

Иван-царевич хотел было бежать и отступить от своей находки, а лягушка и говорит:

— Ква-ква, Иван-царевич. Поди ко мне, бери свою стрелу, а меня возьми замуж!

Опечалился Иван-царевич и говорит:

— Как же я тебя замуж возьму! Меня люди засмеют!

— Возьми, Иван-царевич, жалеть не будешь!

Подумал-подумал Иван-царевич, взял лягушку-квакушку, завернул её в платочек и принёс в своё царство-государство.

Пришли старшие братья к отцу, рассказывают, куда чья стрела попала.

Рассказал и Иван-царевич. Стали братья над ним смеяться, а отец говорит:

— Бери квакушку — ничего не поделаешь!

Вот сыграли три свадьбы, поженились царевичи: старший — на боярышне, средний — на купеческой дочери, а Иван-царевич — на лягушке-квакушке.

На другой день после свадьбы призвал царь своих сыновей и говорит:

— Ну, сынки мои дорогие, теперь вы все трое женаты. Хочется мне узнать, умеют ли ваши жёны хлебы печь. Пусть они к утру испекут мне по караваю мягкого белого хлеба.

Поклонились царевичи отцу и пошли.

Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич, — говорит лягушка-квакушка, — что ты так запечалился? Или услышал от своего отца слово неласковое?

— Как мне не печалиться! — отвечает Иван-царевич. — Приказал мой батюшка, чтобы ты сама испекла к завтраму каравай мягкого белого хлеба.

— Не тужи, Иван-царевич! Ложись-ка лучше спать-почивать: утро вечера мудренее!

Уложила квакушка царевича спать, а сама сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась красной девицей Василисой Премудрой — такой красавицей, что ни в сказке сказать, ни пером описать!

Взяла она частые решета, мелкие сита, просеяла муку пшеничную, замесила тесто белое, испекла каравай — рыхлый да мягкий, изукрасила разными узорами мудрёными: по бокам — города с дворцами, садами да башнями, сверху — птицы летучие, снизу — звери рыскучие[4].

Утром будит квакушка Ивана-царевича:

— Пора, Иван-царевич, вставай, каравай неси!

Глянул царевич на каравай — диву дался: никогда таких не видывал!

Положил каравай на золотое блюдо, понёс к отцу.

Пришли и старшие царевичи, принесли свои караваи — только у них и посмотреть не на что: у боярской дочки хлеб подгорел, у купеческой сырой да кособокий получился.

Царь сначала принял каравай у старшего царевича, взглянул на него и приказал отнести псам дворовым.

Принял у среднего, взглянул и сказал:

— Такой каравай только от большой нужды будешь есть.

Дошла очередь до Ивана-царевича. Принял царь от него каравай и сказал:

— Вот этот хлеб только в большие праздники есть!

И тут же дал сыновьям новый приказ:

— Хочется мне знать, как умеют ваши жёны рукодельничать. Возьмите шёлку, золота и серебра, и пусть они своими руками к завтраму выткут мне по ковру!

Вернулись старшие царевичи к своим жёнам, передали им царский приказ. Стали жёны кликать мамушек, нянюшек и красных девушек, чтобы пособили им ткать ковры. Тотчас мамушки, нянюшки да красные девушки собрались и принялись ковры ткать да вышивать — кто серебром, кто золотом, кто шёлком.

А Иван-царевич воротился домой невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич, — говорит квакушка, — почему так печалишься? Или услышал от отца слово недоброе?

— Как мне не кручиниться! — отвечает Иван-царевич. — Батюшка приказал за одну ночь соткать ему ковёр узорчатый.

— Не тужи, Иван-царевич! Ложись-ка лучше спать: утро вечера мудренее!

Уложила его квакушка спать, а сама сбросила с себя лягушечью кожу, обернулась красной девицей Василисой Премудрой и стала ковёр ткать. Где кольнёт иглой раз — цветок зацветёт, где кольнёт другой раз — хитрые узоры идут, где кольнёт третий — птицы летят.

Солнышко ещё не взошло, а ковёр уж готов.

Утром проснулся Иван-царевич, глянул на ковёр, да так и ахнул: такой этот ковёр чудесный, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать!

Вот пришли три брата к царю, принесли каждый свой ковёр. Царь взял ковёр у старшего царевича, посмотрел и молвил:

— Этим ковром только от дождя лошадей покрывать!

Принял от среднего, посмотрел и сказал:

— Только у ворот его стелить

Принял у Ивана-царевича, взглянул и сказал:

— А вот этот ковёр в моей горнице по большим праздникам расстилать!

И тут же отдал царь новый приказ: чтобы все три царевича явились к нему на пир со своими жёнами. Хочет царь посмотреть, которая из них лучше танцует.

Отправились царевичи к своим жёнам.

Идёт Иван-царевич, печалится, сам думает: «Как поведу я мою квакушку на царский пир?»

Как пришёл он, спрашивает его квакушка:

— Что опять, Иван-царевич, невесел, ниже плеч буйну голову повесил? О чём запечалился?

— Как мне не печалиться! — говорит Иван-царевич. — Батюшка приказал, чтобы я тебя завтра к нему на пир привёз.

— Не горюй, Иван-царевич! Ложись-ка да спи: утро вечера мудренее!

На другой день, как пришло время ехать на пир, квакушка и говорит царевичу:

— Ну, Иван-царевич, отправляйся один на царский пир, а я вслед за тобой буду. Как услышишь стук да гром — не пугайся, скажи: «Это, видно, моя лягушонка в коробчонке едет!»

Пошёл Иван-царевич к царю на пир один.

А старшие братья явились во дворец со своими жёнами, разодетыми, разубранными. Стоят да над Иваном-царевичем посмеиваются:

— Что ж ты, брат, без жены пришёл? Хоть бы в платочке её принёс, дал бы нам всем послушать, как она квакает!

Вдруг поднялся стук да гром — весь дворец затрясся, зашатался. Все гости переполошились, испугались, повскакали со своих мест — не знают, что и делать. А Иван-царевич говорит:

— Не бойтесь, гости дорогие! Это, видно, моя лягушонка в своей коробчонке едет!

Подбежали все к окнам и видят: бегут скороходы, скачут конники, а вслед за ними едет золочёная карета, парой гнедых коней запряжена. Подъехала карета к крыльцу, и вышла из неё Василиса Премудрая — сама, как солнце ясное, светится. Все на неё дивятся, любят, от удивления слово промолвить не могут.

Взяла Василиса Премудрая Ивана-царевича за руки и повела за столы дубовые, за скатерти узорчатые.

Стали гости есть, пить, веселиться.

Василиса Премудрая из кубка пьёт — и не допивает, остатки себе за левый рукав выливает. Покушала лебедя жареного — косточки за правый рукав бросила.

Жёны старших царевичей увидели это — и туда же: чего не допьют — в рукав льют, чего не доедят — в другой кладут. А к чему, зачем — того и сами не знают.

Как встали гости из-за стола, заиграла музыка, начались танцы. Пошла Василиса Премудрая танцевать с Иваном-царевичем. Махнула левым рукавом — стало озеро, махнула правым — поплыли по озеру белые лебеди. Царь и все гости диву дались. А как перестала она танцевать, всё исчезло: и озеро, и лебеди.

Пошли танцевать жёны старших царевичей.

Как махнули своими левыми рукавами — только всех гостей забрызгали, как махнули правыми — костями-огрызками осыпали, самому царю чуть глаз не выбили. Рассердился царь и приказал их выгнать вон из горницы.

Когда пир был на исходе, Иван-царевич улучил минутку и побежал домой. Разыскал лягушечью кожу и спалил её на огне. Приехала Василиса Премудрая домой, хватилась — нет лягушечьей кожи! Бросилась она искать её. Искала, искала, не нашла и говорит Ивану-царевичу:

— Ах, Иван-царевич, что же ты наделал?! Зачем спалил мою лягушечью кожу! Если бы ты ещё три дня подождал, я бы вечно твоею была. А теперь прощай, ищи меня за тридевять земель, за тридевять морей, в тридесятом царстве, в подсолнечном государстве, у Кощея Бессмертного. Как три пары железных сапог износишь, как три железных хлеба изгрызёшь — только тогда разыщешь меня.

Сказала, обернулась белой лебедью и улетела в окно.

Загоревал Иван-царевич неутешно. Снарядился, взял лук да стрелы, надел железные сапоги, положил в заплочный мешок три железных хлеба и пошёл искать жену свою, Василису Премудрую.

Долго ли шёл, коротко ли, близко ли, далёко ли — скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, — две пары железных сапог износил, два железных хлеба изгрыз. Повстречал он как-то раз старого старичка.

— Здравствуй, дедушка! — говорит Иван-царевич.

— Здравствуй, добрый молодец! Чего ищешь, куда путь держишь?

Рассказал Иван-царевич старичку своё горе.

— Эх, Иван-царевич, — говорит старичок, — зачем же ты лягушечью кожу спалил? Не ты её надел, не тебе её и снимать было! Василиса Премудрая хитрей-мудрей отца своего, Кощея Бессмертного, уродилась, он за то разгневался на неё и приказал ей три года квакушею быть. Ну, да делать нечего, словами беды не поправишь. Вот тебе клубочек: куда он покатится, туда и ты иди.

Иван-царевич поблагодарил старичка и пошёл за клубочком.

Катится клубочек по высоким горам, катится по тёмным лесам, катится по зелёным лугам, катится по топким болотам, катится по глухим местам, а Иван-царевич всё идёт да идёт за ним — не остановится на отдых ни на часок.

Шёл-шёл, третью пару железных сапог истер, третий железный хлеб изгрыз и пришёл в дремучий бор. Попадается ему навстречу медведь.

«Дай убью медведя, — думает Иван-царевич. — Ведь у меня никакой еды больше нет».

Прицелился он, а медведь вдруг и говорит ему человеческим голосом:

— Не убивай меня, Иван-царевич! Когда-нибудь пригожусь тебе.

Не тронул Иван-царевич медведя, пожалел, пошёл дальше.

Идёт он чистым полем, глядь, а над ним летит большой селезень. Иван-царевич натянул лук, хотел было пустить в селезня острую стрелу, а селезень говорит ему по-человечески:

— Не убивай меня, Иван-царевич! Будет время — я тебе пригожусь.

Пожалел Иван-царевич — не тронул его, пошёл дальше голодный.

Вдруг бежит навстречу ему косой заяц.

«Убью этого зайца! — думает царевич. — Очень уж есть хочется...»

Натянул свой тугой лук, стал целиться, а заяц говорит ему человеческим голосом:

— Не губи меня, Иван-царевич! Будет время — я тебе пригожусь.

И его пожалел царевич, пошёл дальше.

Вышел он к синему морю и видит: на берегу, на жёлтом песке, лежит-издыхает щука-рыба. Говорит Иван-царевич:

— Ну, сейчас эту щуку съем! Мочи моей больше нет — так есть хочется!

— Ах, Иван-царевич, — молвила щука, — сжался надо мной — не ешь меня, брось лучше в синее море!

Сжалился Иван-царевич над щукой, бросил её в море, а сам пошёл берегом за своим клубочком.

Долго ли, коротко ли — прикатился клубочек к избушке. Стоит та избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается.

— Избушка-избушка, стань по-старому, как мать поставила: к лесу задом, ко мне передом.

Избушка повернулась к нему передом, к лесу задом. Иван-царевич вошёл в неё и видит: на печи, на девятом кирпиче, лежит Баба Яга — костяная нога, зубы — на полке, а нос в потолок врос.

— Зачем, добрый молодец, ко мне пожаловал? — говорит ему Баба Яга. — Дело пытаешь или от дела лытаешь?[5]

Иван-царевич ей отвечает:

— Ах ты, Баба Яга — костяная нога, ты бы меня прежде напоила, накормила, в бане выпарила, тогда бы и спрашивала. И то правда.

Баба Яга его в бане выпарила, напоила, накормила, в постель уложила, и Иван-царевич рассказал ей, что ищет свою жену Василису Премудрую.

— Знаю, знаю! — говорит Баба Яга. — Она теперь у злодея Кощея Бессмертного. Трудно будет её достать, нелегко с Кощеем сладить: его ни стрелой, ни пулей не убьёшь. Потому он никого и не боится.

— Да есть ли где его смерть?

— Его смерть — на конце иглы, та игла — в яйце, то яйцо — в утке, та утка — в зайце, тот заяц — в кованом ларце, а тот ларец — на вершине старого дуба. А тот дуб в дремучем лесу растёт.

Рассказала Баба Яга Ивану-царевичу, как к тому дубу пробраться. Поблагодарил её царевич и пошёл.

Долго по дремучим лесам пробирался, в топях болотных вяз и пришёл наконец к Кощееву дубу. Стоит тот дуб, вершиной в облака упирается, корни на сто вёрст в земле раскинул, ветками красное солнце закрыл. А на самой его вершине — кованый ларец.

Смотрит Иван-царевич на дуб и не знает, что ему делать, как ларец достать. «Эх, — думает, — где-то медведь? Он бы мне помог!»

Только подумал, а медведь тут как тут: прибежал и выворотил дуб с корнями. Ларец упал с вершины и разбился на мелкие кусочки.

Выбежал из ларца заяц и пустился наутёк. «Где-то мой заяц? — думает царевич. — Он этого зайца непременно догнал бы...»

Не успел подумать, а заяц тут как тут: догнал другого зайца, ухватил и разорвал пополам.

Вылетела из того зайца утка и поднялась высоко-высоко в небо. «Где-то мой селезень?» — думает царевич. А уж селезень за уткой летит — прямо в голову клюёт. Выронила утка яйцо, и упало то яйцо в синее море.

Загоревал Иван-царевич, стоит на берегу и говорит:

— Где-то моя щука? Она достала бы мне яйцо со дна морского!

Вдруг подплывает к берегу щука-рыба и держит в зубах яйцо:

— Получай, Иван-царевич!

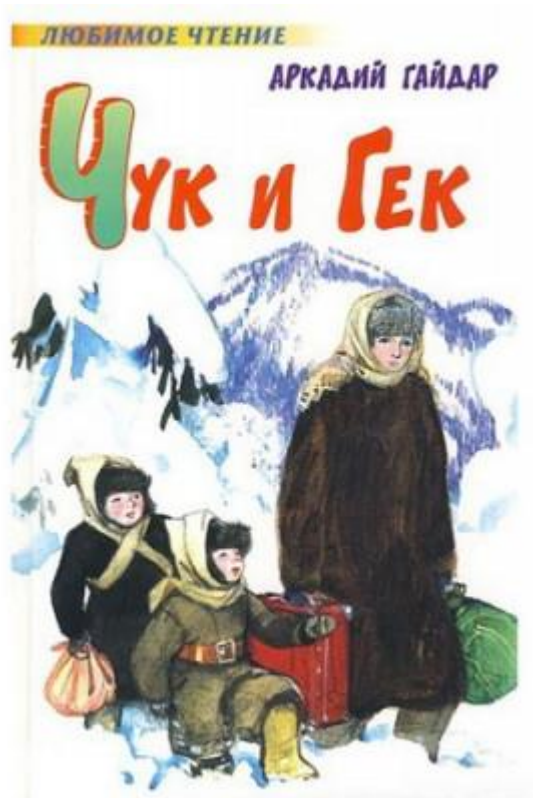
Обрадовался царевич, разбил яйцо, достал иглу и отломил у неё кончик. И только отломил — умер Кощей Бессмертный, прахом рассыпался.

Пошёл Иван-царевич в Кошечьи палаты. Вышла к нему Василиса Премудрая и говорит:

— Ну, Иван-царевич, сумел ты меня найти-разыскать, теперь я твоя весь век буду!

Выбрал Иван-царевич лучшего скакуна из Кошечьей конюшни, сел на него с Василисой Премудрой и воротился в своё царство-государство.

И стали они жить дружно, в любви и согласии.

Чук и Гек» — произведение Аркадия Гайдара, на котором вырос не один ребёнок советского времени. В нём говорится о семье Серёгиных, где растут два сына, Чук и Гек. Они самые обычные ребята, которые живут с мамой в Москве, а их папа, геолог, отправлен в длительную командировку в тайгу. Он приглашает их к себе, потому что не может приехать даже ненадолго. Накануне отъезда мамы с детьми приходит телеграмма. В то время мама отлучилась, а братья поссорились и потеряли послание. Семья отправляется в путь. Почему на вокзале их никто не встречает? Сказка научит ребят говорить правду, ценить семейные узы и мужественно преодолевать трудности.

Жил человек в лесу возле Синих гор. Он много работал, а работы не убавлялось, и ему нельзя было уехать домой в отпуск.

Наконец, когда наступила зима, он совсем заскучал, попросил разрешения у начальников и послал своей жене письмо, чтобы она приезжала вместе с ребяташками к нему в гости.

Ребятишек у него было двое – Чук и Гек.

А жили они с матерью в далеком огромном городе, лучше которого и нет на свете.

Днем и ночью сверкали над башнями этого города красные звезды.

И, конечно, этот город назывался Москва.

Как раз в то время, когда почтальон с письмом поднимался по лестнице, у Чука с Геком был бой. Короче говоря, они просто выли и дрались.

Из-за чего началась эта драка, я уже позабыл. Но помнится мне, что или Чук стащил у Гека пустую спичечную коробку, или, наоборот, Гек стянул у Чука жестянку из-под ваксы.

Только что оба эти брата, стукнув по разу друг друга кулаками, собирались стукнуть по второму, как загремел звонок, и они с тревогой переглянулись.

Они подумали, что пришла их мама! А у этой мамы был странный характер. Она не ругалась за драку, не кричала, а просто разводила драчунов по разным комнатам и целый час, а то и два не позволяла им играть вместе. А в одном часе – тик да так – целых шестьдесят минут. А в двух часах и того больше.

Вот почему оба брата мигом вытерли слезы и бросились открывать дверь.

Но, оказывается, это была не мать, а почтальон, который принес письмо.

Тогда они закричали:

—Это письмо от папы! Да, да, от папы! И он, наверное, скоро приедет.

Тут, на радостях, они стали скакать, прыгать и кувыркаться по пружинному дивану. Потому что хотя Москва и самый замечательный город, но когда папа вот уже целый год как не был дома, то и в Москве может стать скучно.

И так они развеселились, что не заметили, как вошла их мать.

Она очень удивилась, увидав, что оба ее прекрасных сына, лежа на спинах, орут и колотят каблуками по стене, да так здорово, что трясутся картины над диваном и гудит пружина стенных часов.

Но когда мать узнала, отчего такая радость, то сыновей не заругала.

Она только турнула их с дивана.

Кое-как сбросила она шубку и схватила письмо, даже не стряхнув с волос снежинок, которые теперь растаяли и сверкали, как искры, над ее темными бровями.

Всем известно, что письма бывают веселые или печальные, и поэтому, пока мать читала, Чук и Гек внимательно следили за ее лицом.

Сначала мать нахмурилась, и они нахмурились тоже. Но потом она заулыбалась, и они решили, что это письмо веселое.

—Отец не приедет,— откладывая письмо, сказала мать.— У него еще много работы, и его в Москву не отпускают.

Обманутые Чук и Гек растерянно глянули друг на друга. Письмо казалось самым что ни на есть распевающим.

Они разом надулись, засопели и сердито посмотрели на мать, которая неизвестно чему улыбалась.

—Он не приедет,— продолжала мать,— но он зовет нас всех к себе в гости.

Чук и Гек спрыгнули с дивана.

—Он чудак человек,— вздохнула мать.— Хорошо сказать — в гости! Будто бы это вел на трамвай и поехал...

—Да, да,— быстро подхватил Чук,— раз он зовет, так мы сядем и поедем.

—Ты глупый,— сказала мать.— Туда ехать тысячу и еще тысячу километров поездом. А потом в санях лошадьми через тайгу. А в тайге наткнешься на волка или на медведя. И что это за странная затея! Вы только подумайте сами!

—Гей-гей!— Чук и Гек не думали и полсекунды, а в один голос заявили, что они решили ехать не только тысячу, а даже сто тысяч километров. Им ничего не страшно. Они храбрые. И это они вчера прогнали камнями заскочившую во двор чужую собаку.

И так они говорили долго, размахивали руками, притопывали, подпрыгивали, а мать сидела молча, все их слушала, слушала. Наконец рассмеялась, схватила обоих на руки, завертела и свалила на диван.

Знайте, она давно уже ждала такого письма, и это она только нарочно поддразнивала Чука и Гека, потому что веселый у нее был характер.

Прошла целая неделя, прежде чем мать собрала их в дорогу. Чук и Гек времени даром не теряли тоже. Чук смастерил себе кинжал из кухонного ножика, а Гек разыскал себе гладкую палку, забил в нее

гвоздь, и получилась пика, до того крепкая, что если бы чем-нибудь проколоть шкуру медведя, а потом ткнуть этой пикой в сердце, то, конечно, медведь сдох бы сразу.

Наконец все дела были закончены. Уже запаковали багаж. Приделали второй замок к двери, чтобы не обокрали квартиру воры. Вытряхнули из шкафа остатки хлеба, муки и крупы, чтобы не развелись мыши. И вот мать уехала на вокзал покупать билеты на вечерний завтрашний поезд.

Но тут без нее у Чука с Геком получилась ссора.

Ах, если бы только знали они, до какой беды доведет их эта ссора, то ни за что бы в этот день они не поссорились!

У запасливого Чука была плоская металлическая коробочка, в которой он хранил серебряные бумажки от чая, конфетные обертки (если там был нарисован танк, самолет или красноармеец), галчиные перья для стрел, конский волос для китайского фокуса и еще всякие очень нужные вещи.

У Гека такой коробочки не было. Да и вообще Гек был разиня, но зато он умел петь песни.

И вот как раз в то время, когда Чук шел доставать из укромного места свою драгоценную коробочку, а Гек в комнате пел песни, вошел почтальон и передал Чуку телеграмму для матери.

Чук спрятал телеграмму в свою коробочку и пошел узнать, почему это Гек уже не поет песни, а кричит:

Р-ра! Р-ра! Ура!

Эй! Бей! Турумбей!

Чук с любопытством приоткрыл дверь и увидел такой «турумбей», что от злости у него затряслись руки.

Посреди комнаты стоял стул, и на спинке его висела вся истыканная пикой, разлохмаченная газета.

И это ничего. Но проклятый Гек, вообразив, что перед ним туша медведя, яростно тыкал пикой в желтую картонку из-под маминых ботинок. А в картонке у Чука хранилась сигнальная жестяная дудка, три цветных значка от Октябрьских праздников и деньги – сорок шесть копеек, которые он не истратил, как Гек, на разные глупости, а запасливо приберег в дальнюю дорогу.

И, увидав продырявленную картонку, Чук вырвал у Гека пикую, переломил ее о колено и швырнул на пол.

Но, как ястреб, налетел Гек на Чука и выхватил у него из рук металлическую коробку. Одним махом взлетел на подоконник и выкинул коробку через открытую форточку.

Громко завопил оскорбленный Чук и с криком: «Телеграмма! Телеграмма!» – в одном пальто, без калош и шапки, выскочил за дверь.

Почувяв неладное, вслед за Чуком понесся Гек.

Но напрасно искали они металлическую коробочку, в которой лежала еще никем не прочитанная телеграмма.

То ли она попала в сугроб и теперь лежала глубоко под снегом, то ли она упала на тропку и ее утянул какой-либо прохожий, но, так

или иначе, вместе со всем добром и нераспечатанной телеграммой коробка навеки пропала.

Вернувшись домой, Чук и Гек долго молчали. Они уже помирились, так как знали, что попадет им от матери обоим. Но так как Чук был на целый год старше Гека, то, опасаясь, как бы ему не попало больше, он придумал:

—Знаешь, Гек: а что, если мы маме про телеграмму ничего не скажем? Подумаешь – телеграмма! Нам и без телеграммы весело.

—Врать нельзя,— вздохнул Гек.— Мама за вранье всегда еще хуже сердится.

—А мы не будем врать!— радостно воскликнул Чук.— Если она спросит, где телеграмма,— мы скажем. Если же не спросит, то зачем нам вперед выскакивать? Мы не выскочки.

—Ладно,— согласился Гек.— Если врать не надо, то так и сделаем. Это ты хорошо, Чук, придумал.

И только что они на этом порешили, как вошла мать. Она была довольна, потому что достала хорошие билеты на поезд, но все же она сразу заметила, что у ее дорогих сыновей лица печальны, а глаза заплаканы.

—Отвечайте, граждане,— отряхиваясь от снега, спросила мать,— из-за чего без меня была драка?

—Драки не было,— отказался Чук.

—Не было,— подтвердил Гек.— Мы только хотели подраться, да сразу раздумали.

—Очень я люблю такое раздумье,— сказала мать.

Она разделась, села на диван и показала им твердые зеленые билеты: один билет большой, а два маленьких. Вскоре они поужинали, а потом утих стук, погас свет, и все уснули.

А про телеграмму мать ничего не знала, поэтому, конечно, ничего не спросила.

Назавтра они уехали. Но так как поезд уходил очень поздно, то сквозь черные окна Чук и Гек при отъезде ничего интересного не увидели.

Ночью Гек проснулся, чтобы напиться. Лампочка на потолке была потушена, однако все вокруг Гека было озарено голубым светом: и вздрагивающий стакан на покрытом салфеткой столике, и желтый апельсин, который казался теперь зеленоватым, и лицо мамы, которая, покачиваясь, спала крепко-крепко. Через снежное узорное окно вагона Гек увидел луну, да такую огромную, какой в Москве и не бывает. И тогда он решил, что поезд уже мчится по высоким горам, откуда до луны ближе.

Он растолкал маму и попросил напиться. Но пить ему она по одной причине не дала, а велела отломить и съесть дольку апельсина.

Гек обиделся, дольку отломил, но спать ему уже не захотелось. Он потолкал Чука – не проснется ли. Чук сердито фыркнул и не просыпался.

Тогда Гек надел валенки, приоткрыл дверь и вышел в коридор.

Коридор вагона был узкий и длинный. Возле наружной стены его были приделаны складные скамейки, которые сами с треском захлопывались, если с них слезешь. Сюда же, в коридор, выходило еще десять дверей. И все двери были блестящие, красные, с желтыми золочеными ручками.

Гек посидел на одной скамейке, потом на другой, на третьей и так добрался почти до конца вагона. Но тут прошел проводник с фонарем и пристыдил Гека, что люди спят, а он скамейками хлопает.

Проводник ушел, а Гек поспешно направился к себе в купе. Он с трудом приоткрыл дверь. Осторожно, чтобы не разбудить маму, закрыл и кинулся на мягкую постель.

А так как толстый Чук развалился во всю ширь, то Гек бесцеремонно ткнул его кулаком, чтобы тот подвинулся.

Но тут случилось нечто страшное: вместо белобрысого, круглоголового Чука на Гека глянуло сердитое усатое лицо какого-то дядьки, который строго спросил:

—Это кто же здесь толкается?

Тогда Гек завопил что было мочи. Перепуганные пассажиры повскакали со всех полок, вспыхнул свет, и, увидав, что он попал не в свое купе, а в чужое, Гек заорал еще громче.

Но все люди быстро поняли, в чем дело, и стали смеяться. Усатый дядька надел брюки, военную гимнастерку и отвел Гека на место.

Гек проскользнул под свое одеяло и притих. Вагон покачивало, шумел ветер.

Невиданная огромная луна опять озаряла голубым светом
вздрагивающий стакан, оранжевый апельсин на белой салфетке и
лицо матери, которая во сне чему-то улыбалась и совсем не знала,
какая беда приключилась с ее сыном.

Наконец заснул и Гек.

...И снился Геку странный сон
Как будто ожил весь вагон,
Как будто слышны голоса
От колеса до колеса
Бегут вагоны – длинный ряд —
И с паровозом говорят.
Первый.
Вперед, товарищ! Путь далек
Перед тобой во мраке лег.
Второй.
Светите ярче, фонари,
До самой утренней зари!
Третий.
Гори, огонь! Труби, гудок!
Крутись, колеса, на Восток!
Четвертый.
Тогда закончим разговор,
Когда домчим до Синих гор.

Когда Гек проснулся, колеса, уже без всяких разговоров, мерно
постукивали под полом вагона. Сквозь морозные окна светило
солнце. Постели были заправлены. Умытый Чук грыз яблоко. А
мама и усатый военный против распахнутых дверей хохотали над
ночными похождениями Гека. Чук сразу же показал Геку карандаш
с наконечником из желтого патрона, который он получил в подарок
от военного.

Но Гек до вещей был не завистлив и не жаден. Он, конечно, был
растеря и разиня. Мало того, что он ночью забрался в чужое купе, —
вот и сейчас он не мог вспомнить, куда засунул свои брюки. Но зато
Гек умел петь песни.

Умывшись и поздоровавшись с мамой, он прижался лбом к
холодному стеклу и стал смотреть, что это за край, как здесь живут и
что делают люди.

И пока Чук ходил от дверей к дверям и знакомился с пассажирами,
которые охотно дарили ему всякую ерунду – кто резиновую пробку,

кто гвоздь, кто кусок крученой бечевки,— Гек за это время увидел через окно немало.

Вот лесной домик. В огромных валенках, в одной рубашке и с кошкой в руках выскочил на крыльцо мальчишка. Трах!— кошка кувырком полетела в пушистый сугроб и, неловко карабкаясь, запрыгала по рыхлому снегу. Интересно, за что это он ее бросил? Вероятно, что-нибудь со стола стянула.

Но уже нет ни домика, ни мальчишки, ни кошки — стоит в поле завод. Поле белое, трубы красные. Дым черный, а свет желтый. Интересно, что на этом заводе делают? Вот будка, и, укутанный в тулуп, стоит часовой. Часовой в тулупе огромный, широкий, и винтовка его кажется тоненькой, как соломинка. Однако попробуй-ка, сунься!

Потом пошел танцевать лес. Деревья, что были поближе, прыгали быстро, а дальние двигались медленно, как будто их тихо кружила славная снежная река.

Гек окликнул Чука, который возвращался в купе с богатой добычей, и они стали смотреть вместе.

Встречались на пути станции большие, светлые, на которых шипело и пытело сразу штук по сто паровозов; встречались станции и совсем крохотные – ну, право, не больше того продуктового ларька, что торговал разной мелочью на углу возле их московского дома.

Проносились навстречу поезда, груженные рудой, углем и громадными, толщиной в полвагона, бревнами.

Нагнали они эшелон с быками и коровами. Паровозишко у этого эшелона был невзрачный, и гудок у него тонкий, писклявый, а тут как один бык рывкнул: му-у!.. Даже машинист обернулся и, наверное, подумал, что это его большой паровоз нагоняет.

А на одном разъезде бок о бок остановились они рядом с могучим железным бронепоездом. Грозно торчали из башен укутанные брезентом орудия. Красноармейцы весело топали, смеялись и, хлопая варежками, отогревали руки.

Но один человек в кожанке стоял возле бронепоезда молчалив и задумчив. И Чук с Гekom решили, что это, конечно, командир, который стоит и ожидает, не придет ли приказ от Ворошилова открыть против врагов бой.

Да, немало всякого они за дорогу повидали. Жаль только, что на дворе бушевали метели и окна вагона часто бывали наглухо залеплены снегом.

И вот наконец утром поезд подкатил к маленькой станции.

Только-только мать успела осадить Чука с Геком и принять от военного вещи, как поезд умчался.

Чемоданы были свалены на снег. Деревянная платформа вскоре опустела, а отец встречать так и не вышел.

Тогда мать на отца рассердилась и, оставив детей караулить вещи, пошла к ямщикам узнавать, какие за ними отец прислал сани, потому что до того места, где он жил, оставалось ехать еще километров сто тайгою.

Мать ходила очень долго, а тут еще неподалеку появился страшный козел. Сначала он глодал кору с замороженного бревна, но потом противно мемекнул и что-то очень пристально стал на Чука с Геком поглядывать.

Тогда Чук и Гек поспешно укрылись за чемоданами, потому что кто его знает, что в этих краях козлам надо.

Но вот вернулась мать. Она была совсем опечалена и объяснила, что, вероятно, отец телеграмму о их выезде не получил и поэтому лошадей на станцию он за ними не прислал.

Тогда они позвали ямщика. Ямщик длинным кнутом огрел козла по спине, забрал вещи и понес их в буфет вокзала.

Буфет был маленький. За стойкой пыхтел толстый, ростом с Чука, самовар. Он дрожал, гудел, и густой пар его, как облако, поднимался к бревенчатому потолку, под которым чирикали залетевшие погреться воробьи.

Пока Чук с Геком пили чай, мать торговалась с ямщиком: сколько он возьмет, чтобы довезти их в лес до места. Ямщик просил очень много – целых сто рублей. Да и то сказать: дорога и на самом деле была не ближняя. Наконец они договорились, и ямщик побежал домой за хлебом, за сеном и за теплыми тулупами.

–Отец и не знает, что мы уже приехали,– сказала мать.– То-то он удивится и обрадуется!

—Да, он обрадуется,— прихлебывая чай, важно подтвердил Чук.— И я удивлюсь и обрадуюсь тоже.

—И я тоже,— согласился Гек.— Мы подъедем тихонько, и если папа куда-нибудь вышел из дома, то мы чемоданы спрячем, а сами залезем под кровать. Вот он приходит. Сел. Задумался. А мы молчим, молчим, да вдруг как завоем!

—Я под кровать не полезу,— отказалась мать,— и выть не буду тоже. Лезьте и войте сами... Зачем ты, Чук, сахар в карман прячешь? И так у тебя карманы полны, как мусорный ящик.

—Я лошадей кормить буду,— спокойно объяснил Чук.— Забирай, Гек, и ты кусок ватрушки. А то у тебя никогда ничего нет. Только и знаешь у меня выпрашивать!

Вскоре пришел ямщик. Уложили в широкие сани багаж, взбили сено, укутались одеялами, тулупами.

Прощайте, большие города, заводы, станции, деревни, поселки! Теперь впереди только лес, горы и опять густой, темный лес.

...Почти до сумерек, охая, ахая и дивясь на дремучую тайгу, они проехали незаметно. Но вот Чуку, которому из-за спины ямщика плохо была видна дорога, стало скучно. Он попросил у матери пирожка или булки. Но ни пирожка, ни булки мать ему, конечно, не дала. Тогда он насупился и от нечего делать стал толкать Гека и отжимать его к краю.

Сначала Гек терпеливо отпихивался. Потом вспыхнул и плюнул на Чука. Чук обозлился и кинулся в драку. Но так как руки их были стянуты тяжелыми меховыми тулупами, то они ничего не могли поделать, кроме как стукать друг друга укутанными в башлыки лбами.

Посмотрела на них мать и рассмеялась. А тут ямщик ударил кнутом по коням — и рванули кони. Выскочили на дорогу и затанцевали два белых пушистых зайца. Ямщик закричал:

—Эй, эй! Ого-го!.. Берегись: задавим!

Весело умчались в лес озорные зайцы. Дул в лицо свежий ветер. И, поневоле прижавшись друг к другу, Чук и Гек помчались в санях под гору навстречу тайге и навстречу луне, которая медленно выползала из-за уже недалеких Синих гор.

Но вот безо всякой команды кони стали возле маленькой, занесенной снегом избушки.

—Здесь ночуем,— сказал ямщик, соскакивая в снег.— Это наша станция.

Избушка была маленькая, но крепкая. Людей в ней не было.

Быстро вскипятил ямщик чайник; принесли из саней сумку с продуктами.

Колбаса до того замерзла и затвердела, что ею можно было забивать гвозди. Колбасу ошпарили кипятком, а куски хлеба положили на горячую плиту.

За печкой Чук нашел какую-то кривую пружину, и ямщик сказал ему, что это пружина от капкана, которым ловят всякого зверя. Пружина была ржавая и валялась без дела. Это Чук сообразил сразу.

Попили чаю, поели и легли спать. У стены стояла широкая деревянная кровать. Вместо матраца на ней были навалены сухие листья.

Гек не любил спать ни у стены, ни посредине. Он любил спать с краю. И хотя еще с раннего детства он слышал песню «Баю-баюшки-баю, не ложися на краю», Гек все равно всегда спал с краю.

Если же его клали в середку, то во сне он сбрасывал со всех одеяла, отбивался локтями и толкал Чука в живот коленом.

Не раздеваясь и укрывшись тулупами, они улеглись: Чук у стенки, мать посредине, а Гек с краю.

Ямщик потушил свечку и полез на печь. Разом все уснули. Но, конечно, как и всегда, ночью Геку захотелось пить, и он проснулся.

В полудреме он надел валенки, добрался до стола, глотнул воды из чайника и сел перед окном на табуретку.

Луна была за тучками и, сквозь маленькое окошко сугробы снега казались черно-синими.

«Вот как далеко занесло нашего папу!» – удивился Гек. И он подумал, что, наверное, дальше, чем это место, уже и не много осталось мест на свете.

Но вот Гек прислушался. За окном ему почудился стук. Это был даже не стук, а скрип снега под чьими-то тяжелыми шагами. Так и есть! Вот во тьме что-то тяжело вздохнуло, зашевелилось, заворочалось, и Гек понял, что это мимо окна прошел медведь.

–Злобный медведь, что тебе надо? Мы так долго едем к папе, а ты хочешь нас сожрать, чтобы мы его никогда не увидели?.. Нет, уходи прочь, пока люди не убили тебя метким ружьем или острой саблей!

Так думал и бормотал Гек, а сам со страхом и любопытством крепче и крепче прижимался лбом к обледенелому стеклу узкого окошка.

Но вот из-за быстрых туч стремительно выкатилась луна. Черно-синие сугробы засверкали мягким матовым блеском, и Гек увидел, что медведь этот вовсе не медведь, а просто это отвязавшаяся лошадь ходит вокруг саней и ест сено.

Было досадно. Гек залез на кровать под тулуп, а так как только что он думал о нехорошем, то и сон к нему пришел угрюмый.

Приснился Геку странный сон!
Как будто страшный Турворон
Плюет слюной, как кипятком,
Грозит железным кулаком.
Кругом пожар! В снегу следы!
Идут солдатские ряды.
И волокут из дальних мест
Кривой фашистский флаг и крест.

–Постойте!– закричал им Гек.– Вы не туда идете! Здесь нельзя!

Но никто не постоял, и его, Гека, не слушали.

В гневе тогда выхватил Гек жестяную сигнальную дуду, ту, что лежала у Чука в картонке из-под ботинок, и загудел так громко, что быстро поднял голову задумчивый командир железного бронепоезда, властно махнул рукой – и разом ударили залпом его тяжелые и грозные орудия.

–Хорошо!– похвалил Гек.– Только стрельните еще, а то одного раза им, наверное, мало...

Мать проснулась оттого, что оба ее дорогих сына с двух сторон нестерпимо толкались и ворочались.

Она повернулась к Чуку и почувствовала, как в бок ей ткнуло что-то твердое и острое. Она пошарила и достала из-под одеяла пружину от капкана, которую запасливый Чук тайно притащил с собой в постель.

Мать швырнула пружину за кровать. При свете луны она заглянула в лицо Геку и поняла, что ему снится тревожный сон.

Сон, конечно, не пружина, и его нельзя выкинуть. Но его можно потушить. Мать повернула Гека со спины на бок и, покачивая, тихонько подула на его теплый лоб.

Вскоре Гек засопел, улыбнулся, и это означало, что плохой сон погас.

Тогда мать встала и в чулках, без валенок, подошла к окошку.

Еще не светало, и небо было все в звездах. Иные звезды горели высоко, а иные склонялись над черной тайгой совсем низко.

И – удивительное дело!– тут же и так же, как маленький Гек, она подумала, что дальше, чем это место, куда занесло ее беспокойного мужа, наверное, и не много осталось мест на свете.

Весь следующий день дорога шла лесом и горами. На подъемах ямщик соскакивал с саней и шел по снегу рядом. Но зато на крутых спусках сани мчались с такой быстротой, что Чуку с Гekom казалось, будто бы они вместе с лошадьми и санями проваливаются на землю прямо с неба.

Наконец под вечер, когда и люди и кони уже порядком устали, ямщик сказал:

–Ну, вот и приехали! За этим мыском поворот. Тут, на поляне, и стоит ихняя база... Эй, но-о!.. Наваливай!

Весело взвизгнув, Чук и Гек вскочили, но сани дернули, и они дружно плюхнулись в сено.

Улыбающаяся мать скинула шерстяной платок и осталась только в пушистой шапке.

Вот и поворот. Сани лихо развернулись и подкатили к трем домишкам, которые торчали на небольшой, укрытой от ветров опушке.

Очень странно! Не лаяли собаки, не было видно людей. Не валил дым из печных труб. Все дорожки были занесены глубоким снегом, а кругом стояла тишина, как зимой на кладбище. И только белобокие сороки бестолково скакали с дерева на дерево.

—Ты куда же нас привез?— в страхе спросила у ямщика мать.— Разве нам сюда надо?

—Куда рянулись, туда и привез,— ответил ямщик.— Вот эти дома называются «Разведывательно-геологическая база номер три». Да вот и вывеска на столбе... Читайте. Может быть, вам нужна база под названием номер четыре? Так то километров двести совсем в иную сторону.

—Нет, нет!— взглянув на вывеску, ответила мать.— Нам нужна эта самая. Но ты посмотри: двери на замках, крыльцо в снегу, а куда же девались люди?

—Я не знаю, куда б им деваться,— удивился и сам ямщик.— На прошлой неделе мы сюда продукт возили: муку, лук, картошку. Все люди тут были: восемь человек, начальник девятый, со сторожем десять... Вот еще забота! Не волки же их всех поели... Да вы постойте, я пойду посмотрю в сторожку.

И, сбросив тулуп, ямщик зашагал через сугробы к крайней избушке.

Вскоре он вернулся:

—Изба пуста, а печка теплая. Значит, здесь сторож, да, видать, ушел на охоту. Ну, к ночи вернется и все вам расскажет.

—Да что он мне расскажет!— ахнула мать.— Я и сама вижу, что людей здесь уже давно нету.

—Это я уж не знаю, что он расскажет,— ответил ямщик.— А что-нибудь рассказать должен, на то он и сторож.

С трудом подъехали они к крыльцу сторожки, от которого к лесу вела узенькая тропка.

Они вошли в сени и мимо лопат, метел, топоров, палок, мимо промерзлой медвежьей шкуры, что висела на железном крюку, прошли в избушку. Вслед за ними ямщик тащил вещи.

В избушке было тепло. Ямщик пошел задавать лошадям корм, а мать молча раздевала перепуганных ребятишек.

—Ехали к отцу, ехали — вот тебе и приехали!

Мать села на лавку и задумалась. Что случилось, почему на базе пусто и что теперь делать? Ехать назад? Но у нее денег оставалось только-только заплатить ямщику за дорогу. Значит, надо было ожидать, когда вернется сторож. Но ямщик через три часа уедет обратно, а вдруг сторож возьмет да не скоро вернется? Тогда как? А ведь отсюда до ближайшей станции и телеграфа почти сто километров!

Вошел ямщик. Оглядев избу, он потянул носом воздух, подошел к печке и открыл заслонку.

—Сторож к ночи вернется,— успокоил он.— Вот в печи горшок со щами. Кабы он ушел надолго, он бы щи на холод вынес... А то как хотите,— предложил ямщик.— Раз уж такое дело, то я не чурбак. Я вас назад до станции бесплатно доставлю.

—Нет,— отказалась мать.— На станции нам делать нечего.

Опять поставили чайник, подогрели колбасу, поели, попили, и, пока мать разбирала вещи, Чук с Геком забрались на теплую печку. Здесь пахло березовыми вениками, горячей овчиной и сосновыми щепками. А так как расстроенная мать была молчалива, то Чук с Геком молчали тоже. Но долго молчать не намоглись, и поэтому, не найдя себе никакого дела, Чук и Гек быстро и крепко уснули.

Они не слышали, как уехал ямщик и как мать, забравшись на печку, улеглась с ними рядом. Они проснулись уже тогда, когда в избе было совсем темно. Проснулись все разом, потому что на крыльце послышался топот, потом что-то в сенях загрохотало — должно быть, упала лопата. Распахнулась дверь, и с фонарем в руках в избу вошел сторож, а с ним большая лохматая собака. Он скинул с плеча ружье, бросил на лавку убитого зайца и, поднимая фонарь к печке, спросил:

—Это что же за гости сюда приехали?

—Я жена начальника геологической партии Серегина,— сказала мать, соскакивая с печки,— а это его дети. Если нужно, то вот документы.

—Вон они, документы: сидят на печке,— буркнул сторож и осветил фонарем на встревоженные лица Чука и Гека.— Как есть в отца — копия! Особо вот этот толстый.— И он ткнул на Чука пальцем.

Чук и Гек обиделись: Чук — потому, что его называли толстым, а Гек — потому, что он всегда считал себя похожим на отца больше, чем Чук.

—Вы зачем, скажите, приехали?— глянув на мать, спросил сторож.— Вам же приезжать было не велено.

—Как не велено? Кем это приезжать не велено?

—А так и не велено. Я сам на станцию возил от Серегина телеграмму, а в телеграмме ясно написано: «Задержись выезжать на две недели. Наша партия срочно выходит в тайгу». Раз Серегин пишет «задержись» — значит, и надо было держаться, а вы самовольничаете.

—Какую телеграмму?— переспросила мать.— Мы никакой телеграммы не получали.— И, как бы ища поддержки, она растерянно глянула на Чука и Гека.

Но под ее взглядом Чук и Гек, испуганно тараща друг на друга глаза, поспешно попятились глубже на печку.

—Дети,— подозрительно глянув на сыновей, спросила мать,— вы без меня никакой телеграммы не получали?

На печке захрустели сухие щепки, веники, но ответа на вопрос не последовало.

—Отвечайте, мучители!— сказала тогда мать.— Вы, наверное, без меня получили телеграмму и мне ее не отдали?

Прошло еще несколько секунд, потом с печки раздался ровный и дружный рев. Чук затащил басовито и однотонно, а Гек выводил потоньше и с переливами.

—Вот где моя погибель!— воскликнула мать.— Вот кто, конечно, сведет меня в могилу! Да перестаньте вы гудеть и расскажите толком, как было дело.

Однако, услышав, что мать собирается идти в могилу, Чук с Геком взвыли еще громче, и прошло немало времени, пока, перебивая и бесстыдно сваливая вину друг на друга, они затащили свой печальный рассказ.

Ну что с таким народом будешь делать? Поколотить их палкой? Посадить в тюрьму? Заковать в кандалы и отправить на каторгу? Нет, ничего этого мать не сделала. Она вздохнула, приказала сыновьям слезть с печки, вытереть носы и умыться, а сама стала спрашивать сторожа, как же ей теперь быть и что делать.

Сторож сказал, что разведывательная партия по срочному приказу ушла к ущелью Алкараш и вернется никак не раньше чем дней через десять.

—Но как же мы эти десять дней жить будем?— спросила мать.— Ведь у нас с собой нет никакого запаса.

—А так вот и живите,— ответил сторож.— Хлеба я вам дам, вон подарю зайца — обдерете и сварите. А я завтра на двое суток в тайгу уйду, мне капканы проверять надо.

—Нехорошо,— сказала мать.— Как же мы останемся одни? Мы тут ничего не знаем. А здесь лес, звери...

—Я второе ружье оставлю,— сказал сторож.— Дрова под навесом, вода в роднике за пригорком. Вон крупа в мешке, соль в банке. А мне — я вам прямо скажу — нянчиться с вами тоже некогда...

—Эдакий злой дядька!— прошептал Гек.— Давай, Чук, мы с тобой ему что-нибудь скажем.

—Вот еще!— отказался Чук.— Он тогда возьмет и вовсе нас из дому выгонит. Ты погоди, приедет папа, мы ему все и расскажем.

—Что ж папа! Папа еще долго...

Гек подошел к матери, сел к ней на колени и, сдвинув брови, строго посмотрел в лицо грубому сторожу.

Сторож снял меховой кожух и подвинулся к столу, к свету. И только тут Гек разглядел, что от плеча к спине кожуха вырван огромный, почти до пояса, меховой клочок.

—Достань из печки щи,— сказал матери сторож.— Вон на полке ложки, миски, садитесь и ешьте. А я шубу чинить буду.

—Ты хозяин,— сказала мать.— Ты достань, ты и угощай. А полушубок дай: я лучше твоего заплаताю.

Сторож поднял на нее глаза и встретил суровый взгляд Гека.

—Эге! Да вы, я вижу, упрямые,— пробурчал он, протянул матери полушубок и полез за посудой на полку.

—Это где так разорвалось?— спросил Чук, указывая на дыру кожуха.

—С медведем не ладили. Вот он меня и царапнул,— нехотя ответил сторож и бухнул на стол тяжелый горшок со щами.

–Слышишь, Гек?– сказал Чук, когда сторож вышел в сени.– Он подрался с медведем и, наверное, от этого сегодня такой сердитый.

Гек слышал все сам. Но он не любил, чтобы кто-либо обижал его мать, хотя бы это и был человек, который мог поссориться и подраться с самим медведем.

Утром, еще на заре, сторож захватил с собой мешок, ружье, собаку, стал на лыжи и ушел в лес. Теперь хозяйничать надо было самим.

Втроем ходили они за водой. За пригорком из отвесной скалы среди снега бил ключ. От воды, как из чайника, шел густой пар, но когда Чук подставил под струю палец, то оказалось, что вода холодней самого мороза.

Потом они таскали дрова. Русскую печь мать топить не умела, и поэтому дрова долго не разгорались. Но зато когда разгорелись, то пламя запылало так жарко, что толстый лед на окне у противоположной стенки быстро растаял. И теперь через стекло видна была и вся опушка с деревьями, по которым скакали сороки, и скалистые вершины Синих гор.

Кур мать потрошить умела, но обдирать зайца ей еще не приходилось, и она с ним провозилась столько, что за это время можно было ободрать и разделать быка или корову.

Геку это обдирание ничуть не понравилось, но Чук помогал охотно, и за это ему достался зайчиный хвост, такой легкий и пушистый, что если его бросать с печки, то он падал на пол плавно, как парашют.

После обеда они все втроем вышли гулять.

Чук уговаривал мать, чтобы она взяла с собой ружье или хотя бы ружейные патроны. Но мать ружья не взяла.

Наоборот, она нарочно повесила ружье на высокий крюк, потом встала на табуретку, засунула патроны на верхнюю полку и предупредила Чука, что если он попробует стянуть хоть один патрон с полки, то на хорошую жизнь пусть больше и не надеется.

Чук покраснел и поспешно удалился, потому что один патрон уже лежал у него в кармане.

Удивительная это была прогулка! Они шли гуськом к роднику по узенькой тропке. Над ними сияло холодное голубое небо; как сказочные замки и башни, поднимались к небу остроконечные утесы Синих гор. В морозной тишине резко стрекотали любопытные сороки. Меж густых кедровых ветвей бойко прыгали серые юркие белки. Под деревьями, на мягком белом снегу отпечатались причудливые следы незнакомых зверей и птиц.

Вот в тайге что-то застонало, загудело, треснуло. Должно быть, ломая сучья, обвалилась с вершины дерева гора обледенелого снега.

Раньше, когда Гек жил в Москве, ему представлялось, что вся земля состоит из Москвы, то есть из улиц, домов, трамваев и автобусов.

Теперь же ему казалось, что вся земля состоит из высокого дремучего леса.

Да и вообще, если над Геком светило солнце, то он был уверен, что и над всей землей ни дождя, ни туч нету.

И если ему было весело, то он думал, что и всем на свете людям хорошо и весело тоже.

Прошло два дня, наступил третий, а сторож из леса не возвращался, и тревога нависла над маленьким, занесенным снегом домиком.

Особенно страшно было по вечерам и ночами. Они крепко запирали сени, двери и, чтобы не привлечь зверей светом, наглухо занавешивали половиком окна, хотя надо было делать совсем наоборот, потому что зверь – не человек и он огня боится. Над печной трубой, как и полагается, гудел ветер, а когда выюга хлестала острыми снежными льдинками по стене и окнам, то всем казалось, что снаружи кто-то толкается и царапается.

Они забрались спать на печку, и там мать долго рассказывала им разные истории и сказки. Наконец она задремала.

–Чук,– спросил Гек,– почему волшебники бывают в разных историях и сказках? А что, если бы они были и на самом деле?

–И ведьмы и черти чтобы были тоже?– спросил Чук.

–Да нет!– с досадой отмахнулся Гек.– Чертей не надо. Что с них толку? А мы бы попросили волшебника, он слетал бы к папе и сказал бы ему, что мы уже давно приехали.

–А на чем бы он полетел, Гек?

–Ну, на чем... Замахал бы руками или там еще как. Он уж сам знает.

–Сейчас руками махать холодно,– сказал Чук.– У меня вон какие перчатки да варежки, да и то, когда я тащил полено, у меня пальцы совсем замерзли.

—Нет, ты скажи, Чук, а все-таки хорошо бы?

—Я не знаю,— заколебался Чук.— Помнишь, во дворе, в подвале, где живет Мишка Крюков, жил какой-то хромой. То он торговал баранками, то к нему приходили всякие бабы, старухи, и он им гадал, кому будет жизнь счастливая и кому несчастная.

—И хорошо он нагадывал?

—Я не знаю. Я знаю только, что потом пришла милиция, его забрали, а из его квартиры много чужого добра вытащили.

—Так он, наверное, был не волшебник, а жулик. Ты как думаешь?

—Конечно, жулик,— согласился Чук.— Да, я так думаю, и все волшебники должны быть жуликами. Ну, скажи, зачем ему работать, раз он и так во всякую дыру пролезть может? Знай только хватай, что надо... Ты бы лучше спал, Гек, все равно я с тобой больше разговаривать не буду.

—Почему?

—Потому что ты городишь всякую ерунду, а ночью она тебе приснится, ты и начнешь локтями да коленями дрыгать. Думаешь, хорошо, как ты мне вчера кулаком в живот бухнул? Дай-ка я тебе бухну тоже...

На утро четвертого дня матери самой пришлось колоть дрова. Заяц был давно съеден, и кости его расхватаны сороками. На обед они варили только кашу с постным маслом и луком. Хлеб был на исходе, но мать нашла муку и испекла лепешек.

После такого обеда Гек был грустен, и матери показалось, что у него повышена температура.

Она приказала ему сидеть дома, одела Чука, взяла ведра, салазки, и они вышли, чтобы привезти воды и заодно набрать на опушке сучьев и веток,— тогда утром легче будет растапливать печку.

Гек остался один. Он ждал долго. Ему стало скучно, и он начал что-то придумывать.

...А мать и Чук задержались. На обратном пути к дому санки перевернулись, ведра опрокинулись, и пришлось ехать к роднику снова. Потом выяснилось, что Чук на опушке позабыл теплую

варежку, и с полпути пришлось возвращаться. Пока искали, пока то да се, наступили сумерки.

Когда они вернулись домой, Гека в избе не было. Сначала они подумали, что Гек спрятался на печке за овчинами. Нет, там его не было.

Тогда Чук хитро улыбнулся и шепнул матери, что Гек, конечно, залез под печку.

Мать рассердилась и приказала Геку вылезать. Гек не откликался.

Тогда Чук взял длинный ухват и стал им под печкой ворочать. Но и под печкой Гека не было.

Мать встревожилась, взглянула на гвоздь у двери. Ни полушубок Гека, ни шапка на гвозде не висели.

Мать вышла во двор, обошла кругом избушку. Зашла в сени, зажгла фонарь. Заглянула в темный чулан, под навес с дровами...

Она звала Гека, ругала, упрашивала, но никто не отзывался. А темнота быстро ложилась на сугробы.

Тогда мать заскочила в избу, сдернула со стены ружье, достала патроны, схватила фонарь и, крикнув Чуку, чтобы он не смел двигаться с места, выбежала во двор.

Следов за четыре дня было натоптано немало.

Где искать Гека, мать не знала, но она побежала к дороге, так как не верила, чтобы Гек один мог осмелиться зайти в лес.

На дороге было пусто.

Она зарядила ружье и выстрелила. Прислушалась, выстрелила еще и еще раз.

Вдруг совсем неподалеку ударил ответный выстрел. Кто-то спешил к ней на помощь.

Она хотела бежать навстречу, но ее валенки увязли в сугробе. Фонарь попал в снег, стекло лопнуло, и свет погас.

С крыльца сторожки раздался пронзительный крик Чука.

Это, услышав выстрелы, Чук решил, что волки, которые сожрали Гека, напали на его мать.

Мать отбросила фонарь и, задыхаясь, побежала к дому. Она втолкнула раздетого Чука в избу, швырнула ружье в угол и, зачерпнув ковшом, глотнула ледяной воды.

У крыльца раздался гром и стук. Распахнулась дверь. В избу влетела собака, а за нею вошел окутанный паром сторож.

—Что за беда? Что за стрельба?— спросил он, не здороваясь и не раздеваясь.

—Пропал мальчик,— сказала мать. Слезы ливнем хлынули из ее глаз, и она больше не могла сказать ни слова.

—Стой, не плачь!— гаркнул сторож.— Когда пропал? Давно? Недавно?.. Назад, Смелый!— крикнул он собаке.— Да говорите же, или я уйду обратно!

—Час тому назад,— ответила мать.— Мы ходили за водой. Мы пришли, а его нет. Он оделся и куда-то

—Ну, за час он далеко не уйдет, а в одеже и в валенках сразу не замерзнет... Ко мне, Смелый! На, нюхай!

Сторож сдернул с гвоздя башлык и подвинул под нос собаки калоши Гека.

Собака внимательно обнюхала вещи и умными глазами посмотрела на хозяина.

—За мной!— распахивая дверь, сказал сторож.— Иди ищи, Смелый!

Собака вильнула хвостом и осталась стоять на месте.

—Вперед!— строго повторил сторож.— Ищи, Смелый, ищи!

Собака беспокойно крутила носом, переступала с ноги на ногу и не двигалась.

—Это еще что за танцы?— рассердился сторож. И, опять сунув собаке под нос башлык и калоши Гека, он дернул ее за ошейник.

Однако Смелый за сторожем не пошел; он покрутился, повернулся и пошел в противоположный от двери угол избы.

Здесь он остановился около большого деревянного сундука, царапнул по крышке мохнатой лапой и, обернувшись к хозяину, три раза громко и лениво гавкнул.

Тогда сторож сунул ружье в руки оторопелой матери, подошел и открыл крышку сундука.

В сундуке, на куче всякого тряпья, овчин, мешков, укрывшись своей шубенкой и подложив под голову шапку, крепко и спокойно спал Гек.

Когда его вытащили и разбудили, то, хлопая сонными глазами, он никак не мог понять, отчего это вокруг него такой шум и такое буйное веселье. Мать целовала его и плакала. Чук дергал его за руки, за ноги, подпрыгивал и кричал:

—Эй-ля! Эй-ли-ля!..

Лохматый пес Смелый, которого Чук поцеловал в морду, сконфуженно обернулся и, тоже ничего не понимая, тихонько вилял серым хвостом, умильно поглядывая на лежавшую на столе краюху хлеба.

Оказывается, когда мать и Чук ходили за водой, то соскучившийся Гек решил пошутить. Он забрал полушубок, шапку и залез в сундук. Он решил, что когда они вернутся и станут его искать, то он из сундука страшно завоет.

Но так как мать и Чук ходили очень долго, то он лежал, лежал и незаметно заснул.

Вдруг сторож встал, подошел и брякнул на стол тяжелый ключ и измятый голубой конверт.

—Вот,— сказал он,— получайте. Это вам ключ от комнаты и от кладовой и письмо от начальника Серегина. Он с людьми здесь будет через четверо суток, как раз к Новому году.

Так вот он где пропадал, этот неприветливый, хмурый старик! Сказал, что идет на охоту, а сам бегал на лыжах к далекому ущелью Алкараш.

Не распечатывая письма, мать встала и с благодарностью положила старику на плечо руку.

Он ничего не ответил и стал ворчать на Гека за то, что тот рассыпал в сундуке коробку с пыжами, а заодно и на мать — за то, что она разбила стекло у фонаря. Он ворчал долго и упорно, но никто теперь этого доброго чудака не боялся. Весь этот вечер мать не отходила от Гека и, чуть что, хватала его за руку, как будто боялась, что вот-вот он опять куда-нибудь исчезнет. И так много она о нем заботилась, что наконец Чук обиделся и про себя уже несколько раз пожалел, что и он не полез в сундук тоже.

Теперь стало весело. На следующее утро сторож открыл комнату, где жил их отец. Он жарко натопил печь и перенес сюда все их вещи. Комната была большая, светлая, но все в ней было расставлено и навалено без толку.

Мать сразу же взялась за уборку. Целый день она все переставляла, скоблила, мыла, чистила.

И когда к вечеру сторож принес вязанку дров, то, удивленный переменной и невиданной чистотой, он остановился и не пошел дальше порога.

А собака Смелый пошла.

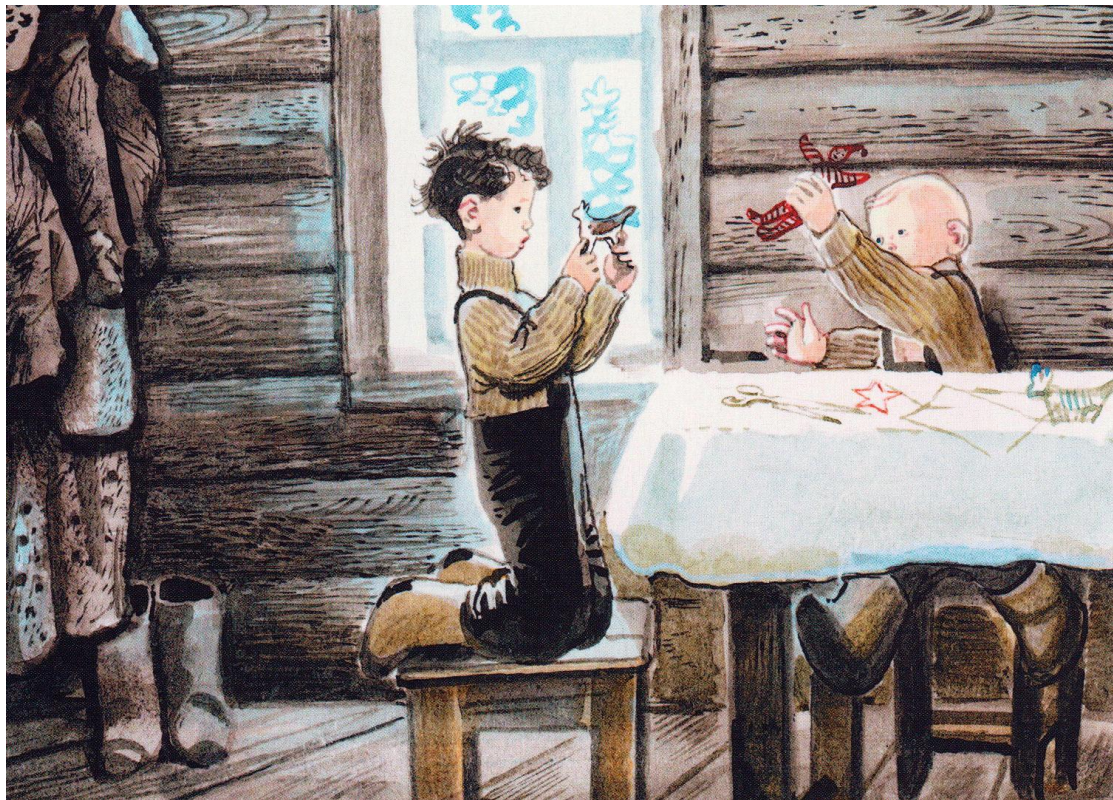
Она пошла прямо по свежевывытому полу, подошла к Геку и ткнула его холодным носом. Вот, мол, дурак, это я тебя нашла, и за это ты должен дать мне что-нибудь покушать.

Мать раздобрилась и кинула Смелому кусок колбасы. Тогда сторож заворчал и сказал, что если в тайге собак кормить колбасой, так это сорокам на смех.

Мать отрезала и ему полкруга. Он сказал «спасибо» и ушел, все чему-то удивляясь и покачивая головой.

На следующий день было решено готовить к Новому году елку.

Из чего-чего только не выдумывали они мастерить игрушки!

Они ободрали все цветные картинки из старых журналов. Из лоскутьев и ваты понашили зверьков, кукол. Вытянули у отца из ящика всю папиросную бумагу и наvertели пышных цветов.

Уж на что хмур и нелюдим был сторож, а и тот, когда приносил дрова, подолгу останавливался у двери и дивился на их все новые и новые затеи. Наконец он не вытерпел. Он принес им серебряную бумагу от завертки чая и большой кусок воска, который у него остался от сапожного дела.

Это было замечательно! И игрушечная фабрика сразу превратилась в свечной завод. Свечи были неуклюжие, неровные. Но горели они так же ярко, как и самые нарядные покупные.

Теперь дело было за елкой. Мать попросила у сторожа топор, но он ничего на это ей даже не ответил, а стал на лыжи и ушел в лес.

Через полчаса он вернулся.

Ладно. Пусть игрушки были и не ахти какие нарядные, пусть зайцы, сшитые из тряпок, были похожи на кошек, пусть все куклы были на одно лицо – прямоносые и лупоглазые, и пусть, наконец, еловые шишки, обернутые серебряной бумагой, не так сверкали, как хрупкие и тонкие стеклянные игрушки, но зато такой елки в Москве, конечно, ни у кого не было. Это была настоящая таежная красавица – высокая, густая, прямая и с ветвями, которые расходились на концах, как звездочки.

Четыре дня за делом пролетели незаметно. И вот наступил канун Нового года. Уже с утра Чука и Гека нельзя было загнать домой. С посинелыми носами они торчали на морозе, ожидая, что вот-вот из леса выйдет отец и все его люди.

Но сторож, который топил баню, сказал им, чтобы они не мерзли понапрасну, потому что вся партия вернется только к обеду.

И в самом деле. Только что они сели за стол, как сторож постучал в окошко. Кое-как одевшись, все втроем они вышли на крыльцо.

—Теперь смотрите,— сказал им сторож.— Вот они сейчас покажутся на скате той горы, что правей большой вершины, потом опять пропадут в тайге, и тогда через полчаса все будут дома.

Так оно и вышло. Сначала из-за перевала вылетела собачья упряжка с груженными санями, а за нею следом пронеслись быстроходные лыжники.

По сравнению с громадой гор они казались до смешного маленькими, хотя отсюда были отчетливо видны их руки, ноги и головы.

Они промелькнули по голому скату и исчезли в лесу.

Ровно через полчаса послышался лай собак, шум, скрип, крики.

Почуявшие дом голодные собаки лихо вынеслись из леса. А за ними, не отставая, выкатили на опушку девять лыжников. И, увидав на крыльце мать, Чука и Гека, они на бегу подняли лыжные палки и громко закричали: «Ура!»

Тогда Гек не вытерпел, прыгнул в крыльца и, зачерпывая снег валенками, помчался навстречу высокому, заросшему бородой человеку, который бежал впереди и кричал «ура» громче всех.

Днем чистились, брились и мылись.

А вечером была для всех елка, и все дружно встречали Новый год.

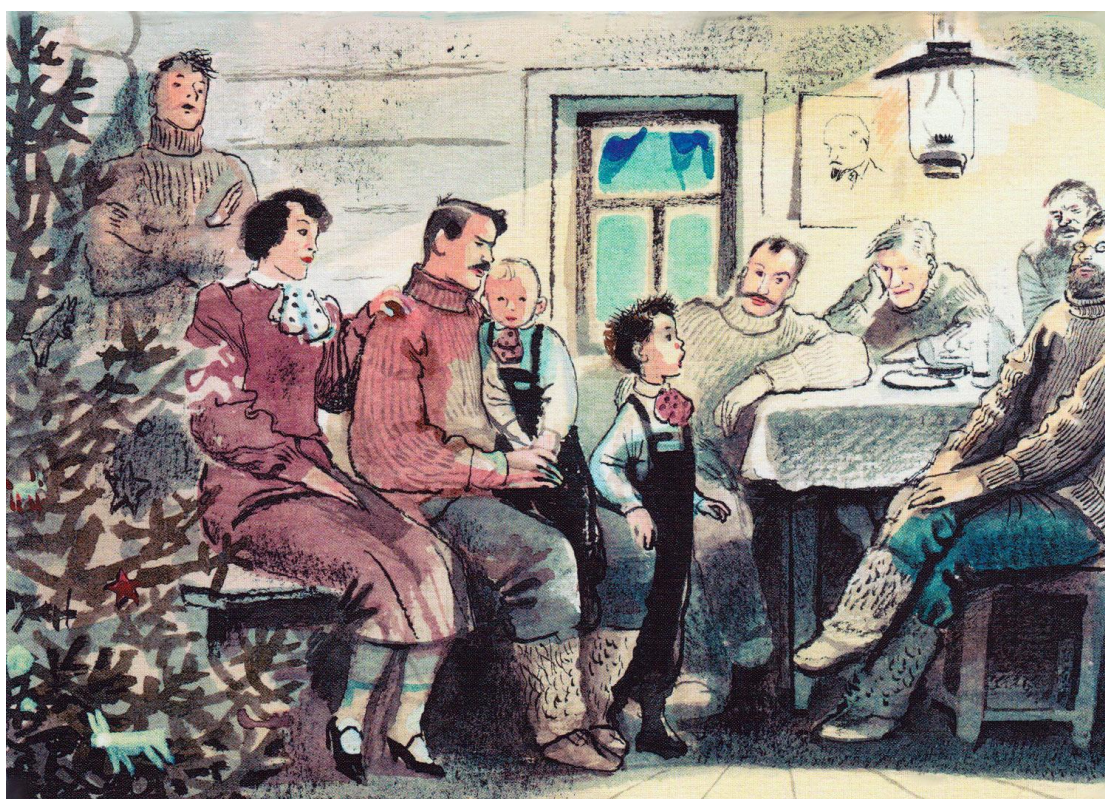
Когда был накрыт стол, потушили лампу и зажгли свечи. Но так как, кроме Чука с Геком, остальные все были взрослые, то они, конечно, не знали, что теперь нужно делать.

Хорошо, что у одного человека был баян и он заиграл веселый танец. Тогда все повскакали, и всем захотелось танцевать. И все танцевали очень прекрасно, особенно когда приглашали на танец маму.

А отец танцевать не умел. Он был очень сильный, добродушный, и когда он без всяких танцев просто шагал по полу, то и то в шкафу звенела вся посуда.

Он посадил себе Чука с Геком на колени, и они громко хлопали всем в ладоши.

Потом танец окончился, и люди попросили, чтобы Гек спел песню. Гек не стал ломаться. Он и сам знал, что умеет петь песни, и гордился этим.

Баянист подыгрывал, а он им спел песню. Какую – я уже сейчас не помню. Помню, что это была очень хорошая песня, потому что все люди, слушая ее, замолкли и притихли. И когда Гек останавливался, чтобы перевести дух, то было слышно, как потрескивали свечи и гудел за окном ветер.

А когда Гек окончил петь, то все зашумели, закричали, подхватили Гека на руки и стали его подкидывать. Но мать тотчас же отняла у них Гека, потому что она испугалась, как бы сгоряча его не стукнули о деревянный потолок.

–Теперь садитесь,– взглянув на часы, сказал отец.– Сейчас начнется самое главное.

Он пошел и включил радиоприемник. Все сели и замолчали. Сначала было тихо. Но вот раздался шум, гул, гудки. Потом что-то стукнуло, зашипело, и откуда-то издалека донесся мелодичный звон.

Большие и маленькие колокола звонили так:

Тир-лиль-лили-дон!

Тир-лиль-лили-дон!

Чук с Геком переглянулись. Они гадали, что это. Это в далекой-далекой Москве, под красной звездой, на Спасской башне звонили золотые кремлевские часы.

И этот звон – перед Новым годом – сейчас слушали люди и в городах, и в горах, в степях, в тайге, на синем море.

И, конечно, задумчивый командир бронепоезда, тот, что неутомимо ждал приказа от Ворошилова, чтобы открыть против врагов бой, слышал этот звон тоже.

И тогда все люди встали, поздравили друг друга с Новым годом и пожелали всем счастья.

Что такое счастье – это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной.

Василиса Прекрасная

Василиса Прекрасная — русская народная сказка о красивой и доброй девочке, у которой умерла мама и оставила ей в помощь куклу вместе с благословением. Мачеха и её дочери, Баба-яга пытались изжить и заморить девочку, но волшебная куколка везде помогала Василисе в обмен на её добрые слова. Соткала даже такое полотно, какого свет не видывал и отправила мачеху продать его царю. Царь захотел, чтобы Василиса сшила из них рубашки и приехала к нему лично за подарками. Когда Василиса Прекрасная явилась к царю, тот сразу в неё влюбился без памяти. На этом и закончились все беды Василисы.

В некотором царстве жил-был купец. Двенадцать лет жил он в супружестве и прижил только одну дочь, Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, девочке было восемь лет. Умирая, купчиха подозвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу, отдала ей и сказала:

— Слушай, Василисушка! Помни и исполни последние мои слова. Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу; береги её, держи всегда при себе и никому не показывай; а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у неё совета. Покушает она и скажет тебе, чем помочь несчастью.

Затем мать поцеловала дочку и померла.

После смерти жены купец потужил, как следовало, а потом стал думать, как бы опять жениться. Он был человек хороший; за невестами дело не стало, но больше всех по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже в годах, имела своих двух дочерей, почти однолеток Василисе, — стало быть, и хозяйка, и мать опытная. Купец женился на вдовушке, но ошибся и не нашёл в ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на всё село красавица; мачеха и сёстры завидовали её красоте, мучили её всевозможными работами, чтоб она от трудов похудела, а от ветра и солнца почернела; совсем житья не было!

Василиса всё переносила безропотно и с каждым днём всё хорошела, а между тем мачеха с дочками своими дурнели от злости несмотря на то, что они всегда сидели сложа руки, как барыни. Как же это так делалось? Василисе помогала её куколка. Без этого, где бы девочке сладить со всею работою! Зато Василиса сама, бывало, не съест, а уж куколке оставит самый лакомый кусочек, и вечером, как все улягутся, она зайдёт в чуланчике, где жила, и угощает её, приговаривая:

— На, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я в доме у батюшки, не вижу себе никакой радости; злая мачеха гонит меня с белого света. Научи ты меня, как мне быть и жить и что делать?

Куколка покушает, да потом и даёт ей советы и утешает в горе, а наутро всякую работу справляет за Василису; та только отдыхает в холодке да рвёт цветочки, а у неё уж и гряды выполоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь вытоплена. Куколка ещё укажет Василисе и травку от загара. Хорошо было жить ей с куколкой.

Прошло несколько лет; Василиса выросла и стала невестой. Все женихи в городе присватываются к Василисе; на мачехиных дочерей никто и не посмотрит. Мачеха злится пуще прежнего и всем женихам отвечает:

— Не выдам меньшей раньше старших! — а проводя женихов, побоями вымещает зло на Василисе.

Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам. Мачеха и перешла на житьё в другой дом, а возле этого дома был дремучий лес, а далеко в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила баба-яга: никого она к себе не подпускала. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дело посылала за чем-нибудь в лес ненавистную ей Василису, но эта завсегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала к избушке бабы-яги.

Пришла осень. Мачеха раздала всем трём девушкам вечерние работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть. Погасила огонь во всём доме, оставила одну свечку там, где работали девушки, и сама легла спать. Вот нагорело на свечке, одна из мачехиных дочерей взяла щипцы, чтоб поправить светильню, да вместо того, по приказу матери, как будто нечаянно и потушила свечку.

— Что теперь нам делать? — говорили девушки. — Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбегать за огнём к бабе-яге!

— Мне от булавок светло! — сказала та, что плела кружево. — Я не пойду.

— И я не пойду, — сказала та, что вязала чулок. — Мне от спиц светло!

— Тебе за огнём идти, — закричали обе. — Ступай к бабе-яге! — и вытолкали Василису из горницы.

Василиса пошла в свой чуланчик, поставила перед куклою приготовленный ужин и сказала:

— На, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылают за огнём к бабе-яге!

Куколка поела, и глаза её заблестели, как две свечки.

— Не бойся, Василисушка! — сказала она. — Ступай, куда посылают, только меня держи всегда при себе. При мне ничего не случится с тобой у бабы-яги.

Василиса собралась, положила куколку свою в карман и, перекрестившись, пошла в дремучий лес.

Идёт она и дрожит. Вдруг скачет мимо её всадник: сам белый, одет в белом, конь под ним белый, и сбруя на коне белая, — на дворе стало рассветать.

Идёт она дальше, как скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне, — стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка яги-бабы. Василиса обомлела от ужаса и стала как вкопанная. Вдруг едет опять всадник: сам чёрный, одет во всём чёрном и на чёрном коне; подскакал к воротам бабы-яги и исчез, как сквозь землю провалился, — настала ночь. Василиса дрожала со страху, но, не зная куда бежать, оставалась на месте. Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели; выехала из лесу баба-яга — в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает. Подъехала к воротам, остановилась и, обнюхав вокруг себя, закричала:

— Фу-фу! Русским духом пахнет! Кто здесь?

Василиса подошла к старухе со страхом и, низко поклонясь, сказала:

— Это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня за огнём к тебе.

— Хорошо, — сказала яга-баба, — знаю я их, поживи ты наперёд да поработай у меня, тогда и дам тебе огня!

Потом обратилась к воротам и вскрикнула:

— Эй, запоры мои крепкие, отомкнитесь; ворота мои широкие, отворитесь!

Ворота отворились, и баба-яга въехала, посвистывая, за нею вошла Василиса, а потом опять всё заперлось. Войдя в горницу, баба-яга растянулась и говорит Василисе:

— Подавай-ка сюда, что там есть в печи: я есть хочу.

Василиса начала таскать из печки да подавать яге кушанье, а кушанья настряпано было человек на десять. Всё съела, всё выпила старуха; Василисе оставила только щец немножко, краюшку хлеба да кусочек поросятины. Стала яга-баба спать ложиться и говорит:

— Когда завтра я уеду, ты смотри — двор вычисти, избу вымети, обед состряпай, бельё приготовь, да пойдёшь в закрома, возьми четверть пшеницы и очисти её от чернушки!

После такого наказа баба-яга захрапела; а Василиса поставила старухины объедки перед куклою, залилась слезами и заговорила:

— На, куколка, покушай, моего горя послушай! Тяжёлую дала мне яга-баба работу; помоги мне!

Кукла ответила:

— Не бойся, Василиса Прекрасная! Поужинай, да спать ложись; утро мудреней вечера!

Рано проснулась Василиса, а баба-яга уже встала, выглянула в окно: мелькнул белый всадник — и совсем рассвело. Баба-яга вышла на двор, свистнула — перед ней явилась ступа с пестом и помелом. Промелькнул красный всадник — взошло солнце. Баба-яга села в ступу и выехала со двора, пестом погоняет, помелом след замечает. Осталась Василиса одна, осмотрела дом бабы-яги, подивилась изобилию во всём и остановилась в раздумье: за какую работу ей прежде всего приняться. Глядит, а вся работа уже сделана; куколка выбирала из пшеницы последние зёрна чернушки.

— Ах, ты, избавительница моя! — сказала Василиса куколке. — Ты от беды меня спасла.

— Тебе осталось только обед состряпать, — отвечала куколка, влезая в карман Василисы. — Состряпай, да и отдыхай на здоровье!

К вечеру Василиса собрала на стол и ждёт бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнул за воротами чёрный всадник — и совсем стемнело. Затрещали деревья, захрустели листья — едет баба-яга. Василиса встретила её.

— Всё ли сделано? — спрашивает яга.

— Изволь посмотреть сама, бабушка! — молвила Василиса.

Баба-яга всё осмотрела, подсадовала, что не за что рассердиться, и сказала:

— Ну, хорошо!

Потом крикнула:

— Верные мои слуги, сердечные друзья, смелите мою пшеницу!

Явились три пары рук, схватили пшеницу и унесли вон из глаз. Баба-яга наелась, стала ложиться спать и опять дала приказ Василисе:

— Завтра сделай ты то же, что и нынче, да сверх того возьми из закрома мак да очисти его от земли по зёрнышку, видишь, кто-то по злобе земли в него намешал!

Сказала старуха, повернулась к стене и захрапела, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поела и сказала ей по-вчерашнему:

— Ложись спать; утро вечера мудренее, все будет сделано, Василисушка!

Наутро баба-яга опять уехала в ступе со двора, а Василиса с куколкой всю работу тотчас исправили. Старуха воротилась, оглядела всё и крикнула:

— Верные мои слуги, сердечные друзья, выжмите из маку масло!

Явились три пары рук, схватили мак и унесли из глаз. Баба-яга села обедать; она ест, а Василиса стоит молча.

— Что ж ты ничего не говоришь со мною? — сказала баба-яга. — Стоишь как немая!

— Не смела, — отвечала Василиса, — а если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой о чем.

— Спрашивай; только не всякий вопрос к добру ведёт: много будешь знать, скоро состаришься!

— Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде: кто он такой?

— Это день мой ясный, — отвечала баба-яга.

— Потом обогнал меня другой всадник на красном коне, сам красный и весь в красном одет; это кто такой?

— Это моё солнце красное! — отвечала баба-яга.

— А что значит чёрный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?

— Это ночь моя тёмная — всё мои слуги верные!

Василиса вспомнила о трёх парах рук и молчала.

— Что ж ты ещё не спрашиваешь? — молвила баба-яга.

— Будет с меня и этого; сама ж ты, бабушка, сказала, что много узнаешь — состаришься.

— Хорошо, — сказала баба-яга, — что ты спрашиваешь только о том, что видала за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили! Теперь я тебя спрошу: как успеваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебе?

— Мне помогает благословение моей матери, — отвечала Василиса.

— Так вот что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных.

Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота, дала ей в руки лучину и сказала:

— Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его; они ведь за этим тебя сюда и прислали.

Бегом пустилась домой Василиса, и, наконец, к вечеру другого дня добралась до своего дома.

Она взглянула на дом мачехи и, не видя ни в одном окне огонька, решилась идти туда со своей лучиной. Впервые встретили её ласково и рассказали, что с той поры, как она ушла, у них не было в доме огня: сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от соседей — тот погасал, как только входили с ним в горницу.

— Авось твой огонь будет держаться! — сказала мачеха.

Внесли огонь в горницу; а свет от него так и жжёт глаза мачехе и её дочерям! К утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло.

Поутру Василиса заперла дом на замок, пошла в город и попросилась на житье к одной безродной старушке; живёт себе и поджидает отца. Вот как-то говорит она старушке:

— Скучно мне сидеть без дела, бабушка! Сходи, купи мне льну лучшего; я хоть прясть буду.

Старушка купила льну хорошего; Василиса села за дело, работа так и горит у неё, и пряжа выходит ровная да тонкая, как волосок. Василиса легла спать, а кукла за ночь приготовила славный стан. К концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вместо нитки продеть можно. Весною полотно выбелили, и Василиса говорит старухе:

— Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себе.

Старуха взглянула на товар и ахнула:

— Нет, дитятко! Такого полотна, кроме царя, носить некому; понесу во дворец.

Пошла старуха к царским палатам да всё мимо окон похаживает. Царь увидал и спросил:

— Что тебе, старушка, надобно?

— Ваше царское величество, — отвечает старуха, — я принесла диковинный товар; никому, кроме тебя, показать не хочу.

Царь приказал впустить к себе старуху и как увидел полотно — удивился.

— Что хочешь за него? — спросил царь.

— Ему цены нет, царь-батюшка! Я тебе в дар его принесла.

Поблагодарил царь и отпустил старуху с подарками.

Стали царю из того полотна сорочки шить; вскрыли, да нигде не могли найти швеи, которая взялась бы их работать. Долго искали; наконец царь позвал старуху и сказал:

— Умела ты напрясть и соткать такое полотно, умей из него и сорочки сшить.

— Не я, государь, пряла и соткала полотно, — сказала старуха, — это работа приёмыша моего — девушки.

— Ну так пусть и сошьёт она!

Воротилась старушка домой и рассказала обо всём Василисе.

— Я знала, — говорит ей Василиса, — что эта работа моих рук не минует.

Заперлась в свою горницу, принялась за работу; шила она не покладая рук, и скоро дюжина сорочек была готова.

Старуха понесла к царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, оделась и села под окном. Сидит себе и ждёт, что будет. Видит: на двор к старухе идёт царский слуга; вошёл в горницу и говорит:

— Царь-государь хочет видеть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить её из своих царских рук.

Пошла Василиса и явилась пред очи царские. Как увидел царь Василису Прекрасную, так и влюбился в неё без памяти.

— Нет, — говорит он, — красавица моя! Не расстанусь я с тобою; ты будешь моей женою.

Тут взял царь Василису за белые руки, посадил её подле себя, а там и свадьбу сыграли. Скоро воротился и отец Василисы, порадовался об её судьбе и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла к себе, а куколку по конец жизни своей всегда носила в кармане.